

Том 9, № 1
2012

Учредитель

Национальный
исследовательский университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

В.А. Петровский

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

В.М. Розин

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

Т.Н. Ушакова

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

Б. Шефер (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

С.Р. Яголкинский (зам. глав. ред.)

Отв. секретарь *Ю.В. Брисева*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский

Е.Н. Осина

Компьютерная верстка

Е.А. Валцовой

Адрес издателя и распространителя:

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.

Тел. (499) 611-15-08

E-mail: id.hse@mail.ru

Перепечатка материалов только
по согласованию с редакцией

© НИУ ВШЭ, 2012 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

В.А. Петровский. К читателям 3

Теоретико-эмпирические исследования

А.Н. Веракса, А.Е. Горвая. Особенности применения
мысленных образов юными спортсменами,
занимающимися разноплановыми видами спорта 5

Специальная тема выпуска:

Персонология

В.А. Петровский. Вступительное слово 19

В.А. Петровский, Е.Б. Старовойтенко. Наука

личности: четыре проекта общей персонологии 21

М.В. Ломова. Внутриспихические пространства
в аналитическом диалоге: взаимодействие
на территории клиента 40

И.А. Погодин. Психотерапия, фокусированная
на переживании 62

К.С. Лисецкий, С.В. Березин, Н.А. Евченко.
Роль внутреннего диалога «Я – Другое-Я»
в развитии личности 76

Интердисциплинарные исследования

Д.Р. Валеева, М.М. Юдкевич. Соотношение
2D:4D и экономические эксперименты 83

Короткие сообщения

И.А. Геронимус. Взаимосвязь представлений о
профессиональной деятельности и ведущего способа
профессионального самоопределения 95

Е.Л. Григоренко, Р. Булвэре-Гуден, Н.В. Рахлина.
Правописание и морфологическое осознание 104

А.А. Григорьев, В.Ю. Сухановский. Связь
психометрического интеллекта с некоторыми
демографическими показателями регионов 113

**Е.С. Дмитриева, В.Я. Гельман, К.А. Зайцева,
А.М. Орлов.** Оценка связи восприятия эмоциональной
интонации речи с компонентами эмоционального
интеллекта 126

Н.В. Кошелева, Е.Н. Осин. Имплицитные
представления студентов об атеистах
и верующих людях 135

Обзоры и рецензии

Е.М. Иванова. Чувство юмора как маркер
одаренности 144

Ю.Г. Овчинникова, П.Б. Селюгина.
Личностная идентичность: от философских
истоков к психологической сущности 153

Научная жизнь

В.В. Колпачников. На V съезде РПО 162

Резюме выпуска на европейских языках 165

Vol. 9, № 1
2012

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

Editor

V.A. Petrovsky

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanschikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisorov

A.V. Karpov

E.A. Klimov

A. Längle

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lyusin

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiakov

V.A. Ponomarenko

V.M. Rozin

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrinov (Vice Editor)

B. Schäfer (Vice Editor)

A.G. Shmelev

D.V. Ushakov (Vice Editor)

T.N. Ushakova

S.R. Yagolkovskiy (Vice Editor)

A.N. Zhdan

A.L. Zhuravlev

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova,*

N.S. Sambu

Translation into English

E.N. Osin

Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and distributor's address:

ul. Myasnitskaya, 20, 101000,

Moscow, Russia.

Tel. 499 (611-15-08)

E-mail: id.hse@mail.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© NRU HSE, 2012

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

V.A. Petrovsky. Editorial 3

Theoretical and Empirical Research

A.N. Veraksa, A.E. Gorovaya. Mental Imagery
Application Differences in Youth Athletes
Pursuing Different Kinds of Sports 5

Special Theme of the Issue.

Personology

V.A. Petrovsky. Editorial 19

V.A. Petrovsky, E.B. Starovoitenko. The Science
of Personality: Four Projects of General
Personology 21

M.V. Lomova. Mental Spaces in Analytic
Dialogue: Interaction on the Client's Side 40

I.A. Pogodin. Experiencing-Focused Therapy 62

K.S. Lisetsky, S.V. Berezin, N.A. Evchenko.
Role of Inner Dialogue «Self – Another-Self»
in Personality Development 76

Interdisciplinary Research

D.R. Valeyeva, M.M. Yudkevich. The 2d:4d
Ratio and Economic Experiments 83

Work in Progress

I.A. Geronimus. Association of the Image of Profession
and the Way of Professional Self-Determination 95

E.L. Grigorenko, R. Boulveret-Houdin, N.V. Rakhlina.
Spelling and Morphological Awareness 104

A.A. Grigoriev, V.Yu. Sukhanovskiy. Association
of Psychometric Intelligence to Regional Demographic
Variables 113

E.S. Dmitrieva, V.Ya. Gelman, K.A. Zaitseva,
A.M. Orlov. Measuring the Association Between
Emotional Prosody Perception and Emotional
Intelligence Components 126

N.V. Kosheleva, E.N. Osin. Implicit Conceptions
of Atheist and Believer in Students 135

Reviews

E.M. Ivanova. Sense of Humour as
a Giftedness Indicator 144

Yu.G. Ovchinnikova, P.B. Selyugina. Personal
Identity: From Philosophical Background
to Its Psychological Essence 153

Scientific Life

V.V. Kolpachnikov. The 5th Convention
of Russian Psychological Society 162

Summary of the Issue 165

К ЧИТАТЕЛЯМ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ

Петровский Вадим Артурович — ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор факультета психологии НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, профессор, доктор психологических наук. Лауреат премии «Золотая Вышка – 2011» в номинации «Достижения в науке». Главный редактор журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики».

Сфера научных интересов — теория и методология психологии, общая персонология, транзактный анализ. Автор мультисубъектной теории личности, моделей воспитания дошкольников, вхождения личности в стабильную социальную общность, импульсной модели экзистенциального выбора, а также ряда исследовательских и практических методов и методик.

Автор более 160 работ, среди которых монографии: «Психология неадаптивной активности» (1992), «Личность: феномен субъектности» (1993), «Одаренные дети: экология творчества» (1993, в соавт.), «Психология воспитания» (1995, отв. ред. и автор), «Личность в психологии: парадигма субъектности» (1996), «Основы практической консультативной психологии» (2008, отв. ред. и автор), «Человек над ситуацией» (2010) и др.

Контакты: petrowskiy@mail.ru

Напомню просвещенному читателю знаменитый «треугольник наук» академика Б.М. Кедрова:

Психология занимает здесь весьма почетное — центральное! — место между естественными, социальными и философскими науками. Радую-

щая глаз и лстящая сердцу схема! Она вызвала живой отклик у Жана Пиаже (порадуемся и этому!). Ж. Пиаже, впрочем, высказал следующее немаловажное соображение. В своем докладе на XVIII Международном психологическом конгрессе в августе 1966 г. в Москве он говорил о том, что следовало бы подчеркнуть, что связь психологии с другими науками должна быть «двусторонняя»: важно не только то, как влияют на психологию другие науки (в этом правота Б.М. Кедрова), но и то, какой вклад психология, в свою очередь, вносит в эпистемологию других наук, поскольку пытается раскрыть психологические механизмы познания тех или иных сфер действительности.

Скоро уж будет полвека с тех пор. Идеи Б.М. Кедрова и Ж. Пиаже до сих пор с пиететом цитируются многими из нас. Но далеко ли мы продвинулись в осмыслении «односторонних» и тем более «двусторонних» связей между психологией и другими науками? Когда я впервые в августе 1966 г. читал статью Ж. Пиаже, я ощущал, что вот-вот тот предсказанный синтез наступит. Меня, тогдашнего 10-классника 2-й физмат школы в Москве, на перепутье между психологией и математикой вдохновляла идея «воздейственности» психологии на другие науки. Увы! До сих пор обещанное «центральное положение» психологии остается фантазией. Центроостремительные и центробежные силы, которые могли бы возникнуть в результате «вращения» естественных, общественных и философских наук вокруг психологии, почти незаметны; мало что «вращается».

А может быть, наш университетский журнал (журнал в универсуме жизни науки) мог бы создать желанный момент вращения? В номере 3 за 2011 г. (см. «К читателям») я задавался вопросом о том, удастся ли нам построить работу журнала так, чтобы психология, сосредоточенная чаще всего *на себе* (что означает: «психология в зеркале психологии»), обратилась также и к другим участникам социально-культурно-природного действия, отразившись в зеркале экономики, социологии, политологии, философии, биологии, физики, математики.

Ответ на этот вопрос — новые рубрики: «Персонология», «Интердисциплинарные исследования», «Новостная лента идей». Со временем к ним присоединятся другие...

Идея синтеза — старая.

Практика синтеза — дело будущего.

Приступим?

Теоретико-эмпирические исследования

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЫСЛЕННЫХ ОБРАЗОВ ЮНЫМИ СПОРТСМЕНАМИ, ЗАНИМАЮЩИМИСЯ РАЗНОПЛАНОВЫМИ ВИДАМИ СПОРТА

А.Н. ВЕРАКСА, А.Е. ГОРОВАЯ

Веракса Александр Николаевич — доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т.ч. монографии «Символическое опосредствование в познавательной деятельности» (2010).
Контакты: veraksa@yandex.ru

Горовая Александра Евгеньевна — студентка факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, мастер спорта по художественной гимнастике.
Контакты: gorovaya.aleksandra@gmail.com

Резюме

Статья посвящена анализу особенностей использования различных типов мысленных образов юными спортсменами, занимающимися разноплановыми видами спорта. Подтверждена гипотеза об использовании юными спортсменами различных типов образов в соответствии с особенностями конкретного

Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

вида спорта. Выявлена возрастная специфика использования различных видов образов. Установлена связь между применением спортсменами образов и уровнем развития их воображения. Показана эффективность использования прыгунами в воду и футболистами разработанной авторами комплексной программы применения образов.

Ключевые слова: *спортивная психология, мысленный образ, воображение, программа применения образов в спортивной подготовке.*

За последнее время было проведено множество исследований, посвященных изучению роли мысленных образов в спортивной деятельности, а также доказывающих эффективность их использования в качестве средства подготовки спортсменов (Morris et al., 2005).

Спортивно-ориентированные образные представления, или так называемые *спортивные мысленные образы* (sport imagery), рассматривают как мысленное создание или воссоздание переживаний, например, определенных действий или ситуаций (Vealey, Greenleaf, 1998). Эти переживания содержат квазисенсорные, квазиперцептивные и квазиэмоциональные составляющие, они находятся под сознательным контролем системы формирования образа и могут возникать в отсутствие стимульных условий, обычно сопровождающих реальное восприятие. Р. Найдиффер особо подчеркивал различия мысленной тренировки¹ спортсменов и обычного процесса воображения человека: «...обычный процесс представлений

воображения отличается от такой процедуры (мысленной тренировки) стихийностью своего протекания, отсутствием анализа наиболее существенных деталей» (Найдиффер, 1979, с. 160).

Используя образы в своей практике, спортсмены могут преследовать различные цели. К. Мартин с соавт. (Martin et al., 1999) разработали прикладную модель использования мысленных образов в спорте, за основу которой взято предложенное ранее А. Паивлио (Paivio, 1985) выделение двух функций образных представлений спортсменов: когнитивной и мотивационной. Каждая из них, согласно данной модели, в свою очередь, реализуется на двух уровнях — общем и специальном. Таким образом, авторы выделяют пять различных видов умственных образов, используемых спортсменами. Когнитивные общие (КО) — образы, связанные с соревновательными стратегиями, мысленной проработкой игровых планов и двигательных программ; когнитивные специальные (КС) — образы, направленные на

¹ Подчеркнем, что, хотя, согласно классическому пониманию, мысленная тренировка может и не содержать образных представлений (например, как в случае применения техники внутреннего диалога), в работах, посвященных спортивной психологии, использование мысленной тренировки, как правило, предполагает присутствие образных представлений.

совершенствование или образование конкретных двигательных навыков. Мотивационные общие-активирующие (МО-А) — образы, связанные с физиологическим возбуждением, релаксацией и соревновательной тревогой; мотивационные общие-регулирующие (МО-Р) — образы, репрезентирующие эффективный копинг и уверенность в трудных ситуациях. И наконец, мотивационные специальные (МС) — образы, символизирующие конкретные цели. В нашем исследовании мы базировались на данной модели.

Хотя значительная часть исследований по данному направлению связана с изучением взрослых спортсменов, наибольший интерес для нас представляет менее разработанная область, а именно исследование особенностей применения различных типов образов юными спортсменами. К настоящему моменту наиболее полно специфика применения образов юными спортсменами раскрыта в работе К. Манро-Чандлер с соавт. (Munroe-Chandler et al., 2007). По аналогии с исследованием К. Манро с соавт. (Munroe et al., 2000) взрослых спортсменов, авторы установили, где, когда, зачем и что возникает в воображении спортсменов в возрасте от 7 до 14 лет. Оказалось, что юные спортсмены, так же как и взрослые, прибегают к образной тренировке повсеместно, т.е. до, во время и после соревнований; в ходе тренировочного процесса, а также в свободное время (например, перед сном). Кроме того, было установлено, что с функциональной точки зрения, спортсмены в возрасте от 7 до 14 лет в той или иной мере используют все пять типов образов (КС, КО, МС,

МО-А, МО-Р), описанных ранее К. Холл с соавт. (Hall et al., 2005) применительно к взрослым атлетам. Однако авторы не рассматривали вопрос о том, в каком объеме спортсмены используют различные типы образов.

Данные многочисленных исследований (напр.: Barr, Hall, 1992; Martin et al., 1999) и обзорных работ (напр.: Morris et al., 2005; Driskell et al., 1994) по проблеме использования образов в спорте позволяют утверждать, что целенаправленное и систематическое использование образов является эффективным средством улучшения их реального физического выполнения. По отношению к подобным, специально разработанным программам психологической подготовки, предполагающей системное использование различных принципов наиболее эффективного применения образов, в англоязычной литературе используют, как правило, термин «imagery training program» (ИТР). На наш взгляд, целесообразным представляется применение русскоязычного аналога данного термина, а именно «программа применения образов в спортивной подготовке» (ППОСП). В литературе по спортивной психологии представлено достаточное количество примеров построения подобных программ для взрослых спортсменов (Cox, 2002; Gould et al., 2002; Minas, 1980, Morris, 1997; Morris et al., 2005; Ungerleider, 1996). Наиболее известными из них считаются визуально-моторная модель поведения (Start, Richardson, 1964), АИМ-стратегия (Kohl, Roenker, 1983), «Тренировочная программа спортивных образов» («sport imagery

training program») (Martens, 1987), техника «Управляемое воображение» («guided imagery») (Ungerleider, 1996), тренинг «Прививка против стресса» («stress inoculation training») (Meichenbaum, 1985) и так называемая программа «Пять шагов» (Singer, 1988).

Важно отметить, что, по некоторым данным, применение образных представлений в рамках специальных ППОСП (помимо их спонтанного использования) также является эффективным средством подготовки не только взрослых, но и очень юных спортсменов. Так, З. Ли-Вей с соавт. (Li-Wei et al., 1992) установили, что применение программы образной тренировки, в основе которой лежит использование когнитивных специальных образов (КС) спортсменами 7–10 лет, занимающихся настольным теннисом, способствовало улучшению их спортивных результатов. К. Манро-Чандлер и К. Холл (Munroe-Chandler, Hall, 2004) показали, что для молодых спортсменов также эффективно использование мотивационных общих-регулирующих образов: за 13 недель работы тринадцатилетние футболистки смогли повысить свою коллективную эффективность². Вместе с тем примеры использования ППОСП юными спортсменами по сравнению со взрослыми не столь многочисленны. Более того, на данный момент ни одну из ППОСП, разработанных для взрослых спортсменов, нельзя назвать общепризнанной. В соответ-

ствии с этим изучение вопроса об эффективности образной тренировки для юных спортсменов, а также необходимость создания специальных программ ППОСП представляются нам достаточно актуальными.

Основная цель данной работы — изучение специфики использования образов юными спортсменами. Перед нами стояла задача проверки целого ряда гипотез:

Гипотеза 1: юные спортсмены используют образы различного вида не равномерно, а в соответствии со спецификой конкретного вида спорта.

Гипотеза 2: между использованием образов и воображением спортсменов существует устойчивая значимая связь.

Гипотеза 3: наличие возрастных закономерностей использования образов различного вида.

Гипотеза 4: эффективная программа образных тренировок спортсменов должна строиться с использованием образов того типа, которые соответствуют возрасту и специфике вида спорта.

Проверка указанных гипотез осуществлялась в двух исследованиях.

Исследование 1

Первое исследование было посвящено проверке гипотез 1, 2 и 3. С этой целью каждый спортсмен индивидуально заполнял опросник SIQ, что сопровождалось беседой, направленной на разъяснение полученных ответов, а также фигурную форму

² Коллективная эффективность (collective efficacy) — уверенность группы людей в том, что они могут совместными усилиями добиться социальных перемен.

краткого теста творческого мышления П. Торренса.

Испытуемые

В качестве испытуемых выступили юные спортсмены в возрасте от 10 до 18 лет, занимающиеся футболом (N = 26; M = 13 лет) и прыжками в воду (N = 21; M = 13.5 лет) на базе ДЮСШ г. Москвы. Все принявшие участие в исследовании молодые спортсмены являются членами сборных команд г. Москвы и регулярно выступают на региональных и всероссийских соревнованиях. Все спортсмены 10–13 лет на момент исследования имели в среднем опыт не менее 3 лет занятия спортом, а спортсмены 14–18 лет — не менее 7 лет.

Метод

Краткий тест творческого мышления (КТТМ). Для измерения уровня развития воображения использовалась фигурная форма краткого теста творческого мышления (КТТМ) П. Торренса в адаптации Е.И. Щерблановой и И.С. Авериной (Щербланова, Аверина, 1995). Фигурная форма теста применяется для исследования способности учащихся к наглядно-образной мыслительной деятельности. Данная методика предполагает выявление уровня развития нескольких показателей мыслительной деятельности: беглость, гибкость, оригинальность, разработанность.

Опросник использования образов в спорте (ИОС)³. К настоящему

моменту К. Холл с соавт. (Hall et al., 2009) разработали адаптированный для юных спортсменов вариант специального «Опросника использования образов в спорте» (ИОС), направленный на измерение частоты использования взрослыми спортсменами образов того или иного типа. В оригинальной версии ИОС состоит из 30 утверждений, каждое из которых репрезентирует определенную субшкалу (тип образов): КС, КО, МС, МО-А, МО-Р. Спортсмен составляет самоотчет о том, как часто он использует эти пять различных видов образов. Взрослые спортсмены оценивают частоту использования ими образов по 7-балльной шкале Likert-типа, в диапазоне от 1 (редко использую) до 7 баллов (часто). Адаптированный для юных спортсменов вариант опросника (Sport Imagery Questionnaire for Children (SIQ-C)) состоит из 21 утверждения, четыре из которых репрезентируют шкалы КС, КО, МС и МО-А образов и еще пять — МО-Р шкалу. Кроме того, юные спортсмены оценивают частоту использования ими образов по 5-балльной шкале.

Несмотря на то что К. Холл с коллегами показали возможность применения специальной методики для исследования вопроса об использовании образов юными спортсменами, результаты нашей работы со спортсменами продемонстрировали, что русскоязычная версия оригинального ИОС при условии индивидуальной формы его проведения также является валидным инструментарием

³ В оригинале The Sport Imagery Questionnaire (SIQ).

для исследования юных спортсменов. Русскоязычная версия потребовала незначительных изменений текста опросника и формы его презентации. Для ряда утверждений были подобраны аналоги на русском языке, формулировка которых сохраняла репрезентацию определенной субшкалы, но представлялась более доступной для понимания.

Таким образом, русскоязычная версия опросника применялась для оценки частоты спонтанного использования спортсменами обеих групп различных видов образов.

Результаты и обсуждение

Данные, полученные в результате применения ИОС, представлены в таблице 1.

Оценка статистической значимости наблюдаемых различий в частоте использования спортсменами разных типов образов дает основание говорить о предпочтении спортсменами, занимающимися прыжками в воду, образов когнитивного специального типа и об отсутствии значимых предпочтений в использовании образов разного типа спортсменами-футболистами. Так, результаты применения критерия Вилкоксона показывают, что между средними

значениями показателя частоты использования спортсменами, занимающимися прыжками в воду, образов КС типа и показателями частоты использования КО, МС, МО-А, МО-Р образов существуют статистически достоверные различия ($p < 0.05$). Для группы спортсменов-футболистов статистически достоверных различий между частотой использования образов различного типа обнаружено не было ($p > 0.1$).

Как мы отмечали, когнитивные специальные образы ориентированы на мысленную проработку конкретных двигательных навыков. В этой связи тот факт, что образы когнитивного специального типа находят более частое применение в практике прыгунов в воду, в отличие от футболистов, становится понятным при учете специфики прыжков в воду как вида спорта. Считается, что прыжки в воду представляют собой своеобразное сочетание сложнокоординационного содержания спортивной акробатики и гимнастики. Прыгун в воду, выполняя прыжки со снарядов различной высоты (от 1 до 10 метров), совершает в воздухе многократные вращения вокруг продольной и поперечной осей тела. Для успешного выполнения прыжка спортсмен должен безусловно владеть своим телом, управлять мышцами, координировать

Таблица 1

Средние значения по частоте использования спортсменами различных типов образов

Испытуемые	Показатели				
	КС	КО	МС	МО-Р	МО-А
Прыгуны в воду	4.92	4.57	3.64	4.59	3.76
Футболисты	4.85	4.71	4.30	4.77	4.15

положение тела относительно поверхности воды для того, чтобы завершить прыжок вертикальным входом в воду вниз головой (см.: Распопова, 2000). Таким образом, прыжки в воду относятся к тем видам спорта, в которых работа над техникой выполнения движений является центральным элементом физической подготовки и, очевидно, должна занимать значительную часть психологической подготовки.

Приведем высказывания спортсменов: *«Только мы так делаем, больше никто... любое движение заканчивается вниз головой»* (Алексей Ш., 18); *«Трудно понять новые прыжки, особенно винты... (как) вовремя открываться... в какую сторону. Сначала надо понять, представить»* (Павел Б., 11). Даже при ответе на вопросы ИОС, репрезентирующие мотивационные функции образов, спортсмены подчеркивали важность мысленной проработки движений. Так, спортсменами подчеркивалось, что даже в трудных соревновательных ситуациях *«(я представляю) прошлые соревнования, как прыгала в тот раз»* (Кира Ш., 13), *«думаю только о том, как сделать следующий прыжок»* и т.п.

Большинство спортсменов, так или иначе, называли страх в качестве одной из основных специфических особенностей прыжков в воду, чаще всего можно было услышать высказывания типа: *«Изначально очень страшно, и не все его проходят и остаются (в спорте)»*; *«Стоять страшно перед началом прыжка, во время – уже нет»* и т.п. В этой связи становится понятна актуальность технического совершенства выполнения движений, особенно в случае

прыжков с вышки (т.е. со снарядов высотой 5, 7.5 или 10 метров).

Футболистам необходима разносторонняя подготовка, которая исключает специфическое воздействие только на одно из спортивных качеств и сосредотачивается на комплексе оздоровительных, игровых и общефизических упражнений. Несмотря на то что в футболе объем движений чрезвычайно разнообразен, а специфика футбола предполагает большую вариативность беговых упражнений, нельзя забывать и о командном характере деятельности в данном виде спорта. В этой связи спортсмены-футболисты сталкиваются с необходимостью использования не только когнитивных типов образов, но и мотивационных, что отражено в полученных нами результатах. Таким образом, можно говорить о правомерности гипотезы 1, согласно которой юные спортсмены используют образы различного вида в соответствии со спецификой конкретного вида спорта.

Полученные данные согласуются с результатами корреляционного анализа, по итогам которого между фигурной формой КТТМ и показателями SIQ были обнаружены значимые взаимосвязи (при $p < 0.05$), что подтверждает предположение, сформулированное нами в гипотезе 2. Оказалось, что характер этих связей изменяется в зависимости от рассматриваемой группы испытуемых. Для группы спортсменов, занимающихся прыжками в воду, наиболее сильные положительные корреляции были обнаружены между показателями КТТМ и показателями когнитивных образов. Характерными в этом отношении являются корреляции

показателя гибкости и разработанности мышления с показателями когнитивных специальных образов ($r = 0.536$; $r = 0.4$) и когнитивных общих образов ($r = 0.406$; $r = 0.602$). По отношению к мотивационным образам была обнаружена лишь одна значимая корреляция показателя разработанности мышления и мотивационных общих образов ($r = 0.636$). В группе спортсменов-футболистов показатели КТТМ коррелируют с показателями не только когнитивных, но и мотивационных образов. К примеру, наряду с корреляциями показателя разработанности с показателями когнитивных специальных ($r = 0.667$) и когнитивных общих образов ($r = 0.479$) были обнаружены корреляции показателя беглости и показателя мотивационных специальных образов ($r = 0.751$), показателя разработанности и мотивационных общих-регулирующих образов ($r = 0.532$). Стоит отметить, что в целом средние значения результатов выполнения методики КТТМ испытуемыми обеих групп находятся в пределах нормы или превышают ее⁴.

Таким образом, наблюдается следующая тенденция: и прыгуны в воду, и футболисты, демонстрирующие развитое воображение, часто используют образы в своей спортивной деятельности. При этом если для прыгунов в воду независимо от уровня развития их воображения оказывается характерным использование образов когнитивного типа, то для спортсменов-футболистов подобная специализация в использова-

нии образов определенного типа не наблюдается. Другими словами, мы можем предположить, что независимо от уровня развития воображения спортсмены, по-видимому, используют образы в соответствии со спецификой своего вида спорта. В этой связи характер взаимосвязей, полученных в ходе проверки гипотезы 2, аналогично данным, рассмотренным выше, становится понятен при обращении к специфике футбола и прыжков в воду как видов спорта.

Для проверки гипотезы 3 мы обратились к анализу полученных данных с целью выявления возрастной специфики использования различных видов образов. В результате применения критерия Манна–Уитни для группы прыгунов в воду были обнаружены статистические достоверные различия по параметру КС с уровнем значимости 0.05 между группами испытуемых, условно обозначенными нами как младший (10–13 лет) и старший подростковый возраст (14–18 лет). Старшие спортсмены используют образы КС типа более систематично, чем младшие. Спортсмены-футболисты младшего возраста (10–13 лет) чаще используют мотивационные, эмоционально-насыщенные образы, тогда как когнитивные образы в сочетании с мотивационными начинают использовать старшие спортсмены (14–18 лет). Таким образом, наблюдаются различные тенденции для группы спортсменов, занимающихся прыжками в воду, и группы спортсменов-футболистов. Если у спортсменов,

⁴ В сравнении с нормативными показателями, разработанными Е. Щеплановой и И. Аверинной (Щепланова, Аверина, 1995).

занимающихся прыжками в воду, в старшем возрасте изменяется (возрастает) только частота применения предпочитаемого ими типа образов (КС), то у спортсменов-футболистов при переходе к более старшему возрасту происходит смена доминирующего типа образа (с преимущественного использования мотивационных образов на когнитивные).

Исследование 2

В связи с проверкой гипотезы 4 об эффективности применения юными спортсменами ППОСП испытуемые обоих видов спорта были распределены в экспериментальную и контрольную группы. Группы были составлены на основе анализа рейтинга выступлений спортсменов таким образом, чтобы максимально уравнять их по параметрам возраста и уровня профессионального развития. В исследовании приняли участие все спортсмены, которые участвовали в предыдущей части исследования.

Испытуемые

Экспериментальную группу составили футболисты (N = 14) и прыгуны в воду (N = 11), принявшие участие в ППОСП. В контрольную группу спортсменов вошли спортсмены-футболисты (N = 12) и прыгуны в воду (N = 10), не применявшие программу.

Метод

Мониторинг успешности реального выполнения спортсменами движений

Футбол. Мониторинг изменений в двигательных навыках футболис-

тов осуществлялся с помощью контроля за результатами выполнения двигательных тестов. Двигательные тесты представляли собой стандартные тесты, принятые в качестве нормативных заданий в данном виде спорта («ведение мяча, обводка стоек и удар по воротам»). Выбор данного теста в качестве показателя эффективности применения программы был обусловлен рекомендациями, полученными в результате консультаций с тренерами каждой возрастной группы испытуемых.

Прыжки в воду. В качестве основного показателя эффективности применения программы ППОСП спортсменами, занимающимися прыжками в воду, выступали результаты мониторинга реального выполнения прыжков. Для данной группы испытуемых мониторинг выполнения двигательных тестов (конкретных прыжков) осуществлялся посредством оценки видеозаписей.

Оценка успешности выполнения спортсменами движений производилась по типу экспертных оценок, где в роли специалистов выступали тренерские составы ДЮСШ. Для получения наиболее достоверных результатов процедура оценки была специально организована таким образом, чтобы каждый из тренеров (в индивидуальном порядке) оценивал только тех спортсменов, которые не занимаются под его руководством. Все тренеры, участвовавшие в исследовании, входят в состав судейских бригад чемпионов и первенств г. Москвы.

Программа применения образов в спортивной подготовке

Процесс разработки программы образной тренировки проходил в

несколько этапов. На первом этапе совместно с тренерами был проведен подробный качественный анализ прыжков в воду и футбола как видов спорта с целью выявления их ключевых характеристик. На втором этапе, основываясь на полученных результатах исследования 1, мы разработали программу образной тренировки, релевантную как специфике данных видов спорта, так и возрастным особенностям спортсменов; основу этой программы составили различные техники использования когнитивных специальных образов в сочетании с рядом приемов эмоциональной регуляции состояния.

Реализация данной программы образной тренировки предполагала поэтапное обучение спортсменов основным приемам эффективного использования образов для улучшения техники выполнения движений, специфичных для конкретного вида спорта. В число таких приемов, разработанных на основе анализа соответствующей литературы (Feltz, Landers, 1983; Hinshaw, 1991; Martens, 1987; Morris et al., 2005; Murphy, White, 1995; Orlick, 2000; Rushall, 1995; Suinn, 1993 и др.), вошли: создание идеомоторных представлений, в основе которых лежит мысленная проработка конкретных движений с учетом внутренней перспективы образа и включением как можно более полных мышечных ощущений (в том числе посредством добавления к мысленному образу имитирующих упражнений); подбор «ключевых слов» к опорным или проблемным элементам движения с последующим применением их в ходе мысленной проработки данных движений; использование позитивных мыслен-

ных образов, связанных с мысленным проигрыванием целостных ситуаций успешного выполнения тех или иных конкретных движений; создание как можно более реалистичных, включающих максимально возможное количество сенсорных ощущений образов выполнения конкретных движений в типичной тренировочной и соревновательной обстановке.

Отметим, что сценарии образных тренировок включали характерные для данного вида спорта выражения и термины, а содержание образов соответствовало актуальной спортивной «специализации» испытуемого, т.е. различным амплуа для футболистов или выполнению прыжков с того или иного снаряда для прыгунов в воду. Приведем в качестве примера отрывок сценария для создания образа соревновательной среды прыгуном в воду, специализирующимся на прыжках с трамплина:

Восстанови по памяти все детали окружающей тебя обстановки, дорисуй эту картинку: представь расположение трамплинов и вышек в этом бассейне; отметь, где ты сейчас находишься; отметь, где стоит тренер. Представь, что рядом к выступлению готовятся другие спортсмены. Сделай свой образ более реалистичным, добавь в него звук: услышь голос тренера, шум воды или голоса других спортсменов, голоса судей, объявляющих оценки. Вспомни ощущения от поверхности трамплина... Он мокрый, шероховатый, упругий... прочувствуй это...

Процедура

В экспериментальной группе интервенция была разделена на два

этапа: подготовительная стадия и основная работа по программе.

На подготовительной стадии со спортсменами была проведена вводная сессия, посвященная разъяснению (в доступной для юных спортсменов форме) специфики метода применения образцов. Кроме того, на подготовительном этапе работы со всеми испытуемыми были проведены предварительные двигательные тесты (pre-test).

Основной этап работы по программе занимал 5 и 7 индивидуальных сессий для групп спортсменов, занимающихся футболом и прыжками в воду соответственно, на протяжении 12 недель.

В контрольных группах на протяжении 12 недель было проведено 7 и 8 индивидуальных встреч со спортсменами-футболистами и спортсменами-прыгунами в воду соответственно, на которых обсуждались возможности использования различных техник саморегуляции (в том числе и образная тренировка), но внедрение какой-либо техники не осуществлялось.

Необходимо отметить, что в ходе применения экспериментальной программы все спортсмены продолжали свои физические тренировки в том же режиме, что и до начала программы.

По окончании применения программы все спортсмены выполняли завершающие двигательные тесты (post-test).

Результаты и обсуждение

Результаты дисперсионного анализа показали, что оценки тренеров, выступавших в роли специалис-

тов-экспертов, выполнения спортсменами (футболистами) двигательных тестов и прыжков в воду (прыгунами в воду) не имеют между собой значимых различий ($p > 0.05$). Можно говорить о согласованности мнений экспертов по вопросу успешности выполнения движений спортсменами на разных стадиях эксперимента.

Футбол

Показатели успешности выполнения двигательных тестов спортсменами каждой группы испытуемых были получены путем вычисления средних значений результатов их оценки тренерами-экспертами. Были обнаружены статистически достоверные различия ($p = 0.04$ по критерию Вилкоксона) между оценкой успешности выполнения двигательного теста футболистами экспериментальной группы до начала эксперимента (pre-test) и после его окончания (post-test). Для спортсменов контрольной группы подобных различий обнаружено не было ($p = 0.08$ по критерию Вилкоксона). Результаты оценки экспертами успешности выполнения двигательных тестов испытуемыми экспериментальной группы до и после применения программы представлены на рисунке 1.

Прыжки в воду

Были обнаружены статистически достоверные различия ($p = 0.02$ по критерию Вилкоксона) между оценкой успешности выполнения прыжков спортсменами экспериментальной группы до начала эксперимента (pre-test) и после его окончания (post-test). Для прыгунов контрольной группы подобных различий

Рисунок 1

Оценка тренерами успешности выполнения двигательных тестов спортсменами-футболистами экспериментальной группы до (pre-test) и после (post-test) применения программы

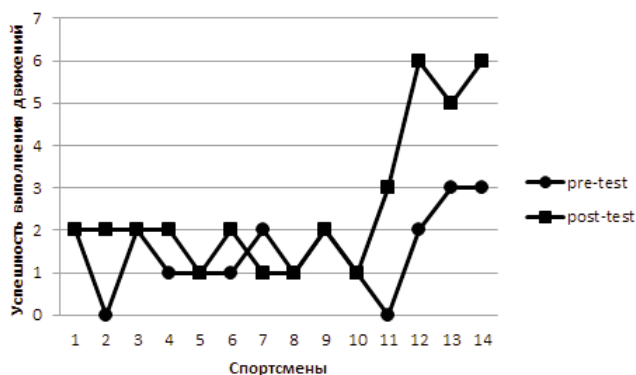
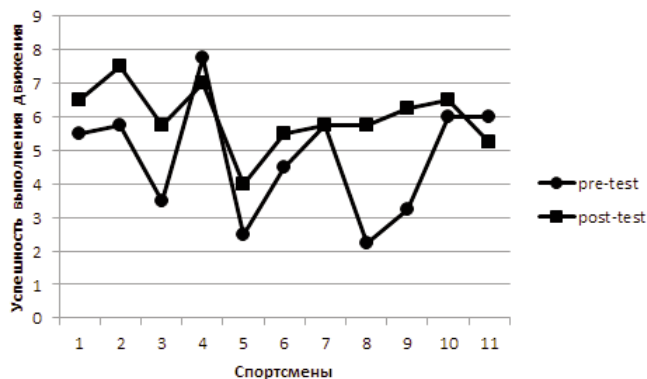

Рисунок 2

Оценка тренерами успешности выполнения прыжков спортсменами экспериментальной группы до (pre-test) и после (post-test) применения программы

обнаружено не было ($p = 0.85$ по критерию Вилкоксона). Результаты оценки экспертами успешности выполнения прыжков испытуемыми экспериментальной группы до и после применения программы представлены на рисунке 2.

Рассматривая полученные данные в процентах, можно констатировать, что применение прыгунами в воду и футболистами программы образной тренировки повысило

успешность выполнения соответствующих движений на 12% и 33% соответственно.

Заключение

Проведенные исследования в целом подтвердили наши предположения о существовании различий в использовании образов начинающими спортсменами разных видов спорта и об эффективности применения образной

тренировки в работе с начинающими спортсменами.

Во-первых, было установлено, что в зависимости от специфики вида спорта уже в младшем подростковом возрасте мы можем констатировать различия в использовании доминирующего типа образа. Если прыгуны в воду чаще прибегают к использованию когнитивных специальных образов, то футболисты используют и когнитивные, и мотивационные образы. С нашей точки зрения, это обстоятельство объясняется спецификой рассмотренных видов спорта: прыжки в воду носят индивидуальный характер и связаны, в первую очередь, с овладением сложнокоординированными действиями, тогда как футбол представляет собой командный вид спорта, в котором освоение технических элементов сопряжено с развитием командного взаимодействия.

Во-вторых, нам удалось показать, что, несмотря на постулируемые Р. Найдиффером различия мысленной тренировки и воображения, между ними существует устойчивая значимая связь. Более того, показано, что независимо от уровня развития воображения спортсмены, занимающиеся прыжками в воду и футболом, используют образы в соответствии со спецификой своего вида спорта.

В-третьих, наше исследование позволяет констатировать наличие

возрастных особенностей использования различных видов образов начинающими футболистами и прыгунами в воду. Начинающие футболисты (младшие подростки) чаще используют мотивационные образы и только позднее сочетают их с образами когнитивного типа. Начинающие прыгуны в воду демонстрируют устойчивое предпочтение использования когнитивных специальных образов на протяжении всего подросткового возраста. Причем данное предпочтение с возрастом только усиливается. Можно предположить, что если занятия прыжками в воду способствуют развитию образов КС типа, то занятия футболом связаны с развитием образов разного типа.

Кроме того, было показано, что использование программы образной тренировки, построенной в соответствии с обнаруженными особенностями использования различных типов образов спортсменами-футболистами и прыгунами в воду, приводит к значимому повышению результатов спортивной деятельности. Важным представляется тот факт, что сами тренеры спортивных школ высоко оценили результаты применения программы образных тренировок, отметив, что она органично сочетается с принятыми системами физической подготовки.

Мы надеемся, что полученные результаты будут полезны не только начинающим спортивным психологам-практикам, но и тренерам.

Литература

Найдиффер Р.М. Психология соревнующегося спортсмена. М.: Физкультура и спорт, 1979.

Распопова Е.А. Прыжки в воду: Учебник для вузов физической культуры. М.: Физкультура, образование и наука, 2000.

Щебланова Е.И., Аверина И.С. Краткий тест творческого мышления. М.: ИНТОР, 1995.

Barr K., Hall C. The use of imagery by rowers // *International Journal of Sport Psychology*. 1992. 23. 243–261.

Driskell J., Copper C., Moran A. Does mental practice enhance performance? // *Journal of Applied Psychology*. 1994. 4. 481–492.

Feltz D., Landers D. The effects of mental practice on motor skill learning and performance: A meta-analysis // *Journal of Sport Psychology*. 1983. 5. 25–57.

Hall C.R., Stevens D.E., Paivio A. *The Sport Imagery Questionnaire: Test manual*. Morgantown, WV: Fitness Information Technology, 2005.

Hall C., Munroe-Chandler K., Fishburne G., Hall N. *The Sport Imagery Questionnaire for Children (SIQ-C)* // *Measurement in Physical Education and Exercise Science*. 2009. 13.

Hinshaw K. The effects of mental practice on motor skill performance: Critical evaluation and meta-analysis // *Imagination, Cognition, and Personality*. 1991. 11. 3–35.

Li-Wei Z., Qi-Wei M., Orlick T., Zitzelsberger L. Mental training for children // *The Sport Psychologist*, 1992. 6. 3. 230–241.

Martens R. *Coaches guide to sport psychology*. Champaign IL: Human Kinetics, 1987.

Martin K., Moritz S., Hall C. Imagery use in sport: A literature review and applied model // *The Sport Psychologist*. 1999. 13.

Meichenbaum D. *Stress inoculation training*. N.Y.: Pergamon Press, 1985.

Morris T., Spittle M., Watt A. *Imagery in sport*. Champaign, IL: Human Kinetics, 2005.

Munroe K., Giacobbi P., Hall C., Weinberg R. The four Ws of imagery use: where, when, why, and what // *The Sport Psychologist*. 2000. 14.

Munroe-Chandler K.J., Hall C.R. Enhancing the collective efficacy of a soccer team through motivational general-mastery imagery // *Imagination, Cognition and Personality*. 2004. 24. 51–67.

Munroe-Chandler K., Hall C., Fishburne G., Strachan L. Where, when, and why young athletes use imagery: an examination of developmental differences // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 2007. 78. 1.

Orlick T. *In pursuit of excellence: How to win in sport and life through mental training*. Champaign, IL: Human Kinetics, 2000.

Paivio A. Cognitive and motivational functions of imagery in human performance // *Canadian Journal of Applied Sport Sciences*. 1985. 10.

Rushall B. *Mental skills training for sports: A manual for athletes, coaches, and sport psychologists*. Spring Valley, CA: Sport Science Associates, 1995.

Singer R. Strategies and metastrategies in learning and performing self-paced athletic skills // *The Sport Psychologist*. 1988. 2. 49–68.

Suinn R. Imagery // R. Singer, M. Murphey, L. Tennant (eds.). *Handbook of research on sport psychology*. N.Y.: Macmillan, 1993. P. 492–510.

Ungerleider S. *Mental training for peak performance: Top athletes reveal the mind exercises they use to excel*. Emmaus, PA: Rodale Press, 1996.

Vealey R., Greenleaf C. Seeing is believing: Understanding and using imagery in sport // J. Williams (ed.). *Applied sport psychology: Personal growth to peak performance*. CA, 1998.

Специальная тема выпуска:
Персонология

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Специальная тема номера содержит в себе статьи, выполненные в разных традициях и жанрах. Авторы объединяет интерес к личности. Она для нас предмет особой науки — «общей персонологии». В чем суть этой науки, точнее, нового направления в психологии, читатель узнает, обратившись к статье В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко «Наука личности: четыре проекта общей персонологии». Статья двух авторов — не только введение в «науку личности», но и, надеемся, пролог будущих публикаций под грифом «Персонология».

«Зарисуем» идею особой науки. Рисунок ниже — общеизвестный символ психологии, греческая буква «ψ». Но есть и особенность. Давайте присмотримся.

Видите два профиля, обращенные друг к другу? Они символизируют то, что может быть названо общей персонологией, — теорией и практикой «лицом к лицу». Читая материалы, вы, может быть, найдете, что две психологии (теоретическая и практическая) должны объединиться друг с другом под куполом третьей (герменевтической, культурной) психологии. Кроме того, возможно, у читателя появится повод осмыслить перцептивный феномен чередования «фигура-фон» на рисунке как визуальную метафору само- и со-определения (самопознания, самополагания) психологов-теоретиков и психологов-практиков на фоне друг друга в общем культурном контексте. Это может выглядеть так: в какой-то момент времени теория и практика утрачивают ценность своего независимого друг от друга существования, оттесняют различия в фон и, сгущаясь друг в друге, образуют фигуру персонологии («ψ»), но в следующий момент времени — они вновь обретают независимость и самоценность, и тогда граница между ними («ψ») это — фон, а они сами для себя —

фигура. Непрестанное чередование сепарации и слияния!

Общая персонология — гармония теоретического, практического и герменевтического постижения бытия человека в мире.

Статьи, включенные в специальную тему номера, в согласии с пониманием и символом персонологии, заключают в себе также идею синтеза, связи, контакта, отраженности «сфер». В этих статьях речь идет о гармонии сфер «личность-личность». Таковы статьи М.В. Ломовой («Внутрипсихические пространства в аналитическом диалоге: взаимодействие на территории клиента»), И.А. Пого-

дина («Психотерапия, фокусируемая на переживании»), К.С. Лицецкого, С.В. Березина и Н.А. Евченко («Роль внутреннего диалога “Я — Другое-Я” в развитии личности»).

Читатель, я думаю, сможет осмыслить эвристическую ценность публикуемых работ в парадигме «личность-личность».

Таков, надо думать, возможный исток построения будущей системы персонологического знания — системы личность — наука личности».

В.А. Петровский

НАУКА ЛИЧНОСТИ: ЧЕТЫРЕ ПРОЕКТА ОБЩЕЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ, Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО

Петровский Вадим Артурович — ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор факультета психологии НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, профессор, доктор психологических наук. Лауреат премии «Золотая Вышка – 2011» в номинации «Достижения в науке». Главный редактор журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики».

Сфера научных интересов — теория и методология психологии, общая персонология, транзактный анализ. Автор мультисубъектной теории личности, моделей воспитания дошкольников, вхождения личности в стабильную социальную общность, импульсной модели экзистенциального выбора, а также ряда исследовательских и практических методов и методик.

Автор более 160 работ, среди которых монографии: «Психология неадаптивной активности» (1992), «Личность: феномен субъектности» (1993), «Одаренные дети: экология творчества» (1993, в соавт.), «Психология воспитания» (1995, отв. ред. и автор), «Личность в психологии: парадигма субъектности» (1996), «Основы практической консультативной психологии» (2008, отв. ред. и автор), «Человек над ситуацией» (2010) и др.

Контакты: petrowskiy@mail.ru

Старовойтенко Елена Борисовна — заведующая кафедрой психологии личности НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, профессор. Сфера научных интересов — методология психологии, психология личности, психология творчества, психология познания, психология Я, психология индивидуальности.

Автор теории жизненных отношений личности, концепции культурной психологии личности, модели персонологии в парадигме жизни. Автор и ответственный редактор 9 книг, главные из которых: «Введение в гуманитарную психологию» (1996), «Современная психология: формы интеллектуальной жизни» (2001), «Психология личности в парадигме жизненных отношений» (2004), «Предмет и метод психологии» (2005), «Культурная психология личности» (2007), «Психология индивидуальности: новые модели и концепции» (2009).

Контакты: helestaOS@yandex.ru

Резюме

В статье обосновываются перспективы развития общей персонологии, устанавливающей многомерные отношения психологии к «личности» как своему предмету, создателю, адресату, цели и идеалу. Новая область психологического познания и практики позиционирует себя в качестве «науки личности» —

о личности — для личности — во имя личности». Намечаются четыре исследовательских проекта, посвященных персонологической интеграции фундаментальной, консультативной и культурной психологии личности.

Подчеркивается необходимость синтеза теории, консультативных моделей, герменевтического опыта в подходах к индивидуальной личности, который направлен на раскрытие потенциала ее самополагания, самопознания и жизненного диалога с другими.

Ключевые слова: *личность, общая персонология, наука личности, проекты, фундаментальная психология, консультативная психология, культурная психология личности, герменевтика, жизнь, самополагание.*

Персонологический поворот в психологии личности

Личность как важнейшая ипостась человека издавна выступает в различных толкованиях и определениях. С одной стороны, с ней связываются тайны бытия и сущности человека, его уникальность и внутренняя непроницаемость, загадки его перевоплощений и переходов в облики и образы «других», непознаваемость его подлинного Я и невозможность полного самовыражения в истине своего предназначения. С другой стороны, «личность» усматривается во внутреннем и внешнем сходстве человека с другими людьми, в постоянстве его наблюдаемых качеств, типичности поведения и действий, в способности устанавливать и поддерживать отношения с другими, в его вкладах и ролях во внешнем мире. Актуальной задачей научно-персонологического познания личности является проблематизация, исследование, анализ и творческий синтез максимума ее скрытых и являющихся свойств.

Психологическая наука достигла многого в изучении природных пред-

посылок и телесной организации личности, ее психических и практических функций, сознания и бессознательного, поведения и деятельности и аспектов Я, межличностных влияний и форм продуктивности. В области активного научного интереса находятся детерминация и самодетерминация, идентичность и самоидентичность, способы развития и саморазвития личности. Однако авторы конкретных исследований личности часто не обращаются к **интегральному теоретическому контексту**, благодаря которому изучаемый личностный феномен может предстать в относительной полноте своих связей, характеристик и потенциалов. Это уменьшает возможности интерпретации и **практического** применения получаемых результатов с позиций определения их места в картине целостной личности, в ее жизни, а также в едином пространстве психологического знания.

На наш взгляд, важнейшая проблема интеграции знания о личности должна разрабатываться в расширенной области, очерченной границами дискурсивного, рационального,

обобщенного подхода к человеку, характерного для классической психологии, философии, гуманитарных и естественных наук. При этом необходим выход за эти границы в обширный культурный мир представлений о «личном», «индивидуальном», «самости», «Я», «человеческих типах», отраженных в текстах и образах мифов, изобразительного искусства, литературы, поэзии, драматургии. Часть этих представлений в виде символов, метафор, художественных описаний индивидуальности вошли в содержание ряда психологических концепций личности, придав им живой, убедительный, захватывающий характер. Достаточно указать на глубинно-аналитические концепции З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Фромма. «Живые знания» о личности должны найти воплощение в практике ее поддержки и развития, самопознания и самополагания. Соединение рационального и интуитивного, понятийного и символического, логического и эмоционального, теоретического и практического подходов к личности, взятой в измерениях сущности — осуществления — самоопределения — сопричастности — жизни составляет **персонологический поворот** в психологии.

Треугольник «общей персонологии»

В данной статье мы говорим о новой науке, обладающей богатыми

предпосылками и мощными творческими перспективами, — **науке личности**. Речь идет не только о познании личности, но и о том, как личностью стать, как сохранить себя, как утвердить себя в мире, как влиться в общество личностей. Ставится проблема создания науки самой личности как «органа» ее собственной жизнедеятельности.

Эту науку мы называем также **«общая персонология»** (Петровский, 2003). Ее рождение является реакцией на кризис разрыва, неконгруэнтности, противоречий трех психологий. Одна из них — исследовательская, академическая или «фундаментальная психология личности». Другая — практическая психология личности или совокупность моделей (психопрактик) психологического консультирования и психотерапии личности. Наконец, еще одна — это: постигающая, «герменевтическая», психология личности, которая может быть названа «культурной психологией личности» (Старовойтенко, 2007¹).

Под понятием «общая персонология» подразумевается не только то, что имел в виду Г. Мюррей, который ввел этот термин. Для нас общая персонология — отдаленное эхо проекта «общей науки» Л.С. Выготского, сфокусированной на феномене личности в универсуме жизни. И символом этой новой науки является **треугольник Теория — Герменевтика — Практика**, имеющие своим предметом

¹ Авторы этой статьи независимым образом пришли к идее создания особой науки — новой персонологии, трансцендирующей границы традиционной психологии личности в направлении культуры и практики. В последние годы идеи новой персонологии развиваются авторами совместно, составляя тематику научно-исследовательского семинара, проводимого на факультете психологии НИУ ВШЭ.

личность, индивидуума в единстве его отношений с собой, с миром, с Другими, с жизнью.

Мысленно мы можем отметить и специфицировать три вершины фигуры, символизирующей поле существования и развития общей персонологии: фундаментальная психология личности — практическая психология личности (психопрактики) — культурная психология личности (см. рисунок 1).

Эти три точки могут рассматриваться как существующие изолированно друг от друга. В этом случае они как бы не знают, что являются вершинами некоего треугольника (см. рисунок 2).

Данные точки есть «для себя» и могут не догадываться, что имеют высокое предназначение «быть вершинами» общей персонологии. Рассмотрим эти вершины внимательнее.

Рисунок 1

Рисунок 2

Теория; фундаментальная психология личности — общее имя для всех теоретико-эмпирических разработок в области психологии личности. К ним относятся: различные теории личности; ведущие идеи этих теорий, значимые факты, включенные в контекст теорий; методы, посредством которых извлечены значимые факты (количественные и качественные, экспериментальные и неэкспериментальные методы); возможности интерпретаций, моделирования и прогнозов, относящиеся к конкретным теориям, и т.д. Однако нет единой теории личности, что для персонолога является важным фактом. И этот факт не принадлежит ни одной из теорий, но потенциально принадлежит общей персонологии.

Практика; практическая психология личности — область психопрактик, сфокусированных на запросах клиентов (консультируемых, пациентов и т.д.). По данным 10-летней давности, существует 400 одних только видов психотерапии взрослых. Сейчас этот спектр услуг и количественно, и качественно существенно богаче.

На рисунке 2 есть штрихпунктирная линия соединения практической и фундаментальной психологии, означающего метаанализ психопрактик с перспективой получения интереснейших результатов. Например, какая из терапий оказывается более эффективной, какую роль играют личностные особенности психотерапевта? И к какой из устоявшихся областей психологии относятся получаемые факты? На наш взгляд, такое направление исследований отнесится к общей персонологии.

Герменевтика; культурная психология личности. Мы говорим здесь

об искусстве постижения (толкования, интерпретаций, творческого развития) предельных значений культуры, сфокусированной на личности и идее личности; ведь реальность — говорят герменевтики — мы видим и создаем сквозь призму культуры, представляющей собой совокупность основополагающих текстов, образов, символов и практик. В качестве родственных наук и направлений человекознания здесь можно назвать культурологию личности, философскую антропологию, персонализм, педагогическую антропологию (имея в виду ценностные ориентиры построения жизни людей), антропософию, социософию, культурософию (имея в виду постижение духа и духовного в человеке). В сфере культурной психологии личности намечаются проблемы, которые могут быть решены, прежде всего, в общеперсонологическом контексте. Речь идет, например, о проблеме культурогенеза познания личности на основе различных источников (от мифологических до философских и научных). Или о проблеме культурной динамики практического обращения с личностью и личности с собой. Или о проблеме способов интеграции культурного опыта в конкретные исследования жизни и практики психологической поддержки современной личности.

Линии, связывающие три вершины треугольника общей персонологии, все еще «штрихпунктир». Несмотря на потенциальную общность образующих, слишком много различий. Проблемы, подходы, критерии достоверности, категориальный аппарат, язык — во многом разные.

Объективность, истина, детерминизм, гипотеза, операционализация, статистические методы, интерпретация результатов, объяснительный подход и т.д. — понятия фундаментальной науки. Субъективность, свобода, выбор, отношение, смысл, глубинное, уникальность, понимание, принятие, «психотехнический миф», рост личности изнутри и т.п. — так позиционирует себя практическая психология. Душа, дух, таинство, творчество, авторство, индивидуальность, культурное время, текст, символ, метафора, искусство, этика и т.д. — все это понятия культурной психологии личности.

Налицо нераскрытый ресурс взаимного обогащения или «кризис несочетаемости» трех психологий личности — фундаментальной, практической и герменевтической, сродни кризису 1920-х гг., о котором писал Л.С. Выготский. Правда, В.П. Зинченко резонно заметил по этому поводу, что называемое тогда «кризисом» было на самом деле «расцветом» психологии. Быть может, так будет и сейчас? Кто знает?

Важно начать персонологический синтез с построения интегрального понятия «личность» и новой интерпретации слова «персонология».

Наше понимание термина и предмета «персонологии»

В общей персонологии понятие «личность» должно объединить многие исторически сложившиеся значения, указывающие на разные **фундаментальные модусы личностной реальности**. Одновременно нужно реконструировать и соединить смыслы сложного термина, или имени,

«персонология», взятого для обозначения психологии личности с актуальным акцентом на неразрывность ее объекта, субъекта, содержания, методов, научных продуктов, жизненных и культурных вкладов.

Известно, что модус «persona» издавна означает наружность, «видимость» человека, которую создают, требуют, ожидают от его облика и поведения другие люди. Это «маска», которую надевает человек и при этом знает, что она соответствует, с одной стороны, его намерениям, а с другой — притязаниям и мнениям среды, значимой для него. Персона ориентирована на внешнюю жизнь, выступает комплексом сознательных функций, внешней личностью, внешней установкой, служащей адаптации и жизненному комфорту. Она не тождественна индивидуальности и противоположна внутренней, субъективной установке, которая в значительной степени бессознательна, интимна, уникальна. В случае ригидности персоны, проявляющейся в неспособности откликнуться на изменения жизненных условий, человек может быть легко доступен влиянию внутренней установки и не способен открывать новые возможности функционирования (Юнг, 1995).

С иной, «субъективной», точки зрения, личность обладает свойством существовать только в себе и через самое себя, быть собственной сущностью, единственной причиной и перспективой себя (модус «per se»). Подчеркивается самодостаточность личности, пребывающей только в себе самой и данной себе в самопознании, очищенном от влияния и присутствия «внешнего».

В экзистенциальном понимании личность выступает в модусе «ре-зон», означающем индивидуальность человека, восходящую к духовным основам бытия через обращение к себе в поисках истинного Я во взаимосвязи и отношениях с миром и другими людьми. «Под личностью понимается духовная сила, которая открывает человека по отношению к миру и одновременно отграничивает его от мира и, таким образом, создает возможность для уникальности и целостности “Я” и “Ты”, которое характеризует бытие человека» (Лэнгле, 2009, с. 359).

При определении личности как духовной индивидуальности следует обратиться к древнему русскому понятию «лик», указывающему на самый мощный модус ее существования, осмысленный, прежде всего, в области религиозной культуры. Это единство духовного и телесного; сотворенная духом наружность; дух, нашедший выражение в облике; одухотворенная внешность; лицо, освещенное внутренней духовностью; тело как символ духа и претворенный дух.

В концептуальном пространстве западной модели персонологии модус «persona» указывает на физиогномические черты, внешне детерминированные психологические качества, типы и способы поведения человека, на их распространенность в обществе, на специфику, сходство и идентичность личности в соотношении с другими людьми. «Личность — это конкретная совокупность характеристик и стремлений, обуславливающих те общие и индивидуальные особенности поведенческих проявлений, которые

обладают устойчивостью во времени и могут быть объяснены... через анализ биологических и социальных факторов, влияющих на актуальную ситуацию функционирования человека» (Мадди, 2002, с. 21).

Личность рассматривается в модусе «персонального», когда акцентируется переход человека от бытия в мире и в себе к бытию в другом человеке, означающему для этого «другого» процесс персонализации или внутреннее соединение со значимой личностью (В.А. Петровский). Человек обретает личность в качестве признанной и развиваемой значимости во внутреннем мире другого человека. Персональность — феномен признания меня и «разделения» моей личности между мной и другим. Персональным является то, что осознанно принято мною от значимых людей и стало аутентичным «моим», а также то, что свойственно мне и получило воплощение, стало «своим» для многих других.

Слово «персона», «личность» в современной трактовке термина «персонология» может выражать интеграл значений, рассеянных в длительном времени и различных культурных пространствах. Смысловым ядром «личности» становится индивидуальная душевно-духовная сущность человека в ее жизненном осуществлении, а также в данности и недоступности миру, другим, себе. Необходимыми моментами, определяющими полноту и целостность персонологического понимания личности, выступают ее индивидуальная жизнь и сознание, самопричинность и саморазвитие, самопознание и самовыражение, отношение и творчество, диалог и бытие-в-другом,

произведенные изменения в бытии и преодоление чужеродности внешнего мира, аутентичность и воплощенность. Все эти моменты должны раскрываться через развивающие, противоречивые, разделяющие и гармонизирующие отношения друг с другом, образуя единую модель **«личностного способа существования»** человека. Персонология исследует уровень человеческого бытия, создаваемый пересекающимися, резонирующими, синхронными, расходящимися индивидуальными жизнями, самодействующей причиной каждой из которых выступает личность (Старовойтенко, 2004)

Слово «логос» («logos») в именовании новой персонологии может означать движение к синтезу идей, фактов, методов и практик в **процессе познания личности**, релевантном интегральному характеру данной науки. Речь идет о соединении значений категории «познание», найденных в процессе многовековой культурной истории обретения человеком истины в Боге, духе, мире и самом себе. Эти значения касаются содержания и формы, способов и результатов, логики и смысла познания. «Логос» может значить одновременно: поиск истинного знания и истинное слово, феномен и закон, учение и науку, логический текст и смысловое единство, практическое испытание и обновление бытия.

В области персонологии личность и логос связаны разнообразными отношениями. Они конституируют познающую и познаваемую личность, познание как авторское исследование и познание как персональный опыт, личность автора персонологического знания и личность их

адресата, самопознание персонолога и изучаемой личности, познание в жизни персонолога и изучаемой личности, познание и трансляцию бытийных смыслов в персонологическом диалоге личностей. Связи личности и логоса завязываются и выражают себя на пересечении научного поиска и реальных жизней исследователей и исследуемых, изменяющихся в результате персонологического взаимодействия.

В **персонологической науке** логос выступает, во-первых, «собранием» учений и теорий, сформировавшихся в истории становления личностно-ориентированного познания. Во-вторых, «сводом» авторских текстов, отражающих логику организации внутренней и внешней жизни личности, ее отношений и Я. В-третьих, интеллектуальным «органом», позволяющим достичь соответствия знания и реальности в актах узнавания, принятия, понимания и изменения личности. В-четвертых, формой «прочтения» личностных феноменов, свойств, действий, событий. В-пятых, способом логического и текстуального придания личностным явлениям осмысленного и связного вида, когда «все отдельные части имеют смысл и не рассыпаются» (М.К. Мамардашвили). В-шестых, культурной формой, порождающей в познаваемой личности новые жизненные состояния и качества. В-седьмых, концептуальным и практическим объединением индивидуальных личностей в «культуре» как в индивидуальности высшего порядка.

В **жизни личности** логос может быть целью и сутью ее познания, самопознания и творчества, может

быть собранным знанием о предмете, человеке, собственном Я. Он может состоять в мыслительном раскрытии тайн «для всех» или в интуитивном открытии смысла «для себя». Он может быть тем, что создано самой личностью, или тем, что дано ей другими для просветления. Логос может быть голосом, услышанным личностью в себе или пришедшим к ней из мира. Логос может быть выражен письменным и устным текстом самой личности или может быть передан ей в речи других. Логос рождает личностные прозрения «во имя чего жить» и откровения «как прожить свою жизнь». Логос воссоздает логику жизненных смыслов личности, позволяя ей «читать» собственную жизнь в ее реальности, в подлинности проживания. «Вот нечто, что заставляет меня сказать: “Так есть на самом деле”. Это логос, услышанный мною» (Мамардашвили, 1997, с. 28). Текст-логос как собрание смыслов является формой, порождающей новое знание о жизни, позволяющей обратиться к тому, во что знание не проникает, вызывающей в личности готовность изменять себя, стремясь к «своему неизвестному». Логос как внутренняя логика личных смыслов освещает жизнь в уникальности ее моментов, собирая эти «точки сингулярности» в самождественное Я.

В персонологии репрезентируются, интерпретируются и моделируются следующие **связи личностей и логоса**, реализуемые во встречах, взаимодействии, соединении, развитии познаваемых и познающих индивидов.

Во-первых, персонолог-исследователь сохраняет, умножает, система-

тизирует идеи и теории, посвященные личности, создает и транслирует научные тексты об исследуемых личностях, разрабатывает техники психологической поддержки личности, изобретает и передает им приемы самопознания и поиска смысла. Происходят встречи личностей в совместных исследованиях, при освоении наукоемких практик, в процессах углубления семантики науки и жизни.

Во-вторых, обращаясь к изучаемой личности, исследователь стремится обогатить ее психологические знания, углубить феноменологический опыт проживания, помочь в рефлексии и открытии смысловой «логики Я», развить способность к диалогу, стимулировать познание жизненных отношений к другим, своему делу и себе. Здесь личность встречается с личностью на основе развивающих влияний и помогающего взаимодействия в процессах персонологического консультирования и психотерапии.

В-третьих, персонолог в своей исследовательской и практической деятельности решает задачи интеллектуального саморазвития, рефлексии, создания творческой среды профессиональной самореализации, поведения в соответствии с требованиями совести и нормами этики, реализации своего творческого потенциала и воплощения своего «опыта личности» в отношениях с близкими людьми и значимым окружением. Личность встречается с собой для развития своих профессиональных позиций, открытия новых возможностей своего «внутреннего консультанта» коррекции собственного поведения и способов самореализации.

В-четвертых, исследователь, осуществляя творческий поиск, погружается в мир другой личности — объекта познания. Он посвящает себя ее тайнам, живет ее жизнью, удаляется от себя, проникая в другие «Я», совершает прорыв в иную реальность, позволяет себе мыслить и действовать в свете логоса других людей. Личность во встрече с другой личностью, совмещаясь с нею, приобретает способность быть «внутренним знатоком» ее душевного, жизненного мира.

В-пятых, исследуемая личность в опыте персонологического взаимодействия приобретает ценные для себя знания из области психологии личности, научные средства самопознания и интерпретации текущей жизни, новые формы отношений с другими людьми. Она овладевает культурой «личностного взгляда» на коллективную и индивидуальную жизнь, и достижения культурно-исторической и фундаментальной психологии личности начинают выступать для нее «культурным орудием» организации личностного бытия. Она становится активным транслятором персонологических приемов мышления, общения, рефлексии, поведения в культуре. Личность приобретает перспективу встреч с множеством личностей на основе их жизненной поддержки и культурной персонализации.

Взгляд персонологии сфокусирован на своем **предмете** — личности — в ее разных гносеологических, онтологических и культурных положениях, позициях, ипостасях. В отличие от большинства наук, сосредоточенных на определенном объекте в его относительном противостоянии

субъекту познания, она утверждает совпадение, единство своего объекта и субъекта, подчеркивая их взаимодействие, взаимное влияние, жизненное осуществление посредством друг друга и бытие друг в друге. Взгляд персонологии принадлежит личности и обращен на личность. Этим взглядом личность может смотреть на себя и на другого, узнать себя под взглядом другого и помочь ему понять свой взгляд на него. Общеперсонологический взгляд объединяет личностей; обмениваясь им, они достигают взаимопонимания, недоступного в другом пространстве взаимодействия. Персонология обращает свой взгляд в отдаленную перспективу личности и к ее вневременному идеалу. Персонологический взгляд ищет и находит личность в качестве темы и реальности в культуре, науках о человеке, рефлексивизируя свой статус в общем гуманитарном видении бытия.

Персонология обладает уникальным взглядом, движущимся в направлениях «от», «на», «в», «из», «с», «между», «за» и «над» личностью. Она допускает совпадение, совместность, содействие и соисследование ученого и его «живого предмета». В развертке многонаправленных познавательных актов и в своей интегральной форме она становится наукой «личности — о личности — для личности — во имя личности».

Структура общей персонологии

В системе современных наук о человеке общая персонология стремится следовать канонам строгой организации уровней и способов познания личности, определения их

взаимосвязей и обратимости, помещения знания в расширенный культурный контекст, раскрытия отношений автора и адресатов знания, достижения единства теории, эмпирического исследования и практики, признания ценности научной и социальной оценки своих разработок.

В нашем понимании общая персонология имеет сложную, иерархическую структуру, включающую на своем **первом уровне** обширное пространство разнообразных культурных источников персонологического познания;

на **втором уровне** — базовые философско-психологические категории, идеи, парадигмы изучения личности, обобщенные в метатеорию личности (Петровский А.В., Петровский В.А., 2000);

на **третьем уровне** — соотнесенные между собой и объединенные психологические теории личности, релевантные характеру современной человеческой жизни;

на **четвертом уровне** — исследовательские, диагностические, рефлексивные модели личности, ориентированные на решение реальных проблем ее индивидуальной жизни;

на **пятом уровне** — модели консультативного и психотерапевтического взаимодействия, основанные на общей психологии и психологии развития, теории деятельности и теории социального взаимодействия, теории отношений и теории диалога и т.д.;

на **шестом уровне** — совокупность хорошо соотносящихся друг с другом консультативных и психотерапевтических практик, обеспечивающих многопрофильный подход к жизненной поддержке конкретной личности;

на **седьмом уровне** — научно значимые личностные факты, модели индивидуальных случаев, феноменологические модели личности и т.д.;

на **восьмом уровне** — модели междисциплинарной рефлексии, научной экспертизы, супервизии и модерации персонологических подходов, направленные, в частности, на распространение «личностной культуры» в обществе;

на **девятом уровне** — формы индивидуального присвоения и реализации персонологического знания, влияющие на жизненную эффективность личности.

Все приведенные уровни должны соотноситься между собой по принципам релевантности, последовательной конкретизации, взаимного преломления, что возможно путем сквозного синтеза, охватывающего культурные истоки, генез, содержание, способы познания и практической деятельности общей персонологии.

Основания персонологического синтеза

Мы видим следующие основания интеграции культуры — теории — практики в области общей персонологии. Это единая историческая динамика и богатейшее наследие идей, учений, теорий, практик, связанных с познанием и осмыслением человеком личностного уровня своего бытия. Это сближение, взаимное проникновение в современных исследованиях и практических подходах к личности различных теорий и консультативно-психотерапевтических направлений. Это общегуманитарная, присущая в том числе

психологии личности, тенденция к операционализации, внедрению и активному жизненному применению творческих, инновационных идей, так, что теория и техники жизни образуют грани единого целого. Это вложение и обогащение содержаний родственных категорий, образующих различные психологические концепции личности, благодаря чему выделяются «парадигмы синтеза» в ее современном познании: «культура», «жизнь», «отношения», «Я», «другие», «субъект», «мультисубъектность», «индивидуальность» и т.д. Это возможность построения и развития многоуровневой структуры изучения личности, основанной на взаимном порождении и преломлении структурных образующих, начиная от исторического контекста «личностного знания» до его превращения в формы актуальной жизнедеятельности личности. Наконец, это постановка «личности» в фокус всех событий, образующих процесс становления персонологии:

личность — создатель персонологических теорий, подходов, текстов;

личность — объект персонологических исследований, развития, поддержки;

личность — герой персонологических текстов.

личность — адресат персонологических моделей самопознания и саморазвития;

личность — носитель изменений, вызванных влиянием персонологии.

На пересечении культурной, фундаментальной, практической психологии личности, в пространстве общей персонологии, мы ставим задачу реализации ряда новых **проектов**. Каждый направлен, во-пер-

вых, на решение специфических проблем, связанных либо с герменевтическим, либо теоретическим, либо практико-ориентированным подходом к личности, во-вторых, на решение проблем единства всех подходов в русле разработки любого из них.

Четыре проекта общей персонологии

Назовем четыре персонологических проекта, для осуществления которых сложились концептуальные, исследовательские, методические предпосылки. Остановимся на некоторых проектах подробнее, выделив приемы синтеза, интеграции, лежащие в их основе.

Первый проект — построение **фундаментальной персонологии** или достижение союза герменевтики и психопрактик личности в направлении обогащения и углубления теоретической психологии личности, что соответствует проекту «общей науки» Л.С. Выготского. Помните, «камень, который презрели строители, должен быть положен во главу угла»? Что это за камень? По Л.С. Выготскому, это философия (здесь герменевтика личности) и практика (у нас — практическая психология личности) (см. рисунок 3).

Второй проект — построение **консультативной персонологии**, основанной на синтезе фундаментальной психологии и герменевтики в направлении развития психопрактик личности (см. рисунок 4).

Выделим три приема возможного синтеза.

1. Фокусировка категориального строя психологии (Петровский А.В., Петровский В.А., 2000; Петровский,

Рисунок 3

Рисунок 4

2003, 2010а) на построении психопрактик, адресованных личности, и оценке их жизненной эффективности. Таким образом, может быть предпринято «персонологическое обращение» категориального строя теоретической психологии к практике психологического консультирования.

Отметим, что есть категория, входящая в плоть и кровь всех других категорий. Это мега-категория «пси-

хики». Как ни парадоксально, но способ интегрального осмысления этой категории чрезвычайно значим для построения современных «практик личности».

Некоторые из категорий, вместе с раскрывающими их понятиями, представляют собой «порождающие категории». Это идеи, обладающие силой изменения реальности. По контрасту, от того, как мы понимаем солнце, самому солнцу не становится

жарче или холоднее. Но, говоря, например, «личность», мы вкладываем в это слово некоторое содержание, которое начинает работать в плане жизненного самоподтверждения. Это самореализующееся представление, в смысле наделения, развития «личности» у конкретных субъектов жизни.

Персонология призвана оценить эффект действия различных трактовок «личности» с точки зрения их развивающего потенциала. Например, личность может определяться как мультисубъектное образование, вбирающее в себя субъектность других людей и само «действующее» в них в качестве субъекта (Петровский, 2010б). «Как психолог-исследователь, я именно таким способом осмысливаю феномен развития личности. В равной степени, как представитель культурной психологии личности, я не могу иным образом, минуя идею присутствия человека в человеке, осмыслить феномен земного продолжения человека в человеке, или “земного бессмертия”, о котором писал Л.Н. Толстой в “Трактате о жизни”. И это — особым образом ориентирует меня в работе с человеком, утратившим близкого. Работая с мультисубъектной трактовкой личности, я сам для себя не впадаю в мистификацию и мифологизацию, обращаясь к субличности Р. Ассаджиоли, эго-состояниям Э. Берна, фигуркам сна А. Минделла. В процессе консультирования укрепляются мои позиции “персонального аналитика”, приобретающего инобытие в консультируемых, пока не исчерпывается его терапевтическая роль в их жизни» (там же).

Или, например, категория «деятельности» личности. Если главное в

деятельности — следование предсуществующему мотиву, то психолог-практик, исследующий природу затруднений клиента, будет спрашивать: «Зачем вы это делаете и что вам это дает?» Если мы исходим из идеи, что сама деятельность движется (там же) и порождает новые мотивы, то неопределенность исхода (не знаю, что будет) не порицается, а приветствуется, и на вопрос «зачем?» мы принимаем ответ «за-не-зачем». Высоко оценивается субъектность как неадаптивность, ситуативная избыточность, надситуативность.

Наконец, категория «общение» личностей. Если смысл общения — обмен вещами, информацией, эмоциями, пусть даже ценностями, то это будет один поворот в сопровождении консультируемого; если общение — реализация потребности в персонализации (идеальной представленности и продолженности в другом), то это будет принципиально другой поворот в консультативной работе.

2. Осмысление идей теоретической психологии личности в контексте консультативно-психотерапевтической практики персонологического типа. Например, идея «Личность растет изнутри» (К. Роджерс) или «Все в нашей жизни изначально осмысленно, нужно только отыскать этот смысл» (В. Франкл). А растет ли личность «изнутри»? «А все ли изначально осмысленно?» Это не просто игра слов. Это значимая для практикующего психолога точка зрения. А может быть, консультируемый перенимает фигуры отношения к нему консультанта? Может быть, осмысленно — не все? Может быть, это совершенно разные вещи:

«смысл» и «урок», который можно извлечь, совершив что-либо?

Или, например, идея «кризиса жизненной несостоятельности». Если считать, что все силы ушли в песок или, как стрелы, не попав в цель, безвозвратно пропали, то «жизненный кризис» — трагедия. Но если считать, что импульсы к действию, как бумеранг, возвращаются, не задев цель, то кризис — это начало нового витка состоятельности, основанной на неостребованном потенциале активности. Именно эта модель состоятельности устремлений сейчас проверяется экспериментально (Петровский, 2009, 2010б). Математическая форма этой модели не столь значима для консультируемых, которым неважно, что там появляются «золотые сечения», допустим, в соотношении запросов и ресурсов субъекта. Это вопрос герменевтики в математике и последующей эмпирической работе психолога-исследователя. Но ясное теоретическое видение происходящего создает возможность перевести разговор на язык консультанта, быть понятным консультируемым и содействовать ему в поисках выхода из тупика.

3. Вовлечение в процесс консультирования нетривиальных, информативных, экзистенциально-значимых фактов. С этой целью важно, например, разрабатывать специальные процедуры тестирования уровня нетривиальности фактов, полученных в психологических экспериментах. Так, с помощью специальной процедуры был протестирован феномен Б.В. Зейгарник, и в результате оказалось, что психологи, не узнав в условиях испытания схему «прерванного действия», пред-

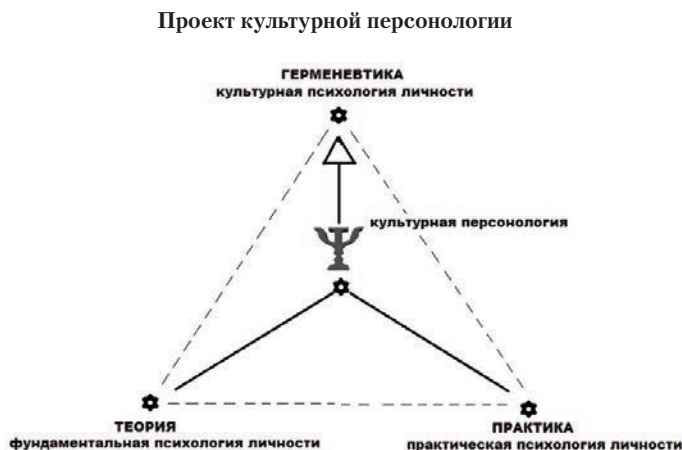
сказывали лучший эффект запоминания завершенных действий по сравнению с незавершенными. В условиях консультирования предпочтительно использовать нетривиальные факты, дающие консультируемому иначе взглянуть на себя, видя ограничения и ресурсы своей активности. П. Фресс и Ж. Пиаже говорили, что уйма фактов пылится в шкафах экспериментаторов.

Третий проект — построение **культурной персонологии**: союза фундаментальной и практической психологии для постижения и развития личности как феномена культуры; и в этом проекте главенствует ценность «во имя личности» (Е.Б. Старовойтенко). Разрабатывая культурную персонологию, мы включаемся в процесс культурогенеза личности в реальности бытия и идеи личности в универсуме (см. рисунок 5).

В ходе осуществления этого проекта предполагается, с одной стороны, установление связей теоретико-практической психологии личности с культурой как областью «поиска личности», как источником знания о личности, как формой и «орудием» познания личности. С другой стороны, раскрытие потенциала проникающих влияний культуры на фундаментальные исследования, консультирование, психотерапию, индивидуальную жизнь личности. В этом направлении разрабатывается «метод персонологической интеграции культурного опыта» (Старовойтенко, 2011), включающий следующие подходы:

– использование текстовых, образных, символических материалов литературы и искусства, максимально полно отражающих различные

Рисунок 5

явления внутренней и внешней жизни личности и указывающих перспективу движения к их вершинным формам;

– развитие «культурной феноменологии личности» на основе синтеза описаний индивидуальной личности, которые содержатся в литературных, поэтических произведениях, текстах дневников, эпистолярном творчестве;

– извлечение из культурных источников критических, научно значимых «фактов личности», связанных с качествами, типами, сознанием, бессознательным, особенностями жизни их героев и авторов. Критерием персонологической значимости фактов является их высокий потенциал для постановки новых проблем изучения личности;

– построение моделей личности путем синтеза положений тех философских и психологических концепций, которые являются достоянием гуманитарной культуры, основаны на реализации культурных предпосылок познания личности и содержательно соотносят «личностное»,

«жизненное» «культурное». В частности, концепций З. Фрейда, К.Г. Юнга, О. Шпенглера, Э. Мунье, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, М. Фуко, М.К. Мамардашвили и др.;

– построение моделей Я творцов культуры на основе их рефлексивных текстов и синтез данных моделей с целью обоснования субъективного начала индивидуальной жизни и творчества. Авторами персонологически ценных рефлексивных текстов выступают М. Аврелий, А. Августин, П. Абеляр, Б. Челлини, Ф. Петрарка, Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, К.Г. Юнг, С. Дали и др.;

– воссоздание культурно-исторической динамики идей, отражающей «восхождение европейской мысли к личности». Построение и обобщение моделей, релевантных разным культурным эпохам и содержащих специфические и трансперспективные характеристики личности. В частности, ее тела и пола, способностей и деятельности, продуктов деятельности, их социальной и персональной адресации, жизненных отношений к миру и

к себе; разработка на этой основе концепции культурно-психологического потенциала современной личности;

– экспликацию из культурных источников оценочных и рефлексивных параметров идентичности личностей, взаимной репрезентации «Я» и «Другого», а также уникальности личности. Данные параметры при их введении в технологии образования, воспитания, самопознания, индивидуального консультирования могут направлять личность в ее становлении «человеком культуры»;

– создание личностных психопрактик с учетом лучших исторических традиций поддержки человека человеком, с привлечением многообразных культурных инструментов, с постановкой экзистенциальной задачи развития жизненных связей личности с культурой.

– разработка, синтез концепций и моделей личности как носителя, создателя и адресата культуры; исследования жизни, творчества, отношений, бытия-в-Других и самостанов-

ления личности в мире культуры; акцент на личностный опыт проживания в условиях высокой культуры и опыт воссоздания, трансляции этих условий для других людей.

Четвертый проект — **персонология самополагания** — посвящен развитию исследовательской, практической, герменевтической и рефлексивной установки персонолога в контексте его целостной жизни и в его влиянии на жизнь исследуемой и консультируемой личности. Здесь сходятся персонология жизни, персонология Я и персонология самопознания (Петровский, 2003, 2009, 2010б; Старовойтенко, 2004, 2009; Юнг, 1995). Каждый профессиональный психолог, как мы знаем, отстаивает свою индивидуальность в психологии, свое авторство как ценность культуры, свой жизненный стиль как выражение персональной состоятельности (см. рисунок 6).

Итак, общая персонология — своего рода культурное и психологическое «орудие» становления личности. Фундаментальная психология,

Рисунок 6

Проект персонологии самополагания

практическая психология и герменевтика личности, формируя содержание этого орудия, расширяют границы понимания и границы жизни личности в мире.

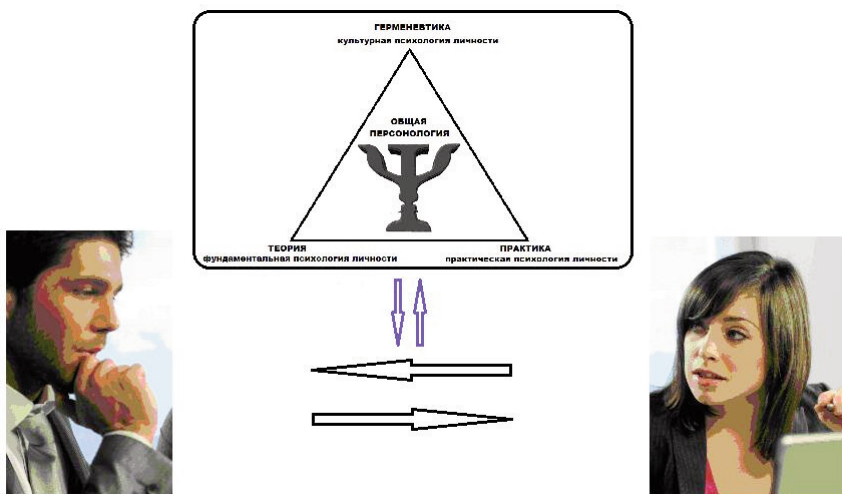
Сама идея общей персонологии вовлекает психологов в новую профессиональную область, где просторно не только мыслить и познавать, но и общаться, творить, любить, создавать новую «общность личностей».

В целом, нам это видится так (см. рисунок 7).

Предложенная модель общей персонологии есть средство организации деятельности психолога в направлении развертки исследований, постижений, содействия личности и самодетельности и самопознания психолога, выбирающего себя в особом качестве — «быть персонологом».

Рисунок 7

Работа Идеи общей персонологии

Литература

Лэнгле А. Персональный экзистенциальный анализ // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009. С. 356–382.

Мадди С. Теории личности: Сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: РХГИ, 1997.

Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 44–53.

Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2003. С. 20–30.

Петровский В.А. Индивидуальность: состоятельность и саморегуляция //

Психология индивидуальности: Новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009. С. 197–240.

Петровский В.А. Предмет консультативной психологии: пред-«меты» // Консультативная психология и психотерапия. 2010а. № 2. С. 8–24.

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010б.

Старовойтенко Е.Б. Психология личности: в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект, 2004.

Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект, 2007.

Старовойтенко Е.Б. Самопознание и творчество личности в культуре // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009. С. 147–196.

Старовойтенко Е.Б. Парадигма жизни в персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 7. № 1. С. 3–18.

Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Ювента; СПб.: Прогресс, 1995.

ВНУТРИПСИХИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА В АНАЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ТЕРРИТОРИИ КЛИЕНТА

М.В. ЛОМОВА

Ломова Мария Вадимовна — старший научный сотрудник Института психолого-педагогических проблем детства РАО, преподаватель Института практической психологии и психоанализа и Государственного академического университета гуманитарных наук, кандидат психологических наук. Член Международной ассоциации аналитической психологии (IAAP), член Российского общества аналитической психологии (РОАП).
Научные интересы — психология личности, консультирование, психотерапия.
Контакты: mvlomova@mail.ru

Резюме

В первой части статьи рассматривается одностороннее и двустороннее взаимодействие в пространстве взаимодействия пары аналитик—клиент. Обсуждается принадлежность психологической территории взаимодействия. Во второй части поднимаются вопросы позиционного неравенства и ответственности в диаде психотерапевт—клиент и его основания. Автор разделяет понятия позиционного и инструментального неравенства и их обоснованность с точки зрения аналитического процесса. Как следствие обсуждаются сильные и слабые места иерархизированного подхода. Ставится вопрос возможности и условиях равной ответственности терапевта и клиента на инструментальном уровне взаимоотношений. В заключение предлагается схема, которая может быть спроецирована на терапевтические отношения. Условная матрица представлена в виде двух осей: динамической и структурной, которые рассматривают отношения двух людей в качестве перекрестков от младенчества до старости и от уровня «организм» до уровня «человек». Такая схема позволяет наметить новые пути исследований в аналитической психологии и конкретные направления и формы использования вариативных подходов в практике.

Ключевые слова: *одностороннее и двустороннее взаимодействие, пространства взаимодействия, территория клиента, сессинг, позиционное неравенство и позиционная ответственность, инструментальные неравенство и ответственность, априорная ответственность, динамическая и структурная оси.*

**Взаимодействие на территории
клиента: парадоксы
психотерапии — властные
полномочия и мнимые величины**

Рассмотрим взаимодействие внутрипсихических пространств обоих участников аналитической пары. Остановимся на взаимодействии двух, а не более участников в аналитическом или психотерапевтическом контакте.

Аналитическое взаимодействие представляет собой регулярные и долговременные отношения с определенно заданным сеттингом, т.е. ясно обозначенными временными, денежными и пространственными рамками, предметом договоренности двух взрослых людей. Сеттинг является устойчивым и более или менее неизменным. Изменения же договоренности превращаются из формы в содержание процесса с установлением новой устойчивой договоренности.

Что же касается диспозиции двух людей в пространстве (комнате), то по умолчанию в аналитическом контакте предполагается, что аналитик сохранит дистанцию и пространственное расположение по отношению к клиенту, не меняя в инициативном порядке установившуюся «норму». Все происходящие изменения, объективные и субъективные, планируемые сознательно и ненамеренные, как и отыгрышания, становятся предметом аналитического обсуждения.

В других направлениях психотерапии возможны варианты взаимодействия с точки зрения как изменения договоренностей, так и расположения в пространстве, но часто без

рефлексии происходящих изменений. Анализ диспозиций чаще учитывает ситуацию здесь-и-теперь, не связывая ее с прошлым опытом жизни и не опираясь на пролонгированные и текущие переносно-контрпереносные реакции.

Взаимодействие в аналитической паре с точки зрения физических внешних аспектов пространства встречи происходит на территории аналитика, в его «доме», а с точки зрения взаимодействия интрапсихических пространств все наоборот. Тут взаимодействие происходит на территории клиента. Поясним.

Взаимодействие интрапсихических пространств аналитика и клиента в аналитическом контакте предполагает максимальное раскрытие внутреннего мира клиента с его сознательными и бессознательными содержаниями, аспектов личной психологической истории, разных сторон личной жизни, их последующего аналитического исследования и проработки. Напротив, со стороны аналитика — это сознательное удержание, «закрытость» для клиента содержаний своей психики, личной жизни и собственной психологической истории. Т.е. аналитик «приглашается» на личную внутрипсихическую территорию клиента, где и будет происходить взаимодействие. Аналитик как бы оказывается «внутри» психики клиента.

Такая диспозиция изначально обоснована самой ситуацией. Страдающий человек приходит за психологической помощью к аналитику и ожидает внимания именно к себе, своим жизненным трудностям и своей душе. Предполагается, что аналитик будет уделять внимание именно

внутреннему миру данного человека, а не себе. Изначально, это не паритетный, с этой точки зрения, диалог.

Такое изначально «неравенство» обусловлено самой профессиональной ситуацией и установкой профессии на помощь человеку, сходной в этом с профессией врача. Существует еще один аспект неравных диспозиций — это, прежде всего, неравенство ответственностей, которое усиливается спецификой психотерапевтического вида деятельности. В основном, мы имеем в виду длительную психотерапевтическую поддержку. В первую очередь, это принято в психоаналитической и аналитической методологиях.

Что это за разница ответственностей? Как распределяется ответственность между участниками? Отвечает ли за все происходящее один психотерапевт? Или ответственность полностью на клиенте? Или, может, вообще нет никакой ответственности и вместе с ней никакой гарантии, или она в равной степени разделена между участниками? Начнем с того, что психотерапевт в качестве своего вклада в процесс психотерапии принимает на себя ответственность за свою компетентность, адекватное знание теорий и методов, свою физическую и психическую форму, хорошее знание своих ограничений, честную профессиональную работу.

Клиент, в свою очередь, также несет ответственность за собственный вклад в этот процесс в виде мотивированности и готовности к честной психологической работе над собой. В аналитической традиции главнейшей ответственностью клиента является обеспечение со своей стороны договоренностей по оплате,

прихода вовремя и ухода без задержек.

Но кто отвечает за сам процесс психотерапии? Ответ не так очевиден. Вариант равносторонней ответственности, возможно, предпочтительней. Аналогия с оперирующим хирургом, безусловно отвечающим за выполнение операции, в отличие от пациента, может показаться чрезмерной, но в случае аналитической психотерапии ответственность за процесс должна ложиться именно на плечи терапевта. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» — это не должно быть впрямую сказано о психотерапии.

В этом и заключается суть существующей иерархии позиций. Ответственность за процесс может означать, что терапевт принимает на себя «априорную» ответственность, как бы «ответственность заранее», в том числе и за непредсказуемые последствия и непредрешенные исходы. Т.е. терапевт берет на себя обязательства принимать профессиональное деятельное участие не только в исправлении незначительных неизбежных промахов или серьезных ошибок, но и, образно говоря, в «ликвидации последствий» от неожиданных ситуаций, событий и происшествий внутри психотерапевтического процесса, с ним связанного.

Это крайне существенная часть неравенства позиций. В большей мере именно она может прояснить, пояснить и дать ясные обоснования существованию позиционного неравенства и положений этических кодексов, существующих во всех психотерапевтических школах.

Поскольку изначально ситуация для психотерапевтов различных

направлений не различается, такие ответы и вопросы могут быть адресованы ко всем направлениям и школам психологической практики.

Однако специфика аналитической позиции и аналитической методологии усиливает неравенство позиций, поскольку широко работает с бессознательным материалом в рамках модели «родитель—дитя». В юнгианстве существует три основных подхода, принадлежащих разным веткам — школе развития, работающей в указанной модели, классической, ориентированной на работу с «Самостью», и архетипической школе, использующей метод работы с символическим материалом иногда в рамках «детско-родительских» отношений и учета переносно-контрпереносных реакций, но в целом реже принимая во внимание индивидуальные взаимовлияния и развитие отношений вообще.

С точки зрения К.Г. Юнга, в психотерапии задействуются самые глубокие архетипические слои психики, с обоюдным сознательным и бессознательным вовлечением двух участников и их последующей взаимной трансформацией.

Здесь и кроется главное противоречие и предмет многочисленных споров и дискуссий: взаимная трансформация или изменения только одного участника. «Юнгианский» подход в целом оставляет за рамками процесса нюансы многогранных отношений человека с миром в пользу работы с символами и воображением или «детско-родительской» моделью. Это дает возможность свободно течь бессознательному процессу человеческих взаимоотношений, что может легко проводить к

слиянию аналитической позиции и личности терапевта. Что, в свою очередь, ведет к образованию крайне запутанных сложных взаимоотношений, одним из самых ярких примеров чему являются взаимоотношения К.Г. Юнга с его первой пациенткой и позднее выдающимся аналитиком С. Шпильрейн, взаимоотношения К.Г. Юнга с его пациенткой и ученицей Т. Вульф и ученика со своим учителем и, как мы сейчас сказали бы, первым супервизором З. Фрейдом.

Поскольку аналитическим обоснованием высокой степени сознательной закрытости психотерапевта является теоретическое положение, основанное на психоаналитических и аналитических идеях и концепциях бессознательных проекций и перенесения содержания психики клиента на в большей или меньшей степени нейтральный «пустой экран» аналитика, имеющий, тем не менее, «крючки» для проекций клиента, эта концепция остается наиболее властной в аналитическом подходе, особенно в школе развития еще со времен З. Фрейда. Т.е., с точки зрения влиятельнейшей школы развития в аналитической психологии, все дело в переносе.

Действительно, моделирующая диспозиция «дитя—родитель» дает возможность спроецировать бессознательные содержания психики и экстерниоризировать психические образы себя и происходящего в аналитический «сосуд» в своей «исторической» ретроспективе, вынести их в аналитическое пространство, хорошо для этого подготовленное как структурированным сеттингом, так и аналитическим «теменосом». Позиция аналитика, с нашей точки зрения,

является главной составляющей этого процесса. Аналитик при этом оказывается непосредственным действующим лицом, участником, находящимся во внутриспсихическом «мире» клиента.

«Действие» также происходит и на внутренней территории аналитика, в его внутриспсихическом пространстве. Аналитик вбирает «в себя» содержания психики клиента и взаимодействует с ними внутри своей собственной психики, но эта часть взаимодействия остается скрытой для клиента. «Видимая» клиенту часть заключается в том, что аналитик доводит до клиента истолкованное и «переваренное» содержание его психического материала обратно в форме откликов и интерпретаций. При этом психотерапевт опирается на собственную способность к эмпатии, на понимание психических процессов, анализ переноса и контрпереноса и знание психоаналитических или аналитических теорий, а также широко задействует мифологический и символический материал, амплифицируя с его помощью происходящее в душе клиента. Аналитик использует свою психику и свои личностные аспекты, свой опыт как инструмент, орудие для переработки материала клиента, но не напрямую, а как бы в преломлении через аналитическую позицию.

Клиент в итоге получает от аналитика назад свои же собственные «содержания» в иной форме, которая позволяет ему «усвоить» полученную психологическую «пищу» как более приемлемую и более адаптированную к его «психическому желудку». При посредстве более целостного видения аналитика, вооруженного

теориями, происходит «восполнение прорех» в развитии клиента, переработка психических травм, нарушений в процессе становления личности и расширение и укрепление доли эго-сознания, своего рода «дорасщивание» психики.

Поскольку взаимодействие происходит на внутренней территории клиента, то его пространство автоматически включает в себя этого другого, заключенного в оболочку проективной фигуры.

Образно говоря, некая фигура, облаченная в психическую одежду, сотканную из смеси проекций и впечатлений клиента от аналитика, скрывающая его реальное «психическое тело», начинает свое «призрачное» существование в душе клиента. Раскрытие психолого-биографических фактов жизни аналитика «нежелательно» по определению, но это усиливает нереальность образа терапевта.

Проекции клиента, с нашей точки зрения, в этом случае сильнее слипаются в его собственной психике с внутренним «образом» аналитика, вследствие изначальной установки клиента по отношению к терапевту и терапевта по отношению к клиенту. Для последнего терапевт изначально — и типично, и парадоксально одновременно — авторитетная помогающая фигура, о ком отсутствует порой даже минимальная информация. Для терапевта же клиент — «страдающий», по необходимости доверяющий и более-менее готовый к самораскрытию. Эта первоначальная ситуация закладывает основу для образования сложного, апеллирующего к инфантильным, а то и архетипическим слоям психики

интроекта, облеченного властью во внутреннем мире клиента. В начале аналитического процесса это является мощным терапевтическим фактором, однако в дальнейшем порождает в ходе терапии «невроз переноса». А его лечение становится следующей особой задачей.

Известный аналитик А. Гюенбюль-Крейг исследует в своей работе архетип власти. Однако истоки влияния «архетипа власти» он видит в коллективном бессознательном человечества, призывая коллег-психотерапевтов быть особо внимательными к его проявлениям в своей практической деятельности (Гюенбюль-Крейг, 1997). На наш взгляд, существуют и более «приземленные» механизмы появления этого «архетипа» в локальном пространстве аналитического кабинета. И большая ясность причин их возникновения и проявлений может помочь найти более конкретные противоядия этим безусловно общечеловеческим явлениям.

Чаще всего клиентов не интересуют «подноготная» аналитика, его жизненные проблемы и переживания, особенно на первом этапе сотрудничества. Клиента волнует то, как аналитик обращается с ним самим. Однако отсутствие минимальной информации о психотерапевте — его возрасте, опыте работы, семейном статусе — может снижать готовность к доверительным отношениям и привносить дополнительную тревогу, продиктованную излишней «секретностью», с точки зрения обыденного сознания. Проявление же истинного интереса к другому человеческому существу — аналитику — со стороны клиента

могло бы стать вообще отдельной темой анализа внутри психотерапевтического союза. «Любопытство» же, выражаемое в виде вопросов о личной жизни аналитика, его истории, его человеческом опыте или взглядах в отношении тех или иных вопросов, возникает в моменты «накладок» в психотерапевтическом процессе, внутри которых часто, но не всегда кроются трудные для клиента переживания и чувства: тревога, зависть, отчаяние, безнадежность, злость и т.д. Реальные и мнимые ошибки интерпретации в пользу проекций образов прошлого могут быть спровоцированы порой черезчур искаженной проекцией клиента, разворачивающимся «театром в его голове», но также и эмпатическими неточностями и слепотой психотерапевта и его контрпроекциями.

При том, что клиентов чаще не интересуют собственные мысли и чувства аналитика, никак не связанные с ними, любимыми, такое полное одностороннее самораскрытие создаст уникальную в своей специфичности ситуацию, сравнимую, разве что, с практикой исповеди и духовного наставничества. То, что психотерапия иногда претендует на то, чтобы занять именно эту нишу, часто не имея под собой духовных основ, тоже совершенно отдельная тема, здесь не обсуждаемая.

Специфичность психотерапевтической ситуации заключается в том, что аналитик в одностороннем порядке получает ни с чем не сравнимый опыт проникновения во внутренний мир другого человека, а клиент — парадоксальное переживание односторонней близости при почти полной закрытости терапевта,

сравнимое с семейным опытом, но ему не эквивалентное по причине частичной «мнимости» этой близости. Двухсторонняя душевная зрелая близость оказывается при таких условиях невозможной. Тогда под сомнением оказываются как реальность подлинно человеческого в этой весьма специфической близости, так и глубокое знание внутреннего мира клиента терапевтом.

Психотерапевтические отношения — это особый вид очень личных отношений, при этом не являющихся реальными взаимоотношениями (впрочем, этот вопрос широко дискутируется последние десятилетия) (Шварц-Салант, 2008). Реальность ставится под сомнение отсутствием самого акцента «взаимо»-отношения. Знание и близость становятся антагонистами. И это совсем не толстовское «я не знал ее, потому что любил ее». Это «ты узнал меня с одной из сторон, потому что ты никогда не сможешь узнать меня по-настоящему в равнозначном диалоге; я буду страдать от этого, но эта иллюзия защитит меня от реальности». Возможно, это один из пессимистических вариантов ответа на вопрос из вопросов о роли психотерапии в жизни современных людей.

**Аналитический метод —
неравенство позиций как
инструмент. Психотерапия как
изменяющийся процесс и метод
изменения**

Мы указали на одну сторону неравенства позиций. Другая заключена в самом аналитическом методе. В модели «родитель—дитя» неравенство позиций становится инструмен-

том (инструментальное неравенство) — это условие для регрессии клиента, оживления и проявления его «детских» проекций на терапевта и того, что терапевт «примет» эти проекции. Как терапевты мы могли бы использовать диспозицию «родитель—дитя» как более управляемый метод искусного овладения механизмами этого универсального общечеловеческого феномена — переноса, поддерживая при этом существующий в психотерапии запрет на использование данного явления в собственных эгоистических целях, например в качестве инструмента проявления иерархических властных полномочий или, попросту говоря, власти.

Разграничив ответственность на позиционную и инструментальную, можно избежать часто возникающей путаницы на «пограничных рубежах» аналитического процесса. Инструментальное неравенство, являясь всего лишь психологическим инструментом обнаружения и работы с «материалом переноса», изначально содержит в себе и субъекта, того, кто этим инструментом пользуется. И здесь неизбежна *субъективность*. В этом смысле позиции могут быть уравнены. Процессы проецирования, интроецирования, идентификаций — процессы взаимные, и «я в своих собственных глазах» далеко не всегда тождественно тому, «каким меня видят другие».

Собственно, само наличие неравенства ответственностей, ни позиционной, ни методологической (инструментальной), не может являться основанием человеческого неравенства как внутри психотерапевтического пространства, так и за его пределами.

Задачи исследования проекций и трудности в «отделении зерен от плевел» аналитическая психология решает с помощью определенного набора методов и приемов: установления определенного сеттинга, избегания смещения ролевых позиций и максимальной недоступностью информации из жизни аналитика, который может затуманить и запутать понимание бессознательных процессов и их содержания у клиента. Это дискуссионные темы, особенно в современной аналитической психологии. С нашей же точки зрения, в этих положениях продолжает присутствовать отголосок односторонней позиции — «одна психика в комнате», по меткому определению одного из известных аналитиков современности М. Стайна (Стайн, 2009, 2010).

Установление сеттинга по существу — главный гарант психологической безопасности клиента в аналитической психологии. Но даже полностью правомерная и обоснованная позиция аналитика поддержки устойчивости и твердости границ сеттинга, при чрезмерном увлечении его формальной стороной, может лишить метод его главной функции.

Размышления о характере влияния ситуации «двойного» неравенства на процесс продолжают возникать и углубляться. Есть необходимость в прояснении аналитической позиции с лежащими в ее основе культурными, психологическими и социальными установками и их глубокими корнями. Вопросы неизбежны и очевидны.

Например, сохраняется ли неравенство «инструментальных» пози-

ций на всем протяжении психотерапевтического процесса: на входе и на выходе из него? Оправдана ли «инструментальная» часть неравенства во всех ситуациях и на всем периоде сотрудничества? Возможен ли противовес изначальному неравенству с клиентом и нужен ли он? Каким образом сама ситуация неравенства будет влиять на клиента и на терапевта в кратковременном и длительном контакте, какие составляющие будут активизироваться автоматически?

Каковы пределы гибкости и подвижности, жесткости и ригидности границ сеттинга, границ между разными ролями и позициями, между аналитической позицией и личностью аналитика, его человеческой составляющей? В какой степени можно прогнозировать «теневые» по отношению к самому процессу типичные эффекты этой ситуации? Возможны ли изменения в этом вопросе и нужны ли они? Всегда ли оправдано консервирование «инструментального» неравенства и позиционного неравенства? Возможна ли ситуация равнозначных инструментальных ответственностей? Какова степень осознанности в этом вопросе?

Вопросов довольно много, и сама их постановка не случайна. К настоящему времени в аналитической традиции проблема обозначена. Но конкретные практические решения чаще отталкиваются от принятых нормативов, этических кодексов и вращаются вокруг тонкостей переноса/контрпереноса и нюансов бессознательного отыгрывания клиента и/или контрпереносного отыгрывания аналитика, иначе говоря, отыгрывания исключительно под влиянием

бессознательной части психики клиента. Т.е. основания: лежащие на поверхности и скрытые индивидуальные, культурно-социальные нормы, установки и традиции, общечеловеческие и, возможно, универсальные истоки самих нормативов — не обсуждаются. Не обсуждаются также установки самих аналитиков и совершенно конкретные и буквальные, отражающие их способы взаимодействия (от невербальных до языковых).

Давайте посмотрим на аналитический метод, слегка расширив поле зрения и попробовав учесть некоторые направления поставленных вопросов, которые могут помочь нам в большей степени осветить «теневые», скрытые и не учитываемые стороны аналитического процесса. Какие дилеммы могут быть обозначены в ходе этого рассмотрения?

Развернем вопросы, располагая их по двум осям. За горизонтальную ось примем линию: «младенчество — детство — отрочество — юность (ранняя молодость) — зрелость (и старость)». А в качестве вертикальной оси можно предложить категориальный взгляд на человека «организм — индивид — Я — личность — человек» (Петровский А.В., Петровский В.А., 2000). Можно было бы дополнить эту категориальную линию «ролевыми позициями» — мать и отец — экзистенциями любого человеческого существа. Даже у сироты их «отсутствие» обозначено и обычно «занято» замещающими фигурами.

На протяжении всей жизни начиная с пре- и постнатального периодов происходит постепенное отделение человека от конкретных матери и отца и сепарация от внутриспсихи-

ческих материнского и отцовского образов, или, по-другому, их «имаго». Но так или иначе, чаще сначала диада, а потом триада будет сопровождать человека в виде изменяющихся внутренних образов, по существу, всю жизнь.

Можно условно построить матрицу, задав двумя осями «координаты изображения». Тогда начало человеческого развития — младенчество — совпадет с первой категорией рассмотрения — «организм». Детство совпадет с категорией «индивид» (но также будет включать в себя и предыдущий перекрест). Отрочество совпадет с категорией «Я» (включая предыдущие). Юность (ранняя молодость) — с категорией «личность», как и начальный период зрелости. И зрелость (и старость) — с категорией «человек» (включая в себя полную матрицу).

Если рассматривать ситуацию взаимодействия аналитика (психотерапевта) и клиента, наложив эту условную матрицу, у нас получится, что взаимодействуют два взрослых человека, внутри которых живет их собственный опыт младенчества, детства, отрочества, юности (ранней молодости) и зрелости (старости), в психике которых с необходимостью встроены «имаго» матери и отца, прототипы будущих социальных взаимоотношений. Также мы видим, что взаимодействуют два человека, внутри которых взаимодействуют и пласты организм—организм, индивид—индивид, мое Я—другое Я, личность—личность и человек—человек.

Давайте чуть детальнее посмотрим на вторую категориальную ось.

I. Взаимодействуют два организма. В последнее одно-два десятиле-

тия были проведены исследования в нейробиологии и сделаны открытия о существовании и функции зеркальных нейронов (Rizzolatti et al., 1996), что проливает свет на способность человека к сопереживанию и пониманию действий другого посредством внутреннего проигрывания, запускаемого этими нейронами. Было показано, что зеркальные нейроны как у животных, так и у человека активизируются зеркальным образом не только при повторении действий другого, но и при одном лишь наблюдении за ним. Такое «отзеркаливание и считывание» информации с другого на биологическом уровне доступно высшим животным и человеку.

Это значит, что в психотерапевтическом контакте не только аналитик «зеркалит» клиента на нейронном уровне, но и клиент в точно такой же равной степени «зеркалит» аналитика. Т.е. на биологическом уровне разницы во взаимодействии и взаимовлиянии позиций нет.

Но будет ли разница во взаимодействии «человек—человек» по отношению к уровню «организм—организм» и разницы степеней сознательно предъявленной включенности этих уровней в пространство взаимодействия? Вероятно, возможны вариации, хотя для зеркальных нейронов «включение» полное и оба человека полностью друг другу «открыты». Т.е. на бессознательном уровне такой разницы не будет. А появится она в системах восприятия и самовосприятия, интерпретации и на уровне трансляции и сознательного поведения.

Как избежать искажения отражений в зеркале, которые могут подо-

рвать, а не укрепить чувство реальности клиента и его доверие самому себе? Как отличить сложившиеся косные ошибочные паттерны в картине мира участников взаимодействия от уникальных особенностей мировосприятия обоих?

Однозначная установка на открытое исследование исключительно процессов клиента вносит серьезные ограничения в процесс взаимодействия участников и, как любое явление, имеет две стороны. Пока мы в большей степени отметили его позитивные аспекты.

Посмотрим, как может работать сама по себе такая установка.

Простая ситуация: аналитик сидит, скрестив на груди руки, его брови сдвинуты, губы сжаты. Клиент предполагает, что аналитик готов атаковать или защищаться, и спрашивает, лишь предполагая: «Вы сердитесь?» Как установка аналитика будет влиять на его ответ в данном случае? Из аналитической позиции терапевт может спросить, например: «А что вы чувствуете, когда предполагаете, что я сержусь? Или как это вам? Что для вас значит думать, что я сержусь?» Задача аналитика в аналитической позиции — развернуть клиента на него самого.

Давайте присмотримся к этой ситуации повнимательнее. Что может остаться за кадром возможной рефлексии и анализа? Какие скрытые сообщения может нести подобный отклик аналитика?

Например, клиент может почувствовать, что ему неприятно (страшно, досадно, радостно, его раздражает, злит), когда аналитик сердится (если клиент расценил сам вопрос терапевта как скрытое подтверждение

«правоты» своего эмоционального понимания). Но в то же время клиент оказывается и внутри культурного контекста, где отвечать вопросом на вопрос, к примеру, не принято. Поэтому он может как уйти от ответа, так и открыто сообщить о возникших чувствах, не указывая причин, которые лежат, главным образом, в культурной традиции, а не во внутренней психологической реальности и не во взаимодействии.

Вследствие этого клиент может про себя подумать, что впредь он постарается не злить аналитика (потому что испугался) или, наоборот, спровоцировать на более сильные эмоции («из вредности») или постарается больше не обращать внимание на эмоциональное выражение аналитика, потому что ему «наплевать». Или он может удивиться, потому что он как будто бы ошибся в эмоциональном считывании, так как аналитик сходу «не признался» в том, что сердит. Или клиент может посчитать, что терапевт «вообще человек раздражительный» и т.д.

Даже из этих нескольких вариаций понятно, что дальнейшие бессознательные и сознательные развороты будут разными.

В аналитической позиции чаще и практически вне зависимости от реакции клиента терапевт не будет «выяснять отношения» напрямую, а будет разворачивать ситуацию «на клиента», стимулируя его способность к рефлексии и анализу. Как правило, ниточка потянется к его семейной истории и характеру его проекции на аналитика.

Подспудно влияющими на процесс оказываются «скрытые» сооб-

щения, которые «получает» клиент от аналитика, чьи корни могут лежать в социокультурном контексте, которые могут оказаться неоднозначно ошибочны и «параноичны» с этой точки зрения. Клиент может «прочесть» и скопировать, например, образец избегания партнером прямого эмоционального контакта, вплоть до страха близости, с различными подтекстами (у «них» так принято, аналитик боится, хочет внести путаницу, ловит на ошибке восприятия); разные варианты сомнений в правильности собственного видения, интерпретации и оценке ситуации; указание на то, кто здесь «главный» и кому принадлежит право задавать вопросы.

Клиент может (сделав ошибочный вывод) уловить сообщение о том, что только его чувства заслуживают внимания и важны для лечения, и, как следствие, бессознательно принять модель игнорирования части опыта. Конечно, смысл «скрытых посланий», который уловит клиент, будет во многом зависеть от его особенностей, неизбежно связанных в том числе с принятыми нормами общения в его семье и окружении.

Этот процесс может быть исследован и осмыслен с вытекающими из этого «рекомендациями» по конкретным формам контакта.

Сейчас же нас пока больше интересует подспудное влияние именно аналитической позиции.

Что и как изменится, например, при еще одном или неоднократном повторе подобной ситуации, если клиент взял на себя труд и уже глубоко отрефлексировал особенности своей реакции (что он чувствует, если аналитик «сердится», и что

проецирует, исходя из своей семейной истории, каковы его скрытые эмоциональные комплексы и привычные паттерны поведения), а аналитик вновь и вновь продолжает «уходить» от ответа?

Как правило, аналитическая позиция предусматривает устойчивость и неизменность. Можно предположить, что постоянный выбор «поворота на клиента» или иначе в пользу его рефлексии и анализа в качестве прямого следствия поставит под угрозу как минимум открытый эмоциональный контакт или его качество. Но может также автоматически начать провоцировать «борьбу за власть», подрывать доверие клиента либо по отношению к аналитику, либо к самому себе, косвенно «обучая» игнорировать части опыта и реальности. Все эти возможные составляющие коснутся в большей степени объема эмоциональной ткани — дерева переживания.

Как правило, аналитическая позиция сама по себе резко ограничивает ответы аналитика на прямые вопросы клиента, зачерпывая запретом большой пласт психологических, биографических и культурных областей. Этот барьер «закрытости», таким образом, рискует превратиться не в еще один дополнительный ювелирный инструмент в искусных руках, а в формальный дистанцирующий прием.

Внутри аналитической позиции всегда находится конкретная личность со своим собственным складом характера и личностными границами.

У открытого, эмоционально подвижного, доверяющего, теплого, демократичного человека будет иное качество и настройка профессио-

нальных границ, чем у закрытого, холодного, подозрительного, высокомерного и косного.

Помимо личностных черт, влиять также будут общность или различие культур и динамика межличностных отношений с каждым конкретным клиентом. Внутренне недостаточно обоснованная профессионально и лично формальная граница отсекает нюансы взаимодействия и его изменения во времени и пространстве.

С нашей точки зрения, не обоснованная лично (что важно!) и не соотношенная с профессиональной граница вносит ограничения в процесс взаимодействия клиента с реальностью.

Заложенное в методе жесткое ограничение на прямое подтверждение эмоциональных впечатлений клиента от аналитика и невозможность «перевода» телесного бессознательного «знания» на уровень сознания поддерживают диссоциативные процессы между сознанием и бессознательным у обоих. «Угадываемая» клиентом информация об аналитике остается в сфере его фантазии, иногда озвучиваемой, а иногда разрастающейся в «его голове» и всегда сохраняющей качество неопределенности, даже если она становится устойчивым «фактом», но не признанным и не опровергнутым аналитиком открыто. Благодаря этому фантазия может инкапсулироваться на длительное время.

Эта специфика может стать причиной непредсказуемых и в дальнейшем неверно интерпретируемых сдвигов в переносно-контрпереносных реакциях и провоцировать возникновение «барьеров» во взаимодействии. Аналитик, занимающий

ригидную, но неустойчивую и лично не обоснованную позицию, а потому диссоциированную с профессиональной в этом отношении, например, придерживающийся неизменной жесткой дистанции, крайне и необоснованно непоследовательной позиции или чрезмерно и «необъяснимо» мягкой, рискует в дальнейшем сделать барьеры непреодолимыми, провоцируя «дурную бесконечность» искажений.

Внезапная и ясно не артикулированная смена позиций, т.е. «необъяснимая» непоследовательность в изменениях границ и рамок, носящая в каком-то смысле характер произвола, закладывает «мину» замедленного действия во взаимоотношения, обуславливая ряд логически вытекающих, но совсем не очевидных и не обсуждаемых в литературе последствий.

Незамеченные изменения рамок «в пользу» клиента могут вызывать у последнего внутренние интерпретации выданного аналитиком «кредита доверия» и, соответственно, своей особенности, значимости, любимости аналитиком. Возможно усиление позитивного переноса с проявлениями подлинной признательности и благодарности. Но также возможна провокация разрушения «деловых отношений» и в качестве ответной реакции попытка перевода их в дружеское, а иногда и эротическое русло. Возможен и «сдвиг» к раздуванию нарциссической части эго и инфляции или, напротив, позитивному ощущению своей ценности и значимости при ее прежней недостаточности и усилении эго-сознания.

Противоположное нарушение рамок аналитиком, например усиление

жесткости позиции на каком-то этапе или в какой-то момент, смена места приема, например с гостиной в квартире на кабинет в офисе, резкий и незапланированный подъем оплаты, сокращение времени сессии, увеличение дистанции в отношениях, нечестность по отношению к своим ошибкам и т.д., может внутренне расцениваться клиентом как разрушение безопасности, отвержение, несправедливое лишение, предательство с последующими интерпретациями причин, локализованных чаще всего либо внутри себя, либо в терапевте. Таким образом, автоматически провоцируется негативный перенос. А на уровне сознания появляются обоснованные обида и гнев, требующие человеческого разрешения.

Принимая во внимание ситуации, когда проективная заряженность восприятия очевидна и «театр в голове» клиента серьезно искажает действительность, заставляя страдать себя и/или других, настойчивая и твердая позиция аналитика, развенчивающая иллюзии и ошибочные «приписывания» терапевту, несомненно, важна.

Однако в сложных и запутанных случаях, смешанных, неопределенных, «полевых» процессах (проективная идентификация, слияние и т.д.) игнорирование, замутнение аналитиком «правильного» восприятия клиента или «железная» правота терапевта, не признающая возможности иного взгляда и толкования «ситуации взаимодействия в совместном поле» и оценки действий и личности аналитика, двухсторонне вредят процессу: с одной стороны, выбивают «почву из-под ног» клиента в

его опоре на собственную способность, например, интуитивно «верно» постигать, конгруэнтно чувствовать или же рационально просчитывать «реальность», с другой — определенно ставят под сомнение не только знание аналитиком собственных ограничений, его способности выдерживать неизвестность, неопределенность, весь спектр человеческих чувств и эмоций, интерес по отношению к иному, неожиданному и новому, но и его компетентность в целом.

У клиента, как и у аналитика, всегда присутствует более-менее адекватно развитая способность «читать» эмоции другого человека (на основе точно «работающих» зеркальных нейронов) и внутреннее мерило «субъективного соответствия» реальности своему образу и оценке, так или иначе согласующееся с его внутренней картиной мира и так или иначе согласующееся с восприятиями других людей, находящимися в его окружении. (Особые случаи составляют клиенты психотической и пограничной личностной организации с большим удельным весом этой части в структуре личности; клиенты, переживающие «катастрофические» эмоции, невыносимую боль; люди, находящиеся в тяжелом кризисном, аффективном, остром состоянии; психотическом или околопсихотическом «статусе» непосредственно на сессии или какой-то период времени.)

Но и в этих случаях тотальное отвержение их гиперболизированной «нереальной» реальности и любое игнорирование элементов «здорового смысла» неизбежным следствием будут иметь фиксацию

искажений. А могут даже спровоцировать, а не только подкрепить «шизофреническое» расхождение во внутреннем мире клиента. Т.е. возникнет прямо противоположный «ожидаемому» эффект, серьезно усугубляющий состояние («психотизация» вместо «нормализации»).

II. На уровне взаимодействия «индивид—индивид» описанные выше «подводные камни» могут усиливать тенденцию к бессознательному слиянию (Шварц-Салант, 2008) или симбиотической форме контакта. Запрет на обнаружение как субъектности, так и бессознательных действий аналитика клиентом на уровне «эго-сознания», в том числе и в вопросах установления границ, консервирует проективный материал или его вытесненную в «тень» процесса часть. Это может спровоцировать «разгул» бессознательных процессов в их недифференцированности и сместить их в сторону, противоположную от движения к более тонким и глубоким процессам различения, мешая синтетическим процессам и интеграции.

Постоянные на протяжении продолжительного периода времени границы сеттинга, пространственных диспозиций, «иерархическое неравноправие» могут парадоксально сдвинуть баланс переработки интерпсихического содержимого и создания психических репрезентаций взаимодействия с Другим с увеличения доли сознаваемого и понятного во взаимоотношениях в сторону сознательной диссоциации, размывания или расщепления, выталкивая часть психического за рамки аналитического процесса или «погружая» обратно в бессознательное.

III. При этом такое зависание или «инкапсулирование» материала в бессознательном может усилить и его заряженность в проективной функции, что на уровне «Я» скорее будет связано с ослаблением идентичности и ролевой фиксацией, чем с ее обогащением и гибкостью, замедляя процессы развития и вряд ли способствуя усилению осознания. Влияние этой установки на способность к центрации/децентрации и ее мотивированность могут качнуть процессы в сторону нарциссической «эгоцентрации» клиента с усилением ряда защитных механизмов, например идеализации/обесценивания, и тем самым ослабить стремление к развитию способности к децентрации и чувствительности по отношению к другому. А это при замедлении процессов укрепления идентичности, в свою очередь, усиливает такие защитные механизмы, как проективная идентификация.

IV. На следующем уровне — уровне личности — это создает трудности в актуализации и проявлении разных сторон личности и ее сути. Выявление черт характера, личностных особенностей, типологической принадлежности, уникальной личностной конфигурации и т.д. может оказаться за рамками процесса. Одна личность вообще может обнаружить себя и встретиться лицом к лицу только с другой личностью. Личность же аналитика оказывается в «зазеркалье» по определению.

В ситуации сильной и неизменной закамouflированности аналитика смесью проекций клиента с его собственным поставленным под сомнение восприятием при условии высокой дистантности и неглубокой

степени эмпатии аналитика личности как таковые отступают «в тень». Вместо этого может быть интроецирована устойчивая, но застывшая «персона» аналитика, лишая психику клиента жизненных соков и внутренний образ «хорошего» объекта и его позитивной функции. Впрочем, тогда и само существование «хорошего», «живого» и «жизнестойкого» объекта в образе аналитика в психике клиента, а не плоского оттиска его персоны можно поставить под сомнение, что иногда может быть «видно» по характеру сновидений клиента.

«Неузнанные» проявления личности клиента могут не быть встречены вообще как авторские, сознательные, ресурсные, а из ролевой профессиональной позиции аналитика может оказаться отчетливо видна лишь его патологическая личностная организация.

Такое видение ставит ряд существенных вопросов о возможности и невозможности поддержания, проявления, трансформации и развития личности без дальнейшего углубления понимания «точек отсчета» и оснований в аналитической рамке.

V. На человеческом уровне острота данной ситуации может еще больше усиливаться. Полное незнание клиентом или существенное ограничение возможности знания, например, человеческих качеств аналитика может опять-таки отеснить в тень и оставить за рамками аналитического процесса целый пласт и личностной структуры клиента, а в крайнем варианте поставить под угрозу всю работу и достигнутые им изменения. Например, незнание ценностей другого, убеждений, установок,

«символов веры», конфессии, мировоззрения, ориентиров, в том числе этических, при невозможности получить ясное представление об этом, а не косвенно «вычислить» по характеру межличностного взаимодействия, со всеми возможными искажениями, сохранив по умолчанию внутри себя таким образом полученное «знание», загодя создает ограничения в работе с этой сферой, лишая аналитический процесс возможности работы с ценностями в качестве одного из инструментов психотерапии.

Это ограничивает свободу взаимодействия и развития отношений на уровне человек—человек, ставя под сомнение само это измерение. Оставаясь за спиной аналитического процесса, оно вводит ограничения на сознательное и осознаваемое проявление своей субъективности, обнаружение и развитие своей субъективности, доли намеренного и продуманного в действиях, степень «авторства» в терапевтическом процессе и в жизненных проявлениях как клиента, так аналитика. В действительности такая ситуация невозможна, поскольку это измерение постоянно и неизменно. Но сама психологическая установка на сохранение стерильности аналитической позиции и неизменности рамки без непрерывного осмысления «своего ролевого» и «своего личного» в динамике взаимодействия с намерением отеснить полностью человеческое в его многомерности или, если взять другую крайность, опасность склеивания личностного и позиционного вредят аналитическому процессу и ставят под угрозу основания самого метода.

Неожиданный вызов, который может быть брошен клиентом, пришедшим за помощью, аналитику как человеку, может сорвать одежды профессиональной позиции с терапевта и экзистенциально потребовать, «призвать к ответу» обнаженную человеческую суть аналитика. Это может оказаться острейшим моментом встречи двух неприкрытых в своей человеческой сущности людей. В таком случае возврат к прежней аналитической позиции с «широко закрытыми глазами» ударит по самой сути человеческих взаимоотношений, профанируя человека в присутствии профессионала.

В серьезной аналитической литературе эти вопросы, и в том числе возможность личных отношений в обыденном смысле после завершения психотерапии и их доле и специфике в ее процессе, не обсуждаются. Ситуации же установления глубоких обоюдно трансформирующих личных взаимоотношений «в процессе», «в параллели», «после», «вместо» терапевтических приобретают душок маргинальности и явного и публичного остракизма, особенно в случае возникновения подлинно дружеских или любовных отношений, часто составляющих ядро кулуарных сплетен, носящих однозначно осуждающий, преследующий или откровенно завистливый характер.

В действительности же существование психотерапевтической формы отношений в контексте человеческих отношений в целом ставит ряд экзистенциальных и философских проблем в рамках бытия человеком как для психотерапии как вида деятельности и особого рода личных отношений, так и для личностей

обоих участников психотерапевтической или аналитической пары.

Взаимодействие с другим, рассматриваемое по оси «организм — индивид — Я — личность — человек», предъявляет аналитику скрытые требования присутствия и возможности взаимодействия на каждом из уровней, их преемственности в душе самого аналитика.

Важен также вопрос и о степени «осведомленности» о самом себе как личности, о своих характерологических особенностях, слабостях, ограничениях и внутренней честности по отношению к своей собственной психической жизни. Однако когда речь идет о стандартах «проработанности» и о «реальной» осведомленности о себе, включая признание и хорошее понимание своих слабостей, недостатков, ограничений, точек роста, переходных пластов, то обнаруживается множество расхождений не только между разными школами, но и внутри одного направления.

Под «достаточно хорошей осознанностью» — общим положением для всех направлений психотерапии и важнейшим критерием начала собственной практики — понимаются разные вещи. В нашем случае это могут быть «достаточно хорошее» естественное владение и понимание аналитиком способов коммуникации на каждом из уровней от языка «младенца» до языка «интеллектуала» или «художника» в вербальных и невербальных конгруэнтных друг другу аспектах, доступность собственных пластов психики эго-сознанию («от рождения до старости» и «от нейробиологического до этического») и возможность быть резонирующим психическим инструментом

для каждого из соответствующих уровней клиента. На языке юнгианской психологии это могло бы соответствовать «достаточно хорошей простроенности оси взаимодействия эго с самостью». Важнейшей составляющей в этом «джентльменском наборе» является понимание и знание своих «больных мозолей», ограничений, «пробелов», «зон ближайшего развития» и главных опор — человеческих и профессиональных.

Эти вопросы касаются структур взаимодействия.

Сдвиги в «инструментальной» ответственности — управление процессом изменений

Есть вопросы, касающиеся больше процесса, нежели структуры психотерапии, происходящего регулярно на протяжении длительного периода времени в аналитическом контакте.

В качестве одного из частных вопросов мы бы задали такой: когда «снимается» проекция/проекция и у клиента «открываются глаза» на собственную «действительность» и «реальность» другого человека и он в большей степени (окончательное снятие проекций фактически не достижимо) начинает соприкасаться с реальностью, а не со своими проекциями, поменяется ли что-нибудь в характере межличностного взаимодействия? Управляем ли этот процесс изменений, например, с точки зрения открытости аналитика и сдвигов долей ответственности?

Один из основных аргументов, но не единственный, в пользу закрытости аналитика, однозначности и неизменности его ролевой позиции

заключается как раз в том, чтобы создать условия для выявления проективного материала клиента и его проработки.

Если достигаются изменения в этом отношении и клиент «забирает» часть проекций назад, логично было бы предположить, что следствием будет и изменение характера психотерапевтического контакта с точки зрения зарождения «реальных» отношений, в частности, и в вопросе открытости аналитика. (Говоря об открытости аналитика, мы вовсе не имеем в виду необходимость «выкладывать» доскональные биографические данные, медицинские сведения, интимные подробности, особенные личные факты и т.д.) Как правило, клиентам гораздо «интереснее» они сами. Но если на всем протяжении взаимодействия аналитика и клиента ничего не меняется, даже после снятия проекций или любой другой глубокой проработки бессознательного материала с точки зрения обнаружения и подтверждения субъективной реальности другого человека, то, во-первых, чувство реальности клиента дополнительно не может опереться на реальность аналитика и реальность взаимоотношений, собственная способность к оценке реальности подтачивается, фрустрируется сознающая сторона человека, его внутреннее «Я». Во-вторых, «в глубокой тени» могут оказываться проекции самого аналитика и его субъективное влияние как личности на характер взаимодействия. Причем «проекции самого аналитика» могут быть им отчасти осознаны в процессе супервизии (если она ведется), а вот личностное влияние, тем не менее, остается за кадром, поскольку

аналитический процесс не предполагает ни сознательного обнаружения, никаких специальных процедур, экспериментов и даже просто направленных наблюдений в этом направлении.

В длительной аналитической работе, несомненно, наступает момент «снятия» существенной части проекций и последовательного углубления в проработке бессознательного материала, и личностное влияние начинает приобретать больший вес на фоне потенциально очень глубоких, но односторонних и специфических личных взаимоотношений. Однако необходимого внимания к этому аспекту попросту нет.

Насколько осознанным, предсказуемым и управляемым может быть этот аспект в реальной практике? Какого рода изменения в характере межличностных отношений (с профессиональной и личной сторон) могли бы произойти в связи с декларируемым увеличением «доли» и «силы» эго-сознания, снятием проекций и изменением их характера в процессе терапии?

Может возникнуть законный вопрос: если изменение характера взаимодействия становится более «личным», но малоосознаваемым, то каким образом разделять взаимные проекции и своего рода «взаимотыгрывания» под воздействием проективной идентификации более глубокого уровня? Где провести грань и как установить баланс между этими составляющими? Где грань между удовлетворением личных потребностей аналитика, скажем, в профессиональной реализации, глубоком контакте, познании или сомнительной с точки зрения

границ профессионализма потребности в эмпатическом отклике и понимании клиентом аналитической обратной связи (интерпретации и т.д.) и подлинной заботой о росте другого и развитии взаимоотношений в сторону аутентичной близости на основании подлинной автономии и признании различий?

Вопрос серьезный и сталкивает аналитика лицом к лицу с его собственно человеческим, индивидуальным пониманием и этическим отношением к сути не только психотерапии, но и человеческого общения и человеческих взаимоотношений в целом.

На эти узловыe моменты в психотерапевтическом процессе можно посмотреть, фокусируясь на пространственно-временном динамическом факторе, определяющем степени и порядки постепенного принятия, прояснения и, затем, освобождения от проекций и интроекций в широком смысле, в их движении от архетипических форм жизни до «очеловеченных форм» реального восприятия. Тогда эти узловыe станции можно рассмотреть как возможности поворотов во взаимоотношениях. Аналитик может сознательно использовать эти естественные повороты для оценки происходящего и выбора «правильного» времени, когда в профессиональную рамку может быть включена личность аналитика в определяемых им пределах. Такая стратегическая линия психотерапевта может иметь своей целью усиление и расширение чувства реальности клиента, сглаживание как идеализаций, так и обесценивания, появление возможности выхода на другой уровень взаимодействия с

ним, иное качество интегративных процессов, задействование новых уровней контакта. Это высвоение «зоны ближайшего развития» двух личностей и их отношений на новом уровне. С усилением доли и силы сознания клиента и, соответственно, его доли ответственности, уязвимые точки самого терапевта могут становиться менее «опасными», и аналитик, опираясь на устойчивую и крепкую почву доли реальных взаимоотношений, может позволить себе пойти на больший «риск» в терапии. Это вопросы для размышления, которые могут быть адресованы аналитикам и психотерапевтам других направлений.

Аналитический или психотерапевтический способ взаимодействия, происходящий на территории клиента в течение регулярного длительного периода взаимодействия без существенных изменений в характере человеческих взаимоотношений, без возможности эквивалентного соприкосновения двух территорий и их взаимовлияния, приводит еще к одному очевидному и предсказуемому эффекту — именно клиент усваивает новый язык и новую согласованную систему мышления, а возможно, мировоззрение и способ жизни от аналитика или психотерапевта.

Это повторяет ситуацию детства, когда ребенок усваивает способы думать и чувствовать от родителей во многом на уровне автоматических моделей поведения, родительских предписаний, внушений, семейных или родовых сценариев.

Известно, что «забытые» семейные или родовые мифы и легенды, шаблоны, стереотипы и бессознательные паттерны, а также

«неизвестные» события и факты становятся самыми сильными бессознательно влияющими факторами. Аналитическая ситуация может быть «приравнена» в этом смысле к семейной. Она обладает теми же системными характеристиками и несет в себе те же подводные камни.

По сути, всю информацию об аналитике, его мировидении, истории и корнях можно рассмотреть в виде скрытого от сознания и понимания клиента «многоуровневого паттерна». В любом психотерапевтическом взаимодействии потенциально есть такое скрытое влияние, возможно, чаще всего недостаточно осмысленное и обоснованное аналитиком для самого себя. Усиливать такое влияние может и то, что аналитик сознательно и контролируемо не привносит в рабочий процесс содержания своей личности и жизни и «сырых» содержаний своей психики, независимых от взаимодействия с клиентом. Напротив, содержания его психики, субъективно опосредованные процессом взаимодействия с клиентом, проходя в его сознании «отборочный тур» на предмет выбора реакции в качестве соответствующего отклика, парадоксально могут расширять теньевую зону самого взаимодействия.

Таким образом, можно увидеть обратную, скрытую, теньевую сторону аналитического процесса.

Предварительным условием начала любого психотерапевтического контакта, которое, в частности, также обладает усиливающим внушающее воздействие эффектом, является условно «слабая» позиция человека, пришедшего за помощью, его изначальное доверие терапевту и приня-

тие с его стороны таких «правил игры», возможность влияния авторитетных «мнений» терапевта и неравенство позиций.

Снижением бессознательных неконтролируемых влияний любых «теньевых» процессов, безусловно, является тот факт, что аналитик или психотерапевт проходит собственный длительный анализ или психотерапию, в разных школах по-разному определяемых в количественном отношении, предполагаемом, однако, достаточным для начала практики. Профессиональная сертификация подразумевает также непрерывное профессиональное теоретическое развитие, продолжение психотерапевтом работы над собой, включая индивидуальную и супервизорскую/интервизорскую работу. Однако вопросы «качественной» оценки продолжают оставаться актуальными. Львиную долю образования психотерапевта составляет личная учебная психотерапия. А ее качество предполагает даже не столько количество лет и часов, потраченных на дидактический (учебный) анализ, и профессиональные и личные качества и характеристики аналитика (психотерапевта), его проводившего, хотя вопрос не праздный, сколько глубокое понимание оснований конкретного психотерапевтического направления, его преимуществ, недостатков, рамок и ограничений и в то же время способность быть гибким и творческим.

Что же «объективно» в каждой школе будет считаться условной завершенностью собственной психотерапии или анализа, например?

Общим для всех школ основанием для начала собственной практики

являются: наличие «достаточно высокого уровня осознанности», удовлетворительной проработанности личных проблем, психическая стабильность и высокая способность психики к восстановлению, серьезные и глубокие теоретические знания, владение методом, опыт работы, открытость новому. Эти характеристики по-разному определяются в разных направлениях психотерапии и к тому же могут разительно отличаться в субъективных оценках кандидата разными тренирующими его психотерапевтами. Немаловажно определить как объективные критерии, так и субъективные ключевые характеристики «достаточной проработанности» будущего терапевта, а также каким образом они могут быть оценены. Можно ли найти общие основания профессионализма для всех, принадлежащих этой области деятельности или, лучше сказать, искусства? Каким образом могут учитываться глубина пресловутой осознанности и, например, охват ею индивидуального, семейного и коллективного/архетипического пластов? Где и в каком отношении к этим «безличным» критериям будет находиться личность кандидата с его характерологическими особенностями и человеческими качествами?

Вопросы острые и существенные.

Признавая общим местом сознание того факта, что объективная и окончательная осведомленность о собственной личности фактически недостижима, значение начинают приобретать договоренности об «объективных» критериях достаточности «образования» и характери-

стики самих школ и направлений, а также личностные качества учителей, в особенности психотерапевтов, проводящих дидактическую или, иначе, учебную личную психотерапию, и основных супервизоров, под руководством которых несколько лет работает начинающий психотерапевт.

Вероятно, именно в этом месте могут вставать вопросы об общечеловеческих ценностях, убеждениях, установках, позициях, степени личностности и человечности тренера, а также и о его «теневых» сторонах, его личных и профессиональных ограничениях, ибо именно это подспудно или явно окажет влияние на инициируемых.

Все эти вопросы и соображения никогда не выносятся на открытые обсуждения, и уж тем более не существует эмпирических данных и исследований возможных эффектов личностных влияний, хотя порой мимоходом в разговорах за спиной подмечаются характерные «профили и стили» студентов и анализандов (студентов, проходящих учебный анализ/психотерапию), обучающихся у конкретных преподавателей, супервизоров, аналитиков или психотерапевтов. И в сказанных вскользь словах («клоны», «инкубаторный выводок», «колобки», «амебы», «мастер-класс!», «индивидуалы», «победители», «зайки») может быть дана скрытая, но хлесткая оценка скрытой установке личности тренера, его силе и его ограничениям, его человеческого влияния, и, возможно в меньшей степени, профессионализма. Хотя внутри аналитического поля это очень трудное разделение.

Литература

Гуггенбуоль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине. СПб.: Б.С.К., 1997.

Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 44–53.

Стайн М. Принцип индивидуации: О развитии человеческого сознания. М.: Когито-Центр, 2009.

Стайн М. Юнговская карта души: Введение в аналитическую психологию. М.: Когито-Центр, 2010.

Шварц-Салант Н. Черная ночная рубашка. Комплекс слияния и непрожитая жизнь. М.: Институт консультирования и системных решений, 2008.

Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V., Fogassi L. Premotor cortex and the recognition of motor actions // *Cognitive Brain Research*. 1996. 3. 2. 131–141.

ПСИХОТЕРАПИЯ, ФОКУСИРОВАННАЯ НА ПЕРЕЖИВАНИИ

И.А. ПОГОДИН

Погодин Игорь Александрович — директор Института гештальта, ведущий тренер и член Профессионального совета Московского гештальт-института, кандидат психологических наук, доцент. Гештальттерапевт, супервизор и преподаватель гештальттерапии, специалист в области кризисной психотерапии. Главный редактор «Вестника гештальттерапии», действительный член Европейской ассоциации гештальттерапии (EAGT), Международной федерации организаций, преподающих гештальт (FORGE), Белорусской ассоциации психотерапевтов, Всероссийской профессиональной психотерапевтической лиги. Научный консультант отделения кризисной психологии Социально-психологического центра БГПУ им. М. Танка. Автор более 200 публикаций, в том числе учебников, монографий, учебно-методических пособий.
Контакты: pogodpsy@rambler.ru

Резюме

Статья содержит анализ практического преломления феноменологического метода применительно к психотерапии. Детально рассматривается процесс восстановления и поддержания переживания посредством его феноменологического сопровождения. Особое внимание уделяется прикладному применению принципа Pregnantности для психотерапии. Осознание представлено в качестве процесса, принадлежащего терапевтическому полю и лежащего в основе построения терапевтических интервенций терапевта.

Ключевые слова: *self, феноменология, Pregnantность, осознание, переживание, диалогово-феноменологический подход, хроническая ситуация низкой интенсивности.*

Сущность задачи, которая стоит перед этой статьей, заключается в следующем — кратко и в то же время ясно и полно описать суть психотерапевтического метода в диалоговой модели гештальт-терапии. Попробую начать с главного — с целей метода. Целью диалоговой гештальттерапии выступает восстановление естественной динамики процесса пере-

живания. Напомню, что переживание — это комплексный творческий процесс создания и ассимиляции феноменов поля, при котором все его составляющие — эмоциональные, поведенческие, когнитивные и др. — подчиняются свободной динамике творческого приспособления (Погодин, 2008). Однако, поскольку процесс переживания требует наличия

некоторых условий, более подробно стоит поговорить вначале о них. Во-первых, процесс переживания может быть восстановлен лишь в пространстве диалога при наличии сформированной границы-контакта. Во-вторых, возникающие в пространстве контактирования психические явления или их частные аспекты должны быть осознаны посредством превращения их в феномены (в противном случае они не смогут стать источником переживания). Причем важно отметить, что обе эти терапевтические задачи дополняют и взаимообуславливают друг друга — контакт выступает необходимым условием осознания и, наоборот, осознание определяет качество контакта. Учитывая сказанное, следует отметить, что терапевтический процесс может быть начат с любой из этих составляющих — в реальной терапевтической работе поддержка обоих этих процессов представляет собой единый процесс. Собственно говоря, в этом и заключается суть терапии переживанием: процесс размещения осознаваемых феноменов в контакте обеспечивает восстановление процесса переживания. Иначе говоря, размещенные на границе-контакте феномены возвращают себе возможность жить, подчиняясь своей собственной природе. Технически в процессе психотерапии эта задача опосредуется феноменологическим методом. Каким образом это происходит?

Клиент обращается за психологической помощью, как правило, предъявляя жалобы на какие-либо симптомы и/или психологические проблемы. При этом, естественно, в фокусе внимания терапевта оказы-

ваются некоторые феномены, появившиеся в процессе взаимодействия с клиентом. Динамика этих феноменов, как я уже отмечал ранее, подчиняется принципу прегнантности, согласно которому наиболее актуальное (вне зависимости от степени осознания) возбуждение поля питает соответствующий феномен в большей степени, чем остальные. Так появляется фигура, фоном для которой выступают все оставшиеся феномены. Терапевтическая задача заключается в поддержании терапевтом и клиентом чувствительности к этому процессу. Предполагается при этом, что терапевт обладает соответствующим опытом, который он использует в целях обозначения очевидных условий существования актуального контакта. Именно таким образом осознание в паре «терапевт—клиент» увеличивается как в объеме, так и в качестве. Я не оговорился, определив принадлежность осознания полю. Действительно, процесс осознания принадлежит полю, равно как и появившаяся фигура на фоне. Поэтому словосочетания «фигура клиента» и «фигура терапевта» представляются мне не очень корректными (разумеется, при условии существования границы-контакта). Возвращение же к идее принадлежности прегнантного содержания и его динамики индивиду является неудачной попыткой возвращения внутри новой методологии к индивидуалистической парадигме психотерапии. Кроме того, такое положение вещей несовместимо с постулированием существования поля, представления о котором питают методологию диалоговой модели психотерапии. И так,

повторю: все, что возникает в качестве феноменов в терапевтическом поле, этому полю и принадлежит, включая и сам процесс осознания, являющийся источником возникновения феноменов.

Сессия, которую я хотел бы описать в качестве иллюстрации предыдущего тезиса, имела место в тот день, когда автор проводил терапевтическую группу, в фокусе внимания которой находились довольно непростые для переживания как участниками, так и самим терапевтом темы — смерти, тяжелых болезней, насилия, ситуаций, в которых утрачена какая бы то ни было возможность контроля. Разумеется, что актуальное терапевтическое поле группы было насыщено значительно выраженной тревогой и другими сильными чувствами — ужасом, страхом, отчаянием, болью и т.д. Встреча с клиенткой А. (описываемая сессия была знакомством и первым интервью с потенциальным клиентом — кандидатом в терапию) произошла через два часа после окончания группы. Спустя короткое время после начала сессии А. начала в процессе разговора демонстрировать высокую степень тревоги, которая дезорганизовывала ее поведение. Разорванная бессвязная речь, отсутствие какой-либо логики изложения историй, бегаящий тревожный взгляд и сообщения о том, что нарастающая тревога мучительна для А., с неизбежностью приводили меня к мысли о столкновении с психотическим эпизодом. В моей голове проносились варианты адекватных с точки зрения первичного интервью интервенций, я задавал вопросы, предположительно направленные на восстановление возможности привести в разговор хотя бы подобие структуры. Но уже через некоторое время отказался от любых подобных попыток ввиду и без

того высокой фоновой тревоги и просто слушал А. Я находился всего в нескольких секундах от рекомендации А. обращения за психиатрической помощью в стационар, когда поймал себя на выраженной анестезии, утрате эмоциональной чувствительности к происходящему в этой ситуации и сопровождающем ее судорожном потоке мыслей. Позволив себе впервые остановиться в этой безумной гонке, я вдруг осознал выраженную тревогу, переполняющую меня, часть из которой содержательно относилась к страху собственного безумия. Пребывая в этой паузе, я задал себе вопрос: «Как я переживаю сейчас человека, сидящего напротив меня?» В этот момент я осознал целую гамму чувств, которые переполняли меня: тревогу, нежность, острую боль. Впервые за время сессии я оказался в контакте с А. Впервые отчетливо увидел ее лицо. Впервые услышал ее голос. Я разместил возникшие феномены в контакте с А. Произошло нечто удивительное — вдруг ее речь стала гораздо более понятной, стройной. Она заплакала, сказала, что впервые ощущает, что кому-то интересна и нужна. Интересно также и то, что уровень тревоги в контакте значительно снизился. Способность к контакту у А. при этом значительно повысилась. Предложения обратиться в стационар удалось избежать. А. до сих пор остается в терапии, которая продвигается не всегда легко, но, однако, с выраженным успехом. Эта сессия многому научила меня, особенно тому, что прежде, чем присвоить возникающие в поле феномены кому-либо, лучше остановиться и прислушаться к процессам, происходящим на границе-контакте. Как правило, вопрос об атрибуции, какого бы рода она ни была, отпадает при этом сам собой.

Сейчас немного подробнее о феноменологической технике терапии.

Феноменологический подход в рассматриваемой терапевтической модели предоставляет широкий диапазон возможных интервенций — в каждую секунду терапии подготовленный опытный терапевт присутствует в поле, предполагающем наличие десятков возможных интервенций феноменологического свойства. Выбор возможной интервенции, определяемый принципом прегнантности, оказывается, тем не менее, зачастую достаточно сложным. Для демонстрации этого процесса мне кажется удачной метафора лабиринта: перед вами находятся десятки закрытых дверей, вы открываете одну из них, а за ней находится коридор, заканчивающийся очередным десятком дверей и т.д.¹ Выбор соответствующей двери определяется особенностями контакта терапевтической пары терапевт—клиент, а также чувствительностью обоих участников терапевтического процесса к полю. При этом важно отметить еще один аспект прегнантной динамики поля — в процессе контактирования фигура по мере удовлетворения потребности и пережива-

ния феноменов, ей релевантных, неизбежно через некоторое время становится фоном, предоставляя тем самым возможность для появления новой фигуры.

Итак, в процессе терапии терапевту необходимо быть внимательным к феноменологической динамике поля. Помещая в фокус осознания процесс контактирования, терапевт помогает появиться феномену. Поскольку прегнантная динамика не подлежит какому-либо контролю и является непредсказуемой, то возможность контролировать достижение какого бы то ни было результата терапии оказывается также недоступной в феноменологической терапии. Следовательно, акцент смещается с результата на сам процесс терапевтического контакта (Погодин, 2007), терапевт помогает клиенту при этом удивляться происходящему², поскольку именно удивление позволяет клиенту впечатлиться происходящим в контакте и обнаружить новый для себя опыт — только в этом случае он получает доступ к неизвестным ранее ресурсам жизни. При этом все новые способы организации

¹ Эта метафора позволяет с новыми силами вернуться к ответу на извечный вопрос, стоящий перед психотерапией, дискуссию по поводу которого когда-то (кажется, в 1937 г.) своей статьей «Анализ конечный или бесконечный» открыл З. Фрейд. Рассматривая эту метафору и основываясь на феноменологическом подходе, можно прийти к очевидному выводу, что процесс психотерапии не заканчивается никогда. Психотерапию можно лишь оборвать или приостановить на более или менее длительный срок.

² Здесь необходимо также сказать, что зачастую условием способности к удивлению клиента возникающими в терапии феноменами служит любопытство самого терапевта. Интерес к жизни клиента, подчиняющийся принципу прегнантности и исходящий из терапевтического контекста, часто оказывается способен инициировать соответствующий интерес клиента с вытекающим отсюда повышением чувствительности последнего к возникающим в контакте феноменам. Кроме того, думаю, что любопытство терапевта является одним из важнейших условий появления хорошо сформированной фигуры терапевтического процесса.

своего контакта в поле становятся доступными для клиента. Именно таким образом психические явления (которые, напомню, дают о себе знать лишь посредством феноменов как «самих-себя-кажущих»), лежащие в основе психологического дискомфорта клиента, получают доступ к переживанию. Далее более детально о фасилитации переживания в терапевтическом контакте.

Основная задача диалоговой модели терапии применительно к поддержке процесса переживания заключается в том, чтобы дать возможность всем психическим феноменам, возникающим в контакте, жить своей жизнью в полной мере. Терапевт же при этом оказывается человеком, сопровождающим этот процесс ревитализации психических явлений, своего рода сталкером. Появившийся в терапии феномен как факт сознания размещается на границе-контакте, где получает некоторый толчок для собственной динамики, которая определяется в свою очередь самоорганизацией поля³. Такая ситуация жизни феномена на границе контакта не продолжается бесконечно — в контакте терапевт—клиент появляется новый феномен, который должен также быть размещен в процессе переживания, получив соответствующую поддержку со стороны поля. Предыдущий фено-

мен смещается в фон, продолжая существовать в виде фактора, определяющего значение актуального феномена. Затем появляется следующий феномен, и процесс продолжается в соответствии с описанной логикой.

При этом важно понимать, что развитие и переживание феномена определяется не усилиями терапевта и клиента, а естественной логикой процесса переживания. Это значит, что появившийся феномен вне зависимости от отношения к нему терапевта и клиента может развиваться только в степени и качестве, определяемых его собственной природой. Терапевтический контакт является лишь условием переживания и в этом смысле выступает фактором фасилитации, но не формирования нового заранее заданного или определенного терапевтом опыта. Так, например, при размещении чувства непереносимого стыда с сопутствующими ему образами, смыслами, выборами и т.д. в контакте с терапевтом он становится вполне выносимым и доступным переживанию. Далее бывший ранее хроническим токсический стыд инициирует в переживании динамику, проявляющуюся в появлении в фоне какого-либо нового феномена, например, нового чувства, смысла, образа и т.д., который в свою очередь в результате

³ Феномен (как «само-себя-кажущее») принадлежит контакту, поэтому процесс осознания [феноменов] должен быть размещен в терапевтическом контакте. Иначе осознание участников терапии «аутизируется» (этот термин в данном контексте я использую не в клиническом смысле, а в значении «оставаться-одиноким-с»). Важно отметить здесь, что осознание терапевта зачастую служит пусковым механизмом аналогичного процесса клиента. Иначе говоря, для того чтобы появилось «само-себя-кажущее» на непростых этапах терапии у клиента, этот процесс следует стимулировать.

витализации со стороны поля развивается до степени, определяемой им самим и полем. При этом, напомню, терапевт и клиент лишь наблюдают за этим естественным процессом, впечатляясь и удерживаясь от любых попыток вмешательства в его течение. Новый феномен в своем развитии подпитывает терапевтический контакт, насыщая его новым опытом. Таким образом, динамика феноменов, появляющихся в контакте, и качество самого контакта выступают взаимообуславливающими факторами. Если метафорически представить терапевтический процесс в рассматриваемой модели, то сама собой напрашивается метафора работы опытного садовника, основная задача которого заключается в поддержании роста всего, что растет у него на участке. При этом старания садовника являются необходимым условием для развития растения, но не достаточным. Достаточным же условием развития выступает собственная природа растения. Другими словами, садовник лишь создает оптимальные условия для развития, но из фиалки никогда не вырастит баобаб. Более того, разумный садовник не будет к этому стремиться.

Б., мужчина 34 лет, обратился за помощью по поводу беспокоящих его психосоматических симптомов. Пройдя тщательное медицинское обследование на предмет поиска кардиологической патологии в клинике и получив отрицательное заключение, он пребывал в растерянности и обратился за психотерапевтической поддержкой. Разумеется, в фокусе его терапевтической заявки помещались жалобы на физическое самочувствие и связанную с этим тревогу. Однако довольно высокий интеллект Б.

позволил ему предположить существование внутри картины его болезни связи психогенного характера. Тем не менее у Б. не было опыта и привычки говорить о своих чувствах и желаниях, равно как и вообще осознавать их. Б. описывал практически все эпизоды своей жизни ровным безэмоциональным тоном, в то время как содержание его рассказа вызывало во мне тревогу, страх и жалость к этому человеку. Рано потеряв родителей, он неудачно женился. В семейной жизни сталкивался с постоянным отвержением, поэтому большую часть своего времени он проводил на работе, где был очень успешен и получал достаточно признания. Близких друзей у Б. не было, отношения с коллегами были довольно прохладными и формальными. Большую часть возникающих своих личных реакций (осознавались они клиентом довольно редко) в виде чувств, желаний и др. Б. контролировал и предпочитал удерживать при себе. Наш контакт Б. воспринимал также лишь через призму желанного терапевтического эффекта, я представлялся ему лишь «специалистом, у которого есть возможность ему помочь». Я зачастую чувствовал себя таким терапевтическим аппаратом, несмотря на то, что был очень эмоционально включен. Мои попытки размещать возникающие в нашем контакте феномены в виде чувств, желаний, наблюдений за Б. вызывали, как правило, две возможные реакции. Б. либо игнорировал мои слова совершенно, либо раздражался, говоря о том, что это не помогает ему продвигаться на пути избавления от симптома.

На одной из сессий мы оказались в зоне обсуждения темы принятия Б. другими людьми, а также признания его нужности и важности для них. В этот момент я живо интересовался Б., что не осталось для него незамеченным. Спустя некоторое время Б. спросил меня о том, правда

ли он для меня значимый человек. Я ответил, что за время терапии я успел привязаться к нему и что он занимает в моей жизни значимое место. Б. сказал, что он очень тронут тем, что за долгие годы им кто-то по-настоящему заинтересовался, и расплакался. Причем говорил и плакал, по моему ощущению, обращаясь лично ко мне. Впервые за время терапии я почувствовал его присутствие в контакте со мной совершенно отчетливо. Это было значительное продвижение в терапии, в некотором смысле прорыв.

На следующей сессии Б. выглядел встревоженным и довольно раздраженным. Он сказал, что раздражается тем, что терапия идет очень медленно, по его мнению (на описываемый момент терапии она длилась около 1,5 месяцев), а также тем, что работаю я не подходящим для него способом. Поскольку сказанное им адресовалось скорее в воздух или пространство кабинета (такой откат от достижений прошлой сессии, разумеется, можно было предположить, поскольку ассимилировать полученный им новый опыт в нашем контакте, по всей видимости, было непросто), я предложил ему, несмотря на очевидный риск обострить наши отношения, сказать эти слова, адресуя их лично мне. Б. проговорил их мне, и я снова почувствовал уже знакомое ощущение присутствия Б. в контакте, хотя в этот раз и непросто для нас обоих. Я просил не оставлять контакт со мной и оставаться чувствительным к тому, что будет происходить с ним дальше. Вдруг чувства Б. начали трансформироваться — он стал говорить о некоторой смеси страха, что я могу оставить или отвергнуть его, и зависти, которую он испытывал ко многим аспектам моей жизни. Раздражение оказалось на этом этапе разговора в фоне. Я поддерживал Б., проговорив, что он имеет

право на свои чувства, в том числе и зависть, и выразил свою благодарность за то, что он может проявлять свои чувства и желания в контакте со мной, несмотря на очевидный страх и риск отвержения. Интересно, что self-динамика нашего контакта на этом не остановилась — Б. сказал, что испытывает значительный стыд в контакте со мной, несмотря на то, что я, очевидно, строю диалог поддерживающим для него образом. Я попросил Б. рассказать о своем стыде лично мне и внимательно наблюдать, что будет происходить с ним и как будет меняться его переживание. Через минуту Б. сказал, что, по всей видимости, его стыд усиливается именно ввиду моей заботливо-поддерживающей позиции, которую он привычно расценивает как унижительную для него, и добавил, что чувствует желание исчезнуть. В этот момент я почувствовал острую боль и жалость к Б. Рассказав о них ему, я добавил, что считаю, что он имеет право на заботу, а также на признание от других людей своей значимости и права на существование. Его тезис, что мужчина не имеет права на жалость и заботу, я встретил удивлением и даже некоторым возмущением. Вдруг в поле стыда, который еще незначительное время назад выглядел токсическим, стали появляться незначительные ростки других чувств: благодарности мне за то, что я остаюсь по-прежнему с ним, хотя, по его привычным расчетам, я должен был отвергнуть его, а также удовольствия от контакта, которого он уже давно в своей жизни не испытывал. Стыд постепенно трансформировался в смущение, перестав оказывать токсическое влияние на контакт, хотя по-прежнему и оставался фигурой. Я попросил Б. и в этой ситуации оставаться в контакте и переживать этот феноменологически новый

эмоциональный коктейль. На этом наша сессия должна была остановиться, и мы попрощались с Б. Несмотря на мою тревогу возможного «отката» в качестве переживания Б., на следующей сессии он не избегал контакта со мной, присутствуя в нем своими чувствами и желаниями довольно открыто. Это свидетельствовало о том, что процесс ассимиляции полученного опыта запущен. Разумеется, терапия и трудности, стоящие перед ней, на этом не закончились. Б. по-прежнему остается в терапии, получая от нее значительно больше удовольствия и терапевтического опыта, чем до описанного эпизода. Контакт открывает нам все больше возможностей, постоянно удивляя нас своим неожиданным многообразием.

Надеюсь, предложенная вашему вниманию виньетка если и не исчерпывающим образом описывает всю диалоговую модель терапии, то, тем не менее, довольно ярко иллюстрирует сущность диалогово-феноменологического подхода к восстановлению процесса переживания, и как следствие, к восстановлению творческой динамики self вообще.

Одним из наиболее важных вопросов, появляющихся при описании диалоговой модели психотерапии, оказывается следующий: стоит ли терапевту озвучивать все феномены, появившиеся в терапевтическом контакте? Одна из наиболее распространенных позиций на этот счет звучит так: терапевту следует отделять, что из переживаемого и осознаваемого им принадлежит ему самому, а что клиенту. При этом рекомендуется удерживаться от привнесения чувств, образов, исходящих из своих проекций и особенностей, оставив их для своей личной терапии, дабы не

искажать терапевтический процесс. Однако такого рода идея все еще исходит из индивидуалистической психотерапевтической перспективы, вступая в противоречие с положением полевой парадигмы, заключающимся в том, что все без исключения появляющиеся в контакте феномены принадлежат полю контактирования. Естественно, что принятие описываемой позиции чревато стыдом и неуверенностью терапевта, а супервизия должна носить характер поиска верного решения в терапии. Полевая диалоговая парадигма предполагает смещение акцента в терапевтической стратегии с сортировки «правильных/неправильных», «полезных/вредных» и т.д. интервенций на процесс осознания феноменов, лежащих в их основе. Это означает примат осознания над рациональным поиском наиболее удачной интервенции. Адекватная настоящей терапевтической ситуации интервенция является производной от процесса переживания. Осознание при этом заменяет рациональный расчет, имеющий своими корнями всю ту же иллюзию о возможности прогноза и построения на его основе адекватной психотерапевтической гипотезы. Как это ни парадоксально, иногда самая иррациональная на первый взгляд интервенция, но прегнантно подкрепленная, оказывается наиболее продвигающей терапевтический процесс.

В связи с этим отмечу, что, на мой взгляд, в процессе профессиональной подготовки терапевта необходимо тренировать не навык построения интервенций, а процесс осознания. Думаю, что терапевтическая тактика может строиться на поддержке любого

феномена, прегнантно появившегося в поле терапии.

Как же относиться с позиций такого подхода к интервенциям, которые оказываются, особенно у начинающих терапевтов, разрушающими терапевтический контакт и/или даже травмирующими для клиентов? Опыт проводимой с разными терапевтами индивидуальной и групповой супервизии показывает, что такого рода деструктивные последствия терапевтических интервенций имеют своим источником как раз не ошибку в рациональном поиске технически адекватной интервенции, а нарушение процесса осознания терапевтом явлений, возникающих в контакте. Поэтому и усилия в супервизии стоит сосредотачивать не на размышлениях о терапевтически целесообразных интервенциях и экспериментах, а на восстановлении чувствительности терапевта к происходящему в контакте. В некотором смысле, супервизия представляет собой с позиции такого подхода попытку возвращения терапевта к себе, а также восстановления его способности присутствия, в котором он оказывается открыт всем возникающим в контакте феноменам. Профессиональная же корректность и экологичность терапевта при этом не девальвируется, просто она совершенствуется по ходу приобретения опыта осознания и переживания контакта. Подытоживая это обсуждение, отмечу, что потенциально любой появившийся в поле терапевтического контакта феномен может лечь в основу эффективной интервенции.

В., женщина, 39 лет. Пришла на прием, поводом к которому послужили сложности в установлении и поддержа-

нии отношений с мужчинами. Она была дважды замужем, оба раза неудачно. Все бывшие ее мужья описывались В. как «эгоистичные, думающие только о себе и отвергающие». Оба в итоге развития семейных отношений ушли к другим женщинам. Разводы В. переживала крайне тяжело, поскольку успевала очень привязаться к мужчинам. В настоящий момент она одна воспитывает троих детей и пытается строить отношения с новым мужчиной, которые также оказываются не очень простыми и схожими со всеми предыдущими. Собственно говоря, именно актуальные осложнения этих отношений и явились той последней каплей, которая подвинула В. к обращению за психотерапией.

В течение некоторого достаточно продолжительного времени В. описывала мне в деталях существующие в ее отношениях сложности. В содержании рассказа было довольно много трагических эпизодов, могущих при иных обстоятельствах вызвать много сочувствия, жалости и, возможно, даже боли. Однако почти в течение всего рассказа В. я пребывал скорее в мыслях и фантазиях о своей собственной жизни, причем размышлял о незначимых событиях. Периодически испытывая смутную вину, я пытался усилием воли вернуть себя в контакт с В., однако мне удавалось это лишь на пару минут, после чего я вновь «эгоистично» погружался в переживания мелочей своей жизни. По всей видимости, выраженность тенденции проигнорировать В. была выше моих сил. Останавливаясь в этом процессе и возвращаясь в контакт с В., я ловил себя на явном безразличии к ее истории. Переживание было для меня непростым и даже временами мучительным. Сообщить же об этом В. мне представлялось жестоким и неэкологичным. Я прокручивал

в голове возможные интервенции, которые могли бы оказаться полезными в такой ситуации. Спустя некоторое время, вернувшись в контакт с В., я поймал себя на осознании эмоциональной смеси из уже существующего в течение какого-то времени безразличия и появившихся новых довольно выраженных жалости и раздражения. Кроме того, я отчетливо ощутил себя не очень-то уместным во всей актуальной ситуации терапии, которая определялась до сих пор ее рассказом. Я все же решил довериться возникшим в процессе сессии феноменам и разместил их в контакте с В. В ответ она расплакалась, почувствовала себя ненужной, брошенной, а ко мне стала испытывать чувства, удивительно напоминающие ей переживания отношений в предыдущих браках. Ситуация, вроде бы напоминающая тупик, выхода из которого в настоящий момент не было. Напряжение сохранялось некоторое время, после чего В. произнесла: «Почему меня так легко проигнорировать?!» Я ответил, что мне тяжело находиться в ситуации, которая содержательно предполагает необходимость во мне, в моей заботе, но в которой, по внутренним ощущениям — и моим, и самой В., — я оказываюсь совершенно не нужен. Подобное высказывание очень удивило В. в смысле рассогласования ее ожиданий от меня как человека, способного принести ей облегчение, и отсутствия каких-либо потребностей и нужд во мне. Я попросил В. не ограничиваться осознанием подобного откровения, а попробовать разместить все составляющие этого тупика в контакте со мной. Другими словами, я предложил ей сказать мне обе фразы: «Я очень нуждаюсь в тебе!» и «Уходи, я справлюсь сама!». Пришло время удивляться мне — мы столкнулись со значительным сопротивлением этому эксперименту. Спустя

некоторое время В. все же произнесла эти фразы, причем на первых же словах ее голос задрожал, и горло спазмировалось в судорогах. Внезапно я почувствовал острую мучительную боль в ответ, о чем и сказал В. Она посмотрела на меня влажными воспаленными глазами и призналась, что для нее одинаково невыносимо и признание нуждаемости в ком-то, и отвержение со стороны других. Я сказал, что сочувствую ей и что полагаю, что у нее есть, по всей видимости, веские основания для этого. В. стала говорить о том, что никому никогда по-настоящему не было до нее никакого дела. Невыносимая боль заполнила наш контакт, хотя, кажется, в этот момент он был способен вынести значительную интенсивность переживания. Я попросил В. рассказать о своей боли лично мне. Этот рассказ значительно отличался от того, который я слышал в первые минуты сессии, — он был насквозь пропитан не просто словами, но переживанием этих слов. При этом я совершенно отчетливо переживал В. каждой клеточкой своего сердца. В. в процессе разговора сообщила, что говорила сейчас так, как будто впервые в своей жизни получила право на свои переживания, на свои нужды, на свои чувства и фантазии. Я предложил В. оставаться в контакте, не стремясь сбежать из него (соблазн бегства из контакта со мной был очень выражен у В.) и быть в этот момент очень внимательной к тому, в чем она сейчас, прямо в этот момент сессии, нуждается. В. сказала, что уже много получила от этого последнего эпизода сессии и уже ни в чем не нуждается. Я же обратил ее внимание на то, не является ли это послание мне возвращением все к той же ситуации, в которой желать чего-либо оказывается невыносимым. В. со слезами на глазах подтвердила, что ей хочется сбежать отсюда. На мое предложение

прислушаться сейчас к себе В. сказала, что испытывает сжигающий ее стыд от осознания себя нуждающейся в контакте с другим человеком. Я поблагодарил В. за мужество, с которым она оставалась в контакте со мной, переживая такое значительное напряжение. При этом добавил, что она имеет право на свои желания. В. сказала, что очень благодарна мне за то, что впервые в жизни получила разрешение на свои желания, и за ощущение, что они важны еще кому-то в этом мире. Токсический стыд трансформировался в эмоциональный коктейль из смущения, благодарности и смутно осознаваемых желаний. В этот момент сессия завершилась. На следующих встречах В. постепенно более или менее успешно продвигалась в осознании своих желаний, обнаруживая нужду в заботе, признании, в свободе предпринимать необдуманные действия и т.д. В фокусе внимания терапии находился процесс формирования у В. способности ясно формулировать свои желания в контакте с другими людьми.

Этот случай демонстрирует необходимость для терапевта доверия возникающим в терапевтическом контакте феноменам. Поскольку любые феномены, появившиеся в терапевтическом контакте, принадлежат ему, постольку особо важным для диалоговой психотерапии оказывается сохранение чувствительности и доверие к спонтанной, непредсказуемой и иногда удивительной динамике поля. Тем не менее стоит отметить, что терапевт является не совершенным с точки зрения рассматриваемой модели терапевтическим аппаратом, а человеком со своей ранимостью, уязвимостью и специфическим для него self-дизайном хронических ситуаций слабой интен-

сивности. В этом случае при отсутствии у терапевта свободы в процессе осознания происходящего в терапевтическом контакте использование им фактов своего сознания может оказаться потенциально и реально травматичным для контакта. Такое положение вещей, как я уже отмечал, не девальвирует ценность процесса осознания для построения терапевтических интервенций, а указывает на необходимость тренировки этого механизма как в рамках собственной терапии, так и в процессе супервизии. Более того, иногда «ошибка», выступающая производной от нарушения или деформации процесса осознания у терапевта, может оказаться продвигающей процесс психотерапии значительно дальше, чем выверенная интервенция, произведенная на основе адекватной ситуации осознания. Кроме того, чтобы не оказаться подверженным некоторому методологическому идеализму или перфекционизму, отмечу, что процесс осознания сам по себе не является чистым процессом, свободным от влияния факторов, его деформирующих. Осознание производно от особенностей self-парадигмы терапевта, а также, следовательно, его личного и профессионального опыта. Тем не менее повторю, что любой феномен, появившийся в контакте терапевта и клиента, не носит случайного характера и, разумеется, может потенциально быть использован в основании терапевтически эффективной интервенции. Кроме того, если терапевт сохраняет чувствительность к текущему контексту поля (сам или при помощи супервизии), то он в состоянии заметить

феномены контакта, выступающие в качестве обратной связи для него относительно произведенной интервенции. Другими словами, если интервенция оказалась чрезмерной, преждевременной, интенсивной и, как следствие, травматичной для клиента, то признание своей ошибки, неловкости, резкости, жесткости и т.д. может оказаться само по себе очень терапевтичным. Простое слово «прости» может значительно повысить качество терапевтического контакта и продвинуть процесс психотерапии.

Г., женщина 47 лет, разведена, на психотерапию ее привели сложности в отношениях с детьми, которые «ведут асоциальный образ жизни». Г. очень нетерпимо относится к своим «отпрыскам», гневно критикуя их по каждому поводу. Справедливости ради стоит отметить, что и к себе Г. относилась очень критично, предъявляя непомерно высокие требования к своей жизни. Неудивительно, что последние годы до обращения за психотерапией Г. страдала множественными заболеваниями, носящими психосоматический характер. Во время описываемой сессии, которая состоялась на начальных этапах терапии, Г. была многословна, предъявляла много жалоб, однако почти не замечала того, что происходило в нашем контакте. По ходу рассказа она была очень критична ко мне, отвергая любые предлагаемые мною эксперименты и предпринимаемые интервенции. Время от времени была довольно язвительна, отпуская ядовитые замечания в мой адрес. Описанная ситуация вызывала во мне гнев, с которым, учитывая большое сочувствие и жалость к Г., обратиться каким бы то ни было образом не представлялось в данный момент возможным. Таким образом, я оказался заложником

остановленного мною же процесса переживания. В очередной ситуации сессии, насыщенной косвенной агрессией Г., я не выдержал и импульсивно, довольно резко сообщил Г. о своем гневе. Интервенция моя была, признаться, не очень корректной по форме и не способствовала поддержанию контакта, а скорее была опасной в смысле провокации его разрушения. Однако Г. повела себя так, как будто ничего не произошло и вспышки моего гнева не было вовсе. Очередная аннигиляция такой моей интенсивной реакции не могла не удивить. Г. и в рассказе о своей жизни, и в актуальном поведении демонстрировала отсутствие у нее способности к прямому и открытому обращению с агрессией. Сессия закончилась в фоне напряжения, контакт по-прежнему практически отсутствовал.

Следующая встреча началась с предъявления типичных для Г. реакций косвенной агрессии. Я напомнил ей о событиях прошлой сессии и предложил поговорить открыто о переживании, сопровождающем наш контакт. Г. стала предъявлять довольно неявно некоторые претензии относительно процесса терапии, ни разу не сославшись на события прошедшей встречи. Когда я попросил ее посмотреть на меня (до сих пор взгляд ее был устремлен в пространство мимо меня) и прислушаться к своим чувствам, живущим в нашем контакте, она остановилась на минуту и после произнесла: «Я очень обижена на тебя и боюсь». Что-то совершенно новое было в ее голосе, выражении лица, что-то очень трогало мое сердце. Ее слова произвели на меня сильное впечатление (впервые за время терапии) — комочек подкатился к горлу, я испытал жалость и нежность к Г. Обратившись к ней, я сказал: «Прости меня, пожалуйста». Ее реакцию трудно было предсказать — ее лицо исказилось в рыданиях,

которые продолжались несколько минут. Все это время, однако, Г. сохраняла контакт со мной. Немного успокоившись, она сказала, что никогда еще в своей жизни она не сталкивалась с ситуацией раскаяния и прощения. Этот опыт был просто незнаком ей. В ее модели мира не было места праву на ошибку, разрешению быть неправым и, следовательно, возможности извинения и прощения. Всю свою жизнь, по словам Г., она пребывала в поле (которое, разумеется, сама и помогала создавать), непримиримом к любой возможности оступиться. Ни ее родители, ни ее мужчины, ни она сама не были способны просить прощения. Естественно, что критичность в такой ситуации выступала одной из самых доступных и, следовательно, популярных форм общения с окружающими людьми. В завершение описываемой сессии Г. сказала, что очень благодарна мне за полученный ею важный опыт. В течение следующей недели Г. удалось открыто поговорить со своим старшим сыном и попросить у него прощения за то, что порой была непримирима к нему, а также за то, что уделяла ему недостаточно внимания. Отношения с детьми стали восстанавливаться. Вместе с тем Г. стала обнаруживать у себя новые, до этого неизвестные ей ресурсы, у нее появилось хобби, о котором она мечтала еще с детства, но боялась осуждения окружающих ввиду возможности оказаться неуспешной в нем. Качество ее контакта с людьми, равно как и удовлетворенность им значительно повысились.

Возвращаясь к анализу описываемых сессий, мои размышления наталкиваются на существование некоторых противоречий и парадоксов. С одной стороны, моя интервенция, основанная не столько на процессе осознания и выбора, сколько

на импульсивном отыгрывании, не вызывает у меня симпатии. Более того, ее существование, строго говоря, не вписывается в рамки методологии диалоговой психотерапии, вступая в противоречие с ее базовыми ценностями. С другой стороны, именно совершение мною такой «терапевтической ошибки» способствовало появлению чрезвычайно важной темы для терапии Г. Разумеется, рассматривая настоящую ситуацию, стоит отметить, что важным фактором терапевтического развития выступала не сама по себе «ошибка», а ее признание мною. Думаю, что, вообще, право на ошибку выступает зачастую важнейшей проблемой психотерапии начиная с XX столетия, когда западная культура стала претерпевать трансформацию, определяемую аксиологическим смещением от любви к успеху. Кроме того, возвращаясь к описываемым феноменам, такого рода некорректную интервенцию нельзя рассматривать в отрыве от существующего контекста терапии. Другими словами, контекст поля и способы организации контакта в нем, в том числе и описанные в этой вишнетке, по всей видимости, не являются случайными, а выступают совместным продуктом self-процессов как клиента, так и терапевта. Поэтому очевидно, что стоит сосредоточить терапевтические усилия не столько на попытке избежать подобных «терапевтических эксцессов» (в противном случае это может значительно обеднить процесс терапии), сколько на процессе их осознания и возвращении продукта этого осознания в виде возникающих феноменов в контакт. Разумеется, что способность

терапевта признавать свои ошибки является при этом важнейшим фактором, регулирующим экологию диалогово-феноменологической психотерапии.

В пояснении нуждается также еще одна особенность рассматриваемой модели. Речь идет о некоторой путанице в понимании прегнантности. Поскольку соотношение фигура/фон является характеристикой поля контакта (Гингер С., Гингер А., 1999; Перлз, Гудмен, 2001; Робин, 2006), то следует, по всей видимости, обсудить, каким именно образом оно формируется. Ведь естественно, что циклы энергетических всплесков терапевта и клиента не обязательно соответствуют друг другу по фазе и содержанию. Однако встреча участников терапевтического процесса в диалоге происходит, как правило, в схожем прегнантном дизайне. Обозначая некоторый факт своего сознания в контакте, терапевт способствует прегнантной дифференциации поля. Причем нередко такая интервенция находится в «зоне ближайшего развития» процесса осознания клиента. Так происходит, например,

когда процесс переживания некоторых важных феноменов (например, боли, страха, гнева) в настоящий момент недоступен для клиента, но уже осознан терапевтом (иногда совершенно ясно, а порой довольно смутно). Когда терапевт сообщает об этих фактах своего сознания клиенту, последний каким-либо образом откликается на этот феномен процессом своего осознания и/или переживания, размещая его также в контакте. Возможно, что клиент никак не отреагирует на интервенцию терапевта, что также может лечь в основание вновь возникшего феномена. В любом случае фигурой в этом сложном процессе оказывается некоторый факт сознания, производный от процесса взаимодействия клиента и терапевта на феноменологическом уровне и размещенный в терапевтическом диалоге. А терапия при этом, выражаясь метафорически, превращается в поисках «хорошей формы» (Зинкер, 2000) в некотором смысле в совместную работу над произведением искусства, где мазок терапевта позволяет клиенту совершить свой мазок и наоборот.

Литература

Гингер С., Гингер А. Гештальттерапия контакта. СПб.: Специальная литература, 1999.

Зинкер Дж. В поисках хорошей формы: гештальттерапия с супружескими парами и семьями. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.

Перлз Ф., Гудмен П. Теория гештальттерапии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001.

Погодин И.А. Психотерапия современности: постмодернистские основания

// Вестник гештальттерапии (специальный авторский выпуск: «Психотерапия в эпоху постмодерна»). Минск, 2007. Вып. 5. С. 28–41.

Погодин И.А. Переживание в этиологии психической травмы // Психическая травма и переживание: гештальт-терапия кризиса / Под ред. И.А. Погодина и др. Минск, 2008. С. 6–16.

Робин Ж.-М. Теория гештальттерапии в развитии. Воронеж, 2006.

РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА «Я – ДРУГОЕ-Я» В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

К.С. ЛИСЕЦКИЙ, С.В. БЕРЕЗИН, Н.А. ЕВЧЕНКО

Лисецкий Константин Сергеевич — декан психологического факультета Самарского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.
Контакты: dekan-ks@mail.ru

Березин Сергей Викторович — заведующий кафедрой факультета психологии Самарского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.
Контакты: chapol@yandex.ru

Евченко Наталья Андреевна — аспирант Самарского государственного университета.
Контакты: psimaster_ru@mail.ru

Резюме

В статье рассматриваются актуальные вопросы развития личности в ходе внутреннего диалога. Основное внимание уделяется исследованию его перцептивной стороны — отражению субъекта в системе «Я – Другое-Я». На основе

экспериментального исследования развивающей функции внутреннего диалога в статье предлагается рекурсивная модель личностного развития субъекта при его обращении к образам Другого-Я.

Ключевые слова: *внутренний диалог, Другое-Я, развитие личности, отраженная субъектность, рекурсия.*

Несмотря на интерес современной психологии к феномену внутреннего диалога, большинство исследований ориентировано на изучение преимущественно вербального компонента коммуникации «внутренних собеседников» (Мацута, 2009; Россохин, 2010; Соколова, Бурлакова, 1997;). В значительной степени сложившаяся ситуация обусловлена хорошей разработанностью исследовательских процедур анализа вербализованных внутренних диалогов (представленных в виде письменных текстов или транскрипций устных высказываний испытуемых). Перцептивная и невербальная стороны внутренней коммуникации часто остаются за пределами экспериментальных исследований, несмотря на то что внутренний диалог, по мнению некоторых исследователей феномена, не сводим только к вербальным формам взаимодействия (Nergans, 2001; Мацута, 2009). В нашем исследовании мы сосредоточили особое внимание именно на перцептивной стороне внутреннего диалога.

Под перцептивной стороной внутреннего диалога (по аналогии с перцептивной стороной общения в целом (Андреева, 2005)) мы понимаем восприятие «внутренними собеседниками» друг друга, взаимную оценку, понимание целей, мотивов, установок друг друга.

Методологической базой нашего исследования является концепция персонализации, разработанная В.А. Петровским. Персонализация представляет собой метаиндивидуальную ипостась существования личности в виде ее «идеальной» представленности в сознании других людей, обуславливающую специфику их эмоциональной, когнитивной и поведенческой активности (Кондратьев, Ильин, 2007). Личность выступает здесь как идеальная представленность индивида, как его персонализация в других людях и в себе самом, как в Другом (Петровский, 1981).

Развитие личности, согласно В.А. Петровскому, есть становление особой формы целостности, включающей в себя различные формы субъектности: субъекта витального отношения к миру, субъекта предметного отношения, субъекта общения и субъекта самосознания. При этом развитие личности невозможно без «значимого другого» и без «значимого себя для другого» (Петровский и др., 1993, с. 4–5). В исследованиях М.В. Полевой показано, что в ситуации, когда человек не имеет возможности отражаться в «значимом другом», получать адекватную обратную связь, формируется негативное состояние отчужденности, повышается значение внутренней коммуникации, обращения к самому себе. Кризис личности еще более усугубляется,

если субъект не может отразиться и в самом себе. Следствием этого является отчуждение уже не от других, а от своего Я (Полевая, 1998).

В.А. Петровский формулирует специфические условия формирования субъекта активности (служащие в том числе предпосылками развития личности):

1) стремление к большей целостности, на основе которого затем развиваются способность к целеполаганию и произвольность;

2) активная неадаптивность (т.е. постановка целей с непредрежденным исходом, например, бескорыстный риск);

3) отражение и идеальная представленность в других людях (продолжение себя в других и в себе как в другом);

4) обнаружение несовпадения своего Я с точки зрения самооценки и своего «отраженного Я», что и выступает источником развития личности (Петровский, 2007).

Опираясь на теоретические положения концепции персонализации, мы разработали эксперимент, в котором проверялась гипотеза о том, что оценочный компонент внутреннего диалога (отражение индивида в себе как в Другом (Другое-Я) и самооценка), при условии конфликтности оценок, выступает детерминантой развития личности. Под Другим-Я мы подразумеваем образ Я субъекта в ситуации, отличной от текущей: Я в ситуации максимальной и Я в ситуации минимальной эффективности субъекта. В исследовании приняли участие 60 человек, поделенные на две группы. Испытуемым предлагались анаграммы, некоторые из которых не имели решения.

Перед каждой серией задач испытуемым предлагалось с разных позиций оценить себя по 10 качествам, характеризующим упорство и целеустремленность личности. В первой группе испытуемые оценивали Я-актуальное с позиций Я-максимально- и Я-минимально-эффективного. Во второй группе, наоборот, оценивали Я-максимально- и Я-минимально-эффективное с позиции Я-актуального. Самооценка (Я-актуальное с позиции Я-актуального) проводилась в обеих группах. Образы Я-максимально- и Я-минимально-эффективного актуализировались из опыта субъектов, для чего испытуемым предлагалось вспомнить себя в конкретных ситуациях личного успеха или неудачи.

В ходе эксперимента фиксировалось время, потраченное испытуемыми на анаграммы, не имеющие решения. Время, потраченное на анаграммы, не имеющие решения, выступило в качестве поведенческого референта оцениваемых качеств (упорства и целеустремленности). Для обработки результатов использовался метод дисперсионного анализа (ANOVA с повторными измерениями).

Эксперимент показал, что позитивная или негативная обратная связь о своих личностных качествах, выраженная индивидом самому себе от Другого-Я, приводит к повышению или снижению проявления данных качеств в поведении (в нашем исследовании — увеличению или уменьшению длительности попыток решить анаграммы, не имеющие решения). Уровень достоверности различий $p < 0.05$.

Фактически, в ходе внутреннего диалога с Другим-Я у субъекта

появляется уникальная возможность одновременно и выступить автором обратной связи о себе, и воспринять эту обратную связь как оценку «извне», сравнить ее с самооценкой и корректировать собственное поведение.

Чтобы подробнее раскрыть механизм развития личности и поведенческих изменений в ходе внутреннего диалога, мы предлагаем следующую схему, использующую понятие «рекурсия» (см. рисунок 1).

Понятие рекурсии широко используется в теории систем для отражения алгоритмов и механизмов функционирования систем. Рекурсивным является такой способ организации системы, при котором она в определенные моменты своего существования и развития может создавать (вызывать) собственные измененные копии, вступать с ними во взаимодействие и интегрировать данные копии в свою структуру. Условия запуска рекурсии и принципы, по которым строятся изменения копий, определяются правилами системы и ее текущим состоянием. Сами копии после своей актуализа-

ции могут развиваться параллельно с исходной системой или исчезать после выполнения своей функции, что также определяется правилами системы (Анисимов, 1988).

Понятие рекурсии и ее механизм помогают нам очертить ряд особенностей развития личности в ходе внутреннего диалога.

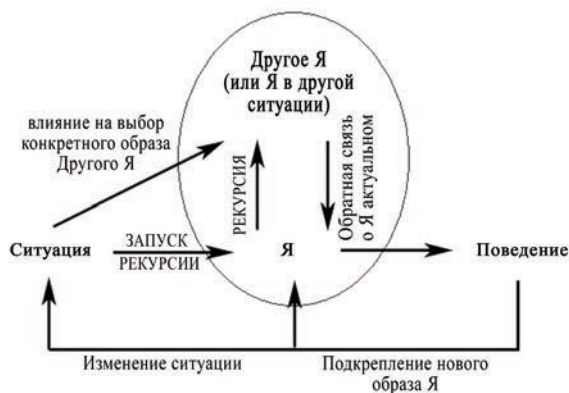
В ходе рекурсивного процесса Я генерирует образ Другого-Я или Я в ситуации, отличной от текущей. При этом Я и Другое-Я различаются в существенных для субъекта характеристиках.

Процесс генерации повторяется до тех пор, пока не актуализирован такой образ Я, который удовлетворяет особенностям наличной ситуации и/или состоянию Я-актуального. Подобная динамическая смена образов Другого-Я согласуется с положением теории диалогического Я Г. Херманса, в соответствии с которым для современного мира характерна высокая скорость смены Я-позиций (Hermans, 2001).

Другое-Я может выступить в качестве автора обратной связи о

Рисунок 1

Механизм развития Я субъекта в процессе рекурсии

Я-актуальном, объекта для идентификации, участника внутреннего диалога.

Ситуации, запускающие рекурсию, — это ситуации неопределенности, выбора, несовпадения ожиданий с полученным результатом. Общим для этих ситуаций является их восприятие субъектом в качестве проблемных, т.е. содержащих противоречие и не имеющих однозначного решения соотношений обстоятельств и условий. Есть основания предполагать, что если у субъекта имеются готовые схемы поведения в конкретной ситуации, то рекурсия Я запускаться не будет.

Маркером окончания рекурсивного процесса (прекращения поиска адекватных ситуации образов Другого-Я) является принятие субъектом решения о том или ином поведении в конкретной ситуации.

Совпадение полученного субъектом результата с изначальными ожиданиями, основанными на обратной связи от Другого-Я, подкрепляет изменение Я-актуального и преобразует ситуацию. Значимым фактором является совпадение или расхождение ожиданий и полученного результата, а не взятая изолированно успешность или неуспешность поведения. Фиксация личностных изменений при достижении желаемого результата согласуется с представлениями В.А. Петровского о готовности к самопроизводству как одной из отличительных характеристик субъектности индивида. В.А. Петровский пишет, что «если я однажды добился чего-то важного для своего существования, то в дальнейшем я буду стремиться воспроизвести достигнутое» (Петровский, 2008, с. 95).

Расхождение полученного результата с ожиданиями субъекта может стать стимулом для преобразования ситуации (объективной трансформации или субъективного изменения представлений субъекта) и условием нового запуска рекурсии.

Рекурсия может осуществляться бесконечно, если не заданы условия выхода из рекурсивного процесса. И тогда система вновь и вновь будет возвращаться к исходной точке. Примером, иллюстрирующим это положение, может быть высказывание «Чтобы понять рекурсию, надо понять рекурсию», бесконечно отсылающее само к себе. В этом случае мы оказываемся ограничены только ресурсами системы — тем количеством возвратов, на которое способна система. Например, в таком рекурсивном стихе, как «У попа была собака...», поп ограничен только размерами доски, на которой он пишет стих, или запасом своих сил, так как в самом тексте вновь не заданы границы рекурсии. Таким образом, важным оказывается не только запуск рекурсии, но и наличие условий ее завершения. В нашей схеме условием выхода из рекурсии является обнаружение такого образа Другого-Я, который удовлетворяет и условиям ситуации, и Я-актуальному.

Однако что произойдет, если соответствующего образа Другого-Я найдено не будет? Здоровой реакцией гибкой системы будет изменение одного из параметров или условий. Так, можно изменить ситуацию или снизить требования к соответствию между ситуацией и образом Другого-Я. Негативной реакцией ригидной или патологической системы будет бесконечная рекурсия, внутренняя

коммуникация, которая не будет реализовываться в поведении. Система при этом не только не развивается, но и затрачивает значительное количество энергии (ресурсов системы). Так, будучи захвачен бесконечным перебором внутренних образов, без возможности получения адекватной обратной связи о Я-актуальном, субъект может быть истощен морально и физически. Если рассматривать психологическую норму, то к реакциям по типу «бесконечной рекурсии» более всего склонны представители психастенического типа акцентуации характера (по типологии А.Е. Личко), для которых характерны нерешительность, склонность к долгим рассуждениям, самоанализу, формированию навязчивых страхов, мыслей и ритуалов (Личко, 2010). Психастеники избегают ситуаций с непредрежденным исходом, полагая, что формализм, заранее запланированные, привычные действия и ритуалы помогут снять тревогу и избежать необходимости принимать решения. Застревая на самоанализе, но не находя внутри себя четкого ориентира (Другого-Я как источника обратной связи), психастеники формируют искаженную самооценку, в том числе приписывают себе качества, противоположные их собственным (Там же).

Невозможность остановить рекурсию и получить обратную связь о Я-актуальном необходимо отличать от возврата к новому циклу рекурсии в ситуации, когда субъект неудовлетворен результатами своего поведения (переход по стрелке «Изменение ситуации» и далее на рисунке 1). В первом случае система стагнирует, во втором — развивается. Какую же

специфическую функцию в связи с этим играет выбор того или иного образа Другого-Я? В результате актуализации Другого-Я Я-актуальное получает возможность оценить себя и свои ресурсы через сравнение с Другим-Я. Я-актуальное обретает критерии оценивания (основанные на ценностях и смыслах Другого-Я) и точку отсчета (достижения Другого-Я в сходной ситуации).

Психологи-консультанты и психотерапевты, принимавшие участие в обсуждении результатов исследования, указывали на фиксируемые ими негативные последствия бесконечной рекурсии. Следовательно, на определенных этапах консультирования психологу необходимо стимулировать переход клиента от внутренней работы к реализации поведения вовне. Общий принцип консультирования заключается в данном случае в том, чтобы, работая непосредственно с образами Другого-Я, наращивать потенциал Я-актуального. При этом отталкиваться можно от любого образа Другого-Я, актуализированного клиентом: с сильным (ресурсным) Другим-Я желательно идентифицироваться; у слабого (менее ресурсного) Другого-Я необходимо запрашивать обратную связь о Я-актуальном.

Основные трудности психологической работы с использованием внутреннего диалога субъекта связаны с интрапсихическим характером протекания внутреннего диалога, его субъективностью и индивидуальностью, сложной формализуемостью, отсутствием четких внешних маркеров течения внутреннего диалога и его искажением в случае вербализации. С другой стороны, нет ни одного

вида психологического консультирования, при котором развивающий и терапевтический эффекты в той или иной мере не были бы опосредованы внутренней, диалогической работой клиента с самим собой. Психолог лишь встраивается в качестве третьего собеседника в течение внутреннего диалога субъекта. А диалог с психологом во многом является продолжением, оречевлением, «проигрыванием вовне» диалога внутреннего.

Анализируя психотерапевтическое взаимодействие, А.В. Россохин и В.Л. Измагурова приходят к выводу о том, что любая внешняя речь клиента в ходе терапии двунаправлена. Клиент обращается одновременно и к самому себе и к терапевту (Россохин,

Измагурова, 2004). На всем протяжении психологической сессии присутствуют внешняя и внутренняя диалогические активности, и только на определенных этапах работы одна может преобладать над другой. Так, при активизации защитных механизмов и сопротивления будет преобладать внешняя ориентация речи, а при отсутствии барьеров для осознания рефлексивные диалоги будут направлены в первую очередь на себя.

Результаты эксперимента обосновывают практико-ориентированную задачу поиска и построения средств активизации диалога в системе «Я – Другое-Я», при котором Я индивида могло бы обращаться к более ресурсному своему состоянию.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2005.

Анисимов А.В. Информатика. Творчество. Рекурсия. Киев: Наукова думка, 1988.

Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕРСЭ, 2007.

Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2010.

Мацута В.В. Гендерные особенности внутренней коммуникации личности // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 161–164.

Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 40–46.

Петровский В.А. Индивидуальность и саморегуляция: опыт мультисубъектной теории // Мир психологии. 2007. № 1. С. 13–31.

Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008. Т. 5. № 1. С. 77–100.

Петровский В.А., Калинин В.К., Котова И.Б. Личностно-развивающее взаимодействие. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 1993.

Полевая М.В. Отчуждение как характеристика детско-родительских взаимоотношений: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010.

Россохин А.В., Измагурова В.Л. Личность в измененных состояниях сознания. М.: Смысл, 2004.

Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С. К обоснованию метода диалогического анализа случая // Вопросы психологии. 1997. № 2. С. 61–76.

Hermans H. The dialogical self: toward a theory of personal and cultural positioning // Culture Psychology. 2001. 7. 3. 243–281.

Интердисциплинарные исследования

СООТНОШЕНИЕ 2D:4D И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Д.Р. ВАЛЕЕВА, М.М. ЮДКЕВИЧ

Валеева Диляра Рашитовна — стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории институционального анализа экономических реформ Института институционального анализа НИУ ВШЭ. Сфера научных интересов: социология науки, социология образования.

Контакты: dvaleeva@hse.ru

Юдкевич Мария Марковна — Директор Института институциональных исследований НИУ ВШЭ, доцент кафедры институциональной экономики, кандидат экономических наук. Сфера научных интересов: экономика образования, институциональная экономика.

Контакты: yudkevich@hse.ru

Резюме

В работе представлен обзор работ, фиксирующих результаты экономических экспериментов, анализирующих взаимосвязь между поведением агентов в стандартных экономических экспериментах (таких как диктаторские игры,

Работа выполнена в рамках проекта «Эмпирические методы в сравнительном институциональном анализе» Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

игры «Ультиматум», «Дилемма заключенного» и др.) и соотношением длины указательного и безымянного пальцев на руке (2D:4D). Показывается, что в целом ряде экспериментов соотношение 2D:4D, характеризующее уровень пренатального тестостерона участников, может оказывать значимое влияние на поведение участников и результаты экспериментальных игр.

Ключевые слова: 2D:4D соотношение, пренатальный тестостерон, экономические эксперименты.

Связь 2D:4D соотношения с пренатальными стероидными гормонами, количеством сперматозоидов, плодовитостью, болезнями, поведением и спортивными достижениями является темой недавних исследований. Надеюсь, что подобные работы станут новым шагом вперед в достойных исследовательских программах XXI века.

Джон Мэннинг

Введение

Есть целый ряд объяснений тому факту, что реальное поведение людей в экономических экспериментах сильно отличается от предсказываемого экономической теорией. Одно из них связано с тем, что неоклассическая теория поведения экономических агентов как рациональных оптимизаторов собственного благосостояния не принимает во внимание целый ряд факторов, которые могут влиять и влияют на реальный выбор. К ним относятся восприятие справедливости (Bosman, Winden, 1999, 2002; Pillutla, Murnighan, 1996), эмоции (Калмыкова, Юдкевич, 2006), степень альтруизма (Dawes, Thaler, 1988) и целый ряд других. Все эти столь разнообразные факторы объединяет то, что они, по крайней мере, в значительной степени, являются социально обусловленными, зависящими от норм и культуры группы, к которой принадлежат агенты (Henrich et al., 2001; Roth et al., 1991; Oosterbeek, 2004).

Вместе с тем недавние исследования, выполненные экономистами под сильным влиянием психологов и биологов, показывают, что на результаты экономических экспериментов значимое влияние могут оказывать психофизиологические характеристики людей, отражающие генетические, физиологические, а не социальные особенности индивидов. В данном обзоре представлены работы, авторы которых изучают взаимосвязь поведения в стандартных экспериментах (таких как «Диктатор», «Ультиматум», «Дилемма заключенного» и др.) и соотношения указательного пальца к безымянному (так называемое 2D:4D соотношение). Это соотношение характеризует уровень пренатального тестостерона (мужского гормона) индивида. Предполагается, что более низкое соотношение (меньше единицы) говорит о высоком уровне пренатального тестостерона, высокое (более единицы) — о низком его уровне (детальное обсуждение соответствующих исследований и ре-

зультатов см.: Manning, 2002). Соотношение 2D:4D обладает ярко выраженным половым диморфизмом: как правило, отношение указательного пальца к безымянному у мужчин ниже, чем у женщин. Исследователи, изучающие связь соотношения 2D:4D и поведения в экспериментальных играх, предполагают, что участники с низким соотношением (высоким уровнем пренатального тестостерона) склонны вести себя более конкурентно, менее кооперативно и более рискованно в процессе принятия решений. Далее мы рассмотрим основные данные о связи соотношения 2D:4D и поведения в основных экономических экспериментах.

Игра «Диктатор»

В игре «Диктатор» участвуют два игрока, А и В. Игрок А получает определенную сумму X и должен предложить, каким образом данная сумма должна быть поделена между участниками. Данная сумма делится между участниками в соответствии с предложением игрока А. Выигрыши участников в игре имеют вид $(Y; X - Y)$, где Y — сумма, которую игрок А решил оставить себе. Равновесным, предсказываемым экономической теорией в данной игре является распределение $(X; 0)$: игрок А оставляет все деньги себе¹. Тем не менее в экспериментальных играх в лаборатории игрок А зачастую предлагает такой дележ, в котором игроку В достается ненулевая, а в ряде случаев зна-

чительная сумма (Forsythe et al., 1994).

К. Миллет и С. Девитт (Millet, Dewitte, 2009) анализируют процесс принятия решений у мужчин в игре «Диктатор» в зависимости от агрессивных стимулов, которые предположительно могут оказывать влияние на ее результаты.

В первом исследовании участники были разделены на две группы — экспериментальную и контрольную: экспериментальная группа помещалась в ситуацию, насыщенную референциями к агрессии, в то время как в контрольной ситуации намеки на агрессию отсутствовали. Участникам было предложено посмотреть короткие видеоролики, насыщенные и не насыщенные сценами физического насилия (и в том и другом случае это были фрагменты музыкальных клипов на песни группы «Рамштайн»). После просмотра участники оценивали степень насилия на видео.

Во втором исследовании участникам был предложен тест, задания по которому заключались в составлении грамматически верного предложения из определенного набора слов. Каждый набор состоял из пяти слов, и участники должны были составить предложение, состоящее из 4 слов. Половина наборов слов, предлагавшихся участникам контрольной группы, содержала слово, отсылающее к агрессии. При этом слова подбирались таким образом, чтобы участники были вынуждены включить слово, связанное с агрессией (если оно

¹ Под равновесием, по Нэшу, понимается набор стратегий, при котором ни у одного из участников взаимодействия нет стимула отклониться от соответствующей стратегии при условии, что остальные участники придерживаются своих стратегий.

присутствовало в наборе), в конструируемое ими предложение. В контрольной группе слова, несущие в себе агрессивные коннотации, были заменены нейтральным по смыслу словом.

После данных манипуляций была проведена игра «Диктатор». Все участники играли в роли «диктатора» и должны были предложить дележ 10 долларов между собой и случайно отобранном незнакомцем, также участвующим в исследовании. К. Милле и С. Девитт обнаружили, что в нейтральном состоянии участники с низким соотношением 2D:4D (высокий уровень пренатального тестостерона) демонстрировали более просоциальное поведение, чем участники с высоким соотношением. Данная зависимость оказалась обратной у участников, попавших в экспериментальную группу. Эти результаты наводят авторов на вывод о том, что при изучении психофизиологических характеристик необходимо обращать внимание на контекст, в котором проводится эксперимент (в данной работе продемонстрировано влияние агрессивных референтов на процесс принятия решений), а также на личностные характеристики участников. Данные факторы могут уменьшить или увеличить связь между 2D:4D и изучаемым поведением.

Игра «Ультиматум»

В игре «Ультиматум», как и в игре «Диктатор», участвуют два игрока — А и В. Игрок А предлагает то, каким образом заданная сумма денег X должна быть разделена между ним и игроком В. Основное отличие данной игры от игры «Диктатор» заклю-

чается в том, что игрок В теперь играет активную роль: он может принять или не принять предложение. В том случае, если он принимает предложение, оба участника получают выигрыши в соответствии с распределением суммы, предложенным игроком А. Если же принимающий отвергает предложение, ни один из игроков не получает денег, и они остаются с нулевыми выигрышами. Экономическая теория предсказывает единственное равновесие в данной игре. В этом равновесии игрок А предлагает минимально возможную сумму игроку В, и тот ее принимает. Вместе с тем экспериментальные данные показывают, что среднее предложение, которое делает игрок А, подразумевает передачу 30–40% от общей суммы игроку В, что наиболее часто встречающийся дележ — это дележ поровну и что предложения, оставляющие игроку В долю, меньшую 20%, игроком В часто отвергаются. Отвергая предложения, подразумевающие получение ими слишком небольшой доли, игрок В тем самым наказывает (причем в ущерб себе) игрока А (см., например: Camerer, Thaler, 1995; Rotemberg, 2007).

Б. Ван ден Берг и С. Девитт (Van den Bergh, Dewitte, 2006) описывают результаты трех исследований, анализирующих влияние сексуальных контекстов на процесс принятия решений у мужчин в игре «Ультиматум». В каждом из исследований участники были разделены на экспериментальную и контрольную группы. В первом исследовании участникам показывали фотографии природных ландшафтов (контрольная группа) или фотографии привлекательных женщин (эксперименталь-

ная группа). Во втором исследовании одна группа участников должна была оценить по различным характеристикам (качество, фасон, цвет) футболки (контрольная группа), вторая — женское нижнее белье (экспериментальная группа). В третьем исследовании участникам показывали фотографии женщин в возрасте и молодых женщин (контрольная и экспериментальная группы соответственно). В каждом исследовании после просмотра фотографий участники играли в игру «Ультиматум», где предлагающий должен был разделить 10 евро. Результаты всех трех исследований можно суммировать следующим образом. Респонденты с низким 2D:4D соотношением (высокий уровень пренатального тестостерона) в сексуальном контексте (т.е. в случае попадания в экспериментальную группу) были более склонны принимать несправедливые предложения (подразумевающие получение ими лишь небольшой доли от общей суммы), и для них минимально допустимая доля суммы, которую они готовы были бы принять, оказывалась меньше.

К. Милле и С. Девитт (Millet, Dewitte, 2008) изучают связь между 2D:4D соотношением у мужчин и степенью дисконтирования будущих выигрышей. Было проведено два исследования, в которых участники помещались в различные статусные позиции. В первом исследовании участники играли в компьютерную версию игры «Судоку», по завершении которой им было сказано, что их достижения сравнивались с достижениями участников прошлого исследования. Статусные позиции участников определялись следую-

щим образом: в доминантной статусной позиции игроку говорилось, что его результаты оказались выше, чем у 90.7% участников предыдущего эксперимента, в подчиненной позиции, напротив, игроку сообщалось, что лишь у 11.7% участников результаты оказались хуже, чем у него. Затем у испытуемых определялась ставка дисконтирования: они должны были указать сумму денег, которая им потребуется в течение 1 недели, 1 месяца, 3 месяцев, 6 месяцев и 1 года для того, чтобы обеспечить им ситуацию, когда им безразлично получение суммы в 15 евро сейчас и некоторой суммы с указанным запозданием. Во втором исследовании для определения статусных позиций участникам было предложено задание, в котором они должны были решить максимальное количество задач за короткий промежуток времени. По окончании игры участникам сообщалось, что их достижения оказались выше или ниже их потенциальных противников. Те игроки, которым было сказано, что они преуспели, выступали в роли предлагающего в игре «Ультиматум» и должны были поделить 2 евро между собой и своим партнером. Затем по аналогичной первому исследованию процедуре определялась ставка дисконтирования участников эксперимента. На основании двух исследований авторы пришли к выводу, что подчиненная статусная позиция повышает ставку дисконтирования, поскольку в данной позиции текущая полезность денег выше, в особенности данный эффект ярко выражен у мужчин с низким 2D:4D (высокий уровень пренатального тестостерона). Вместе с тем в работе не было

обнаружено связи между ставкой дисконтирования и соотношением 2D:4D игроков, находящихся в доминантной статусной позиции.

Т. Барнэм (Burnham, 2007) рассматривает влияние текущего уровня тестостерона у мужчин во время принятия решений в игре «Ультиматум». Участникам предлагалось поделить \$40, причем игрок А мог выбрать один из двух вариантов: предложить игроку В \$25 из \$40 или же \$5 из \$40. Мужчины с высоким уровнем тестостерона не соглашались на низкие предложения (\$5 из \$40), в то время как участники с низким уровнем данного гормона были более склонны принимать их. Данные результаты свидетельствуют о том, что высокий уровень текущего тестостерона может быть связан со стремлением к доминированию и желанием наказания несправедливого партнера.

Игра «Дилемма заключенного»

С. Санчес-Паж и Э. Туриегано (Sanchez-Pages, Turiegano) демонстрируют, что уровень пренатального тестостерона может оказывать влияние на поведение участников в дилемме заключенных.

В игру «Дилемма заключенного» играют два участника. Они арестованы полицией по подозрению в совершении преступления. Подозреваемые отделены друг от друга (посажены в одиночные камеры) для того, чтобы полиция могла допрашивать их поодиночке. Каждый участник решает, будет ли он молчать или признается в преступлении, и различные комбинации их действий могут привести к различным периодам заключения. Каждый игрок заботится о

собственных интересах, однако наиболее выигрышной стратегией для группы будет стратегия, которая противоречит личным стратегиям игроков.

С. Санчес-Паж и Э. Туриегано изучали кооперативное поведение в игре «Дилемма заключенного» на выборке мужчин и женщин. Игроки взаимодействовали однократно, у участника спрашивали, какую стратегию он выберет и какую стратегию, по его мнению, выберет его партнер. Если оба игрока выбирали стратегию признания, оба они получали по 90 баллов, если оба выбирали стратегию молчания — по 30 баллов. Если игроки выбирали разные стратегии, то тот, кто выбирал кооперативную линию поведения, получал 10 баллов, тот, кто отказывался от кооперации, — 160 баллов. Равновесием в доминантных стратегиях в данной игре является отказ от кооперации со стороны обоих участников. Вместе с тем в лабораторных экспериментах (исследование С. Санчес-Паж и Э. Туриегано — не исключение), равно как и в реальных жизненных ситуациях, экономические агенты в целом ряде случаев ведут себя более кооперативно, нежели предсказывает теория (см.: Dawes, 1980; Dawes, Thaler, 1988). При этом результаты исследования показывают, что участники как с низким 2D:4D (высокий уровень пренатального тестостерона), так и с высоким (низкий уровень пренатального тестостерона) менее склонны вести себя альтруистически и реже кооперируются в игре, в то время как участники со средними соотношениями 2D:4D более склонны к кооперативному поведению.

Игра «Общественное благо»

В игре «Общественное благо» каждый из участников изначально наделяется определенной суммой денег. Каждый из них должен частным образом решить, какую долю этих личных денег он может инвестировать в общественное благо. Вложенные в общественное благо деньги увеличиваются в несколько раз и делятся поровну. Группа получит максимальную выгоду, если каждый участник инвестирует всю свою начальную сумму денег. Однако игроки могут уклоняться от вложения своих денег в общественные предприятия. Поэтому в подобной игре в равновесии, предсказанном теорией, каждый участник вносит нулевой вклад. В реальных экспериментах исход, как правило, иной: игроки вкладывают определенную долю личных денег в общественное благо (Ledyard, 1995).

К. Милле и С. Девитт (Millet, Dewitte, 2004) предлагали испытуемым принять участие в игре «Общественное благо», предполагая, что люди с низким 2D:4D (высокий уровень пренатального тестостерона) более склонны вести себя эгоистически и реже склонны к кооперации в игре. В начале каждого раунда участники получали фонд в 40 баллов (один балл равнялся 3.39 евроцентам) и должны были решить, какую долю они готовы пожертвовать для общего блага, а какую — оставить себе. Когда общий вклад достигал 100 баллов, общественное благо (в размере 160 баллов) поровну делилось между всеми участниками. Гипотеза исследователей не подтвердилась. Напротив, они обнаружили, что участники с низким 2D:4D соотноше-

нием (высокий уровень пренатального тестостерона) были более склонны вести себя кооперативно и менее склонны вести себя эгоистически. Исследователи объясняют это тем, что обладатели низкого соотношения 2D:4D стремятся к достижению статусных позиций, которые, в свою очередь, связаны со стремлением соответствовать нормам и правилам (в данном случае поступать справедливо является нормой).

Игры на риск

В исследовании Р. Ронэя и В. Фон Хиппела (Ronaу, Von Hippel, 2010) мужчинам предлагалось принять участие в двух экспериментах на рискованное поведение под влиянием сильного и слабого властного статуса. Статусы приписывались участникам случайным образом. В первом эксперименте участникам, которым был приписан высокий властный статус, предлагалось вспомнить и воспроизвести детали ситуации, в которой они обладали властью над тем или иным человеком (могли контролировать его действия или обладали правом на их оценку). Напротив, участникам, которым был приписан низкий властный статус, предлагалось вспомнить ситуацию подчинения чьей-либо воле и свои эмоции в этом подчиненном состоянии.

Затем участники играли в компьютерную игру на определение их склонности к риску. На компьютерном мониторе участники видели баллон и насос, а также индикаторы постоянного и временного счета. Игроки использовали насос для пополнения баллона (каждое использование насоса приносило 1 цент во временный

счет), однако при этом возникал риск того, что в определенный момент баллон переполнится (лопнет) и весь временный счет будет потерян. Для предотвращения этого участники могли переносить деньги с временного счета в постоянный, однако в таком случае они были вынуждены начинать игру с новым баллоном. Количество баллонов, находящихся в распоряжении каждого из участников, было строго ограничено.

Участники второго эксперимента также были вначале поставлены в условия влияния сильного либо слабого властного статуса. Затем они играли в игру на определение их склонности к риску при помощи электронного устройства, дающего небольшой заряд тока. Участники получают дополнительное количество денег с каждой дополнительной секундой терпения этих зарядов. В то же время в игре также присутствовал риск потерять все заработанные деньги.

В обоих экспериментах исследователи обнаружили, что участники с низким соотношением 2D:4D (высокий уровень пренатального тестостерона) ведут себя более рискованно в условиях слабого властного статуса, в то время как испытуемые с высоким соотношением 2D:4D более рискованны в условиях сильного властного статуса. Авторы объясняют данные результаты тем, что высокий уровень тестостерона обычно связан со стремлениями к доминированию, соперничеству и обладанию высоким статусом, которые уменьшают эффект влияния властных отношений в момент принятия риска. В то же время участники с низким уровнем пренатального тестостерона, которые находятся в ситуации влияния силь-

ной власти, вероятно, более склонны принимать последующие риски и не способны долго оставаться под влиянием силы.

П. Сапиенза с соавт. (Sapienza et al., 2009), исследовавшие связь между готовностью к принятию финансовых рисков (на выборке из студентов бизнес-программы), также предлагали испытуемым принять участие в компьютерной игре. У каждого участника было 15 возможностей сделать выбор между некоторой гарантированной суммой (от 50 долларов при первом выборе до 120 долларов при пятнадцатом) и лотереей, по результатам которой он мог получить 200 долларов или не получить ничего с равной вероятностью. По завершении процедуры случайным образом брался один из выборов и участник получал вознаграждение в соответствии с ним.

Участники с крайне негативным отношением к риску во всех случаях выбирали первый вариант, крайне склонные — второй. Для тех участников, которые обладали средними значениями неприятия риска, с помощью этой процедуры можно было определить сумму, при которой участник будет безразличен к участию в лотерее и получению гарантированной суммы.

Исследователи выяснили, что участники с низким соотношением 2D:4D (высоким уровнем пренатального тестостерона) были более склонны к принятию рискованных решений. При этом они показали, что, хотя мужчины и женщины в среднем различаются по характеристике неприятия риска, при контроле на уровень тестостерона эти различия исчезают.

К. Апицелла с соавт. (Apicella et al., 2008) изучали склонность к риску на примере инвестиционной игры. Каждый участник изначально наделялся суммой в 250 долларов, и он должен был выбрать сумму (X), которую он мог бы вложить в рискованное предприятие. Оставшаяся сумма ($250 - X$) оставалась у игрока. Сумма вклада служила показателем склонности к риску. Реализация рискованного предприятия определялась случайным образом. В случае неудачи инвестированные деньги терялись, в случае удачного свершения инвестированная сумма увеличивалась в 2.5 раза. Соотношение 2D:4D (характеризующее пренатальный тестостерон) значимо не коррелировало со склонностью к риску в данной игре, однако авторы анализировали также текущий уровень тестостерона и обнаружили значимую положительную корреляцию между его уровнем и склонностью к принятию рискованных решений.

Другие игры

М. Пирсон и Б. Шиппер (Pearson, Schipper, 2009) изучают конкурентное поведение в аукционных играх, моделируя эксперименты с закрытыми аукционами первой цены с двумя участниками².

В начале каждого раунда игроки приватно получают информацию о

своей оценке предмета торга. Один из участников аукциона, предложивший наивысшую цену, получает объект торга, в то время как другой получает нулевой выигрыш. Если оба участника назначают одинаковую цену, каждый игрок получает объект торга с одинаковой вероятностью. Хотя исследователи не обнаружили статистически значимой зависимости между 2D:4D соотношением и принятием решений в аукционе, а также с полученными в них выигрышами, это всего лишь первая работа, анализирующая связь пренатального тестостерона участников и их поведения в аукционных играх, и есть все основания предполагать, что эти исследования будут продолжены.

В работе М. Макинтайра с соавт. (McIntyre et al., 2007) сделана попытка моделирования политической агрессии в симуляционной игре. Участники игры были случайным образом поделены на пары. Согласно инструкции, каждый из них должен был играть роль лидера страны, находящейся в конфликте с соседней страной, которая недавно открыла алмазные рудники на спорной территории. Для того чтобы выиграть, участники должны были выбрать одну из возможных стратегий: вести переговоры или начать войну. В каждом раунде участники должны были выполнять различные задания, получая

² Под закрытыми аукционами понимаются такие аукционы, в которых ставки участников сообщаются аукционисту, но остаются неизвестными другим участникам аукциона (и они, соответственно, не могут использовать эту информацию при выборе своих ставок). В случае аукционов первой цены предмет торга уходит к участнику, сделавшему максимальную ставку, по цене, равной этой ставке (в отличие от аукционов второй цены, в которых предмет торга также уходит к участнику, сделавшему максимальную ставку, однако по цене, соответствующей второй по величине ставке).

в распоряжение 10 млн условных долларов, которые они могли вкладывать в различные предприятия: сохранить их в бюджете, купить батальоны армий или инвестировать в индустриальные объединения. Исследователи фиксировали, совершал ли игрок неспровоцированные атаки в ходе игры. Было обнаружено, что участники с низким 2D:4D соотношением (высокий уровень пренатального тестостерона) были более склонны к неспровоцированным атакам в ходе игры и проявляли большую агрессию.

Б. Кастлунгер с соавт. (Kastlunger et al., 2010) используют эксперименты по принятию решений для изучения поведения экономических агентов как налогоплательщиков. Было проведено 60 экспериментальных раундов, в каждом из которых участникам выдавалась определенная сумма денег, отображающая их доход, и они должны были заплатить налоги в соответствии с указанной суммой. С некоторой вероятностью решение игрока проверялось, и в случае уклонения от уплаты налогов в полном объеме с него брался штраф. Исследователи зафиксировали значимую разницу в налоговом поведении у мужчин и женщин, однако не обнаружили значимой связи этого поведения с соотношением 2D:4D.

Выводы

Роль биологических характеристик как фактора принятия экономических решений в последнее время становится объектом растущего интереса экономистов и социологов. Многие характеристики людей сложно однозначно отнести к биологическим

либо социальным, поскольку такая неоднозначность затрудняет анализ, ставя под сомнение причинно-следственные связи в найденных исследователями закономерностях. К характеристике, на формирование которой однозначно не влияют культурные особенности общества, в котором формируется личность, относится уровень пренатального тестостерона.

Влияние на поведение уровня пренатального тестостерона может не проявляться в чистом виде, а опосредоваться и ситуативными факторами социального контекста, и относительно устойчивыми факторами социальной среды, в которой происходит формирование личности. В данном обзоре представлены работы, исследующие влияние этой характеристики (измеряемой через соотношение длин второго и четвертого пальцев на руке, так называемое соотношение 2D:4D) на поведение агентов в экспериментальных играх.

На основании данного обзора можно сделать вывод о том, что роль данного фактора в принятии экономических решений не определена. Исследователи, работающие в данной области, часто предполагают, что игроки с высоким уровнем пренатального тестостерона более склонны вести себя не кооперативно, рискованно и агрессивно. Однако результаты разнятся, и однозначные результаты о роли данного гормона в последующей экономической активности пока отсутствуют. Мы можем лишь предполагать, что данные характеристики могут вносить определенный вклад в процесс принятия решений (и целый ряд выводов, содержащихся в обсуждавшихся нами исследованиях, предоставляют соот-

ветствующие свидетельства), однако на данный процесс оказывают влияние также множество других факторов, которые участвуют в создании контекста игры.

Хотя экономистов и социологов в наибольшей степени интересует роль социальных факторов в принятии решений, факторы биологические,

экзогенные по отношению к культуре и нормам общества, также представляют большой интерес. Выявление их вклада в поведение экономических агентов (как в лабораторных экспериментах, так и в реальной жизни) позволит в будущем точнее оценить роль культуры в принятии экономических решений.

Литература

Калмыкова И.Ю., Юдкевич М.М. Экономика и эмоции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 3. С. 61–87.

Apicella C.L., Dreber A., Campbell B., Gray P.B., Hoffman M., Little A.C. Testosterone and financial risk preferences // *Evolution and Human Behavior*. 2008. 29. 384–390.

Bosman R., van Winden F. The behavioral impact of emotions in a power to take game: An experimental study. CREED Working Paper. University of Amsterdam, 1999.

Bosman R., van Winden F. Emotional hazard in a power-to-take experiment // *The Economic Journal*. 2002. 112. 147–69.

Burnham T.C. High-testosterone men reject low ultimatum game offers // *Proceedings of the Royal Society*. 2007. 274. 2327–2330.

Camerer C., Thaler R.H. Anomalies: ultimatums, dictators and manners // *Journal of Economic Perspectives*. 1995. 9. 2. 209–219.

Dawes R.M. Social dilemmas // *Ann. Rev. Psych.* 1980. 31. 169–193.

Dawes R.M., Thaler R.H. Anomalies: Cooperation // *Journal of Economic Perspectives*. 1988. 2. 3. 187–197.

Forsythe R., Horowitz J., Savin N., Sefton M. Replicability, fairness and pay in experiments with simple bargaining games // *Games Econ. Behav.* 1994. 6. 347–369.

Henrich J., Boyd R., Bowles S., Camerer C., Fehr E., Gintis H., McElreath R. In search of Homo Economicus: Behavioral experiments in 15 small-scale societies // *Economics and Social Behavior*. 2001. 91. 2. 73–87.

Kastlunger B., Dressler S.G., Kirchner E., Mittone L., Voracek M. Sex differences in tax compliance: Differentiating between demographic sex, gender-role orientation, and prenatal masculinization (2D:4D) // *Journal of Economic Psychology*. 2010. 31. 542–552.

Ledyard J.O. Public goods: A survey of experimental research // *The handbook of experimental economics* / A.E. Roth, J.H. Kagel (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1995. 111–194.

Manning J.T. Digit ratio: a pointer to fertility, behavior, and health. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2002.

McIntyre M.H., Barrett E.S., McDermott R., Johnson D.D.P., Cowden J., Rosen S.P. Finger length ratio (2D:4D) and sex differences in aggression during a simulated war game // *Personality and Individual Differences*. 2007. 42. 755–764.

Millet K., Dewitte S. Second to fourth digit ratio and cooperative behavior. Research report. University of Leuven, Department of Applied Economics, 2004.

Millet K., Dewitte S. A subordinate status position increases the present value of financial resources for low 2D:4D men // *American Journal of Human Biology.* 2008. 20. 110–115.

Millet K., Dewitte S. The presence of aggression cues inverts the relation between digit ratio (2D:4D) and prosocial behavior in a dictator game // *British Journal of Psychology.* 2009. 100. 151–162.

Oosterbeek H., Sloof R., Van de Kuilen G. Cultural differences in ultimatum game experiments: Evidence from a meta-analysis // *Experimental Economics.* 2004. 7. 171–188.

Pearson M., Schipper B.C. The visible hand: finger ratio (2D:4D) and competitive behavior. 2009. URL: <http://www.econ.ucdavis.edu/faculty/schipper/digitratio.pdf>

Pillutla M., Murnighan J.K. Unfairness, anger, and spite: emotional rejections of ultimatum offers // *Organizational Behavior and Human Decision Processes.* 1996. 68. 3. 208–224.

Ronay R., Von Hippel W. Power, testosterone, and risk-taking // *Journal of Beha-*

vioral Decision Making. 2010. 23. 5. 473–482.

Rotemberg J.J. Minimally acceptable altruism and the ultimatum game // *Journal of Economic Behavior and Organization.* 2007. 66. 3–4. 457–476.

Roth A.E., Prasnikar V., Okuno-Fujiwara M., Zamir S. Bargaining and market behavior in Jerusalem, Ljubljana, Pittsburgh, and Tokyo: an experimental study // *American Economic Review.* 1991. 81. 1068–1095.

Sanchez-Pages S., Turiegano E. Testosterone, facial symmetry and cooperation in the prisoners' dilemma. URL: <http://www.econ.ed.ac.uk/papers/Sanchez-Pages&Turiegano%20rev2.pdf>

Sapienza P., Zingales L., Maestripieri D. Gender differences in financial risk aversion and career choices are affected by testosterone // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA.* 2009. 106. 36. 15268–15273.

Van den Bergh B., Dewitte S. Digit ratio (2D:4D) moderates the impact of sexual cues on men's decisions in ultimatum games // *Proc. Biol. Sci.* 2006. 22. 273 (1597). 2091–2095.

Короткие сообщения

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВЕДУЩЕГО СПОСОБА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

И. А. ГЕРОНИМУС

Резюме

В статье описаны результаты эмпирического исследования взаимосвязи представлений студентов старших курсов о различных составляющих профессиональной деятельности и ведущего способа профессионального самоопределения. Анализируется функционирование личностных барьеров, препятствующих осознанию субъектами профессионального самоопределения существующих у них возможностей.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, представление о возможном, личностный потенциал, временная перспектива.

В настоящее время в психологической литературе появляется множество работ, посвященных проблеме профессионального самоопределения личности. Интерес исследователей к проблеме профессионального самоопределения обусловлен, с одной стороны, недостаточной разработкой психологического содержания этого понятия в научной литературе, а с другой — необходимостью создания новых методик и

технологий карьерного консультирования.

В данной статье представлено исследование способов профессионального самоопределения студентов старших курсов московских вузов. Предметом исследования явилась взаимосвязь между выбором стратегии профессионального движения после окончания вуза и представлениями студентов о различных компонентах профессиональной деятельности.

Психологическое содержание процесса профессионального самоопределения

В психологии самоопределение личности рассматривается как выявление и утверждение собственной позиции в проблемной, противоречивой ситуации (Психология. Словарь, 1990). Как показывают исследования К.А. Абульхановой, личность является не только субъектом разрешения противоречий, но и субъектом их осознания и выявления (см.: Абульханова-Славская, 1999). Таким образом, процесс самоопределения включает две составляющие: выявление противоречий в актуальной ситуации и определение собственной позиции по отношению к ним.

Другим важнейшим компонентом процесса профессионального самоопределения является построение перспективы профессионального будущего. С нашей точки зрения, задача планирования профессионального движения, определение ближайших целей в профессиональной сфере особенно актуальны для выпускников вузов, готовящихся начать трудовую деятельность.

Исследование процесса целеполагания и построения перспективы будущего невозможно без рассмотрения еще одной предметной области, которую можно обозначить как индивидуальное пространство возможностей индивида (см.: Иванченко, 2005, 2008). Как отмечает Г.В. Иванченко, еще до постановки целей человек обладает определенными представлениями о границах своих возможностей, опираясь на которые он выбирает только те цели,

которые субъективно воспринимаются им как достижимые.

Для психологии способы определения человеком границ собственных возможностей — актуальная научная проблема. Одно из понятий, которое используется для описания сферы существующих у личности возможностей, — понятие личностного потенциала (см.: Леонтьев, Осин, 2007), его изучение имеет давнюю традицию. Тем не менее, с нашей точки зрения, субъективное пространство возможностей личности может не совпадать с ее потенциалом, так как наличие потенциала не гарантирует его осознания и использования. В литературе описаны адаптивные жизненные стратегии, в рамках которых субъект отказывается от реализации своего потенциала, направляет свою активность на адаптацию к социальным требованиям (см.: Абульханова-Славская, 1991; Леонтьев, 1997). В этой связи актуальной становится задача выявления причин психологической неготовности личности к реализации своего потенциала.

Проблема нашего исследования может быть сформулирована следующим образом: как функционирует барьер, препятствующий осознанию и реализации своего потенциала в профессиональной деятельности и сводящий профессиональное самоопределение к изысканию путей социальной адаптации.

Основанием для теоретического определения этой проблемы стала концептуальная схема смысловых пространств и способов самоопределения В.К. Зарецкого, разработанная им в результате анализа способов самоопределения людей, осуществляющих

проектную деятельность (Зарецкий, 1993).

В.К. Зарецкий описал два основных способа самоопределения человека: в социально-ситуативном смысловом пространстве и в культурно-экзистенциальном смысловом пространстве.

Социально-ситуативный способ самоопределения предполагает, что активность индивида направлена на решение задач, возникающих в рамках актуальной ситуации или в конкретном социальном контексте. Определяющим для этого способа самоопределения фактором являются сиюминутные выгоды, которые представляет ситуация.

В случае осуществления культурно-экзистенциального способа самоопределения активность человека направлена на решение существующих в культуре проблем или на реализацию экзистенциальных ценностей.

Схема В.К. Зарецкого создавалась как обобщенная по отношению к конкретным видам самоопределения и в этой связи может быть использована и при анализе такого вида самоопределения, как профессиональное.

Применив модель В.К. Зарецкого к профессиональной сфере, мы выделили две стратегии профессионального самоопределения. При преобладании социально-ситуативного способа самоопределения профессиональная деятельность рассматривается человеком как способ достижения тех или иных внешних по отношению к ней благ. При преобладании культурно-экзистенциального способа самоопределения профессиональная деятельность воспринимается как форма овладения и развития куль-

турных традиций или реализации экзистенциальных ценностей.

Можно предположить, что существует взаимосвязь между ведущим способом профессионального самоопределения и характером субъективных представлений о профессиональной деятельности. При преобладании ситуативно-социального способа самоопределения человек не соотносит свою профессиональную деятельность со своими личностными особенностями, ценностями и смыслами. Представления о целях профессионального движения не дифференцированы и сводятся к достижению желаемого социального статуса.

Восприятие профессиональной деятельности как активности, направленной на утверждение и реализацию культурных или экзистенциальных ценностей, предполагает построение более дифференцированного образа желаемого профессионального будущего и поиска внутренних и внешних ресурсов для его достижения.

Таким образом, *рабочую гипотезу исследования* можно сформулировать следующим образом: существует взаимосвязь между выбором стратегии профессионального самоопределения и дифференцированностью представлений о профессиональной деятельности.

Эмпирическое исследование и методы исследования

Исследование проводилось в апреле—мае 2011 г. на базе московских вузов: МГТУ МАМИ, МГППУ, МГПУ, НИУ ВШЭ. В исследовании принял участие 51 студент старших

курсов (последнего и первого курса магистратуры). Возраст испытуемых — от 20 до 24 лет.

В качестве основного инструмента изучения субъективных представлений студентов о профессиональной деятельности использовалась анкета, в которой испытуемым предлагалось ответить на ряд открытых вопросов, касающихся различных аспектов их профессионального движения в будущем.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи между ведущим способом профессионального самоопределения и степенью дифференцированности представлений о профессиональной деятельности выборка была разделена на две группы. Основным критерием для распределения испытуемых по группам стало содержание ответа на вопрос анкеты: «Что такое для вас профессиональный успех?»

Испытуемые, которые описывали профессиональный успех как достижение внешних по отношению к профессиональной деятельности целей (достижение материальной стабильности, определенного социального статуса), были отнесены к группе с преобладанием социально-ситуативного типа профессионального самоопределения.

Испытуемые, которые связывали профессиональный успех с достижением определенных результатов в рамках самой профессиональной деятельности (профессиональное развитие, выполнение определенной миссии в мире), были отнесены к группе испытуемых с преобладанием культурно-экзистенциального способа самоопределения.

Часть ответов на вопрос о критериях профессионального успеха

имела слишком общий характер. В этом случае для отнесения испытуемых к одной из двух групп анализировалось содержание первого ответа на вопрос анкеты: «Перечислите ваши требования к будущей работе». При этом для распределения по группам применялся тот же самый критерий.

В группу испытуемых с преобладанием социально-ситуативного способа профессионального самоопределения (далее группа 1) попало 30 испытуемых. В группу с преобладанием культурно-экзистенциального способа профессионального самоопределения (далее группа 2) — 21 испытуемый.

Следующим этапом обработки полученных данных было исследование различия в представлениях испытуемых о профессиональной деятельности в двух группах испытуемых.

Представления испытуемых о профессиональной деятельности исследовались с помощью метода контент-анализа. Были выявлены основные типы ответов, которые давались испытуемыми на вопросы анкеты. Затем подсчитывались количество ответов различных типов, которые дал каждый испытуемый на тот или иной вопрос, и средняя частота упоминания ответов определенных типов в каждой группе испытуемых (общее количество упоминаний ответа данного типа в группе, деленное на количество испытуемых в группе).

Также исследовалось статистическое различие в частоте упоминаний ответов различных типов испытуемыми двух групп. Использовался *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Основными параметрами для сравнения двух групп испытуемых были: способы выявления противоречий профессионального развития, представления о профессионализме и о ближайших целях профессионального развития.

Результаты

Способ выявления противоречий профессионального самоопределения

Для получения представления о противоречиях, возникающих в процессе самоопределения, был проведен контент-анализ ответов испытуемых на следующий вопрос анкеты: «Какие препятствия вы видите для успешного профессионального раз-

вития в будущем?» Препятствия, которые упоминали испытуемые, были отнесены к двум группам: внешние и внутренние.

Были выявлены следующие типы внешних препятствий, указанных испытуемыми: личные обстоятельства, особенности социально-экономической ситуации, сложности при устройстве на работу.

Среди внутренних препятствий, указанных испытуемыми, были выявлены следующие типы ответов: несоответствие предъявляемым обществом требованиям, несформированность профессиональной мотивации. В таблице 1 представлены результаты контент-анализа ответов испытуемых.

На основании анализа полученных ответов можно утверждать, что

Таблица 1

Представления испытуемых о препятствиях для достижения профессионального успеха

Тип ответа	Испытуемые, указавшие данное препятствие в группе 1	Испытуемые, указавшие данное препятствие в группе 2	Среднее количество упоминаний в группе 1	Среднее количество упоминаний в группе 2	Уровень значимости различий в частоте упоминаний
Личные обстоятельства	4 (13%)	8 (38%)	0.34	0.38	0.87
Социально-экономическая ситуация	7 (23%)	7 (33%)	3.7	6.1	0.37
Сложность устройства на работу	8 (27%)	4 (19%)	0.48	0.19	0.18
Несоответствие предъявляемым требованиям	9 (30%)	7 (33%)	0.34	0.47	0.49
Несформированность проф. мотивации	0	6 (29%)	0	0.42	0.016
Внешние препятствия	18 (60%)	16 (76%)	1.21	1.23	0.92
Внутренние препятствия	10 (33%)	12 (57%)	0.37	0.95	0.027

Примечание. Полужирным шрифтом выделены значимые статистические различия между группами ($p < 0.5$).

испытуемые с преобладанием культурно-экзистенциального способа профессионального самоопределения в большей степени способны к осознанию внутренних препятствий в достижении профессионального успеха, чем испытуемые с преобладанием социально-ситуативного способа самоопределения.

Представления о профессионализме

Для анализа представлений испытуемых о профессионализме исследовалось содержание ответа на вопрос анкеты: «Какими качествами, по вашему мнению, должен обладать представитель вашей профессии, чтобы его можно было назвать профессионалом?» В ответах выявились следующие типы: знания или навыки, профессионально важные качества, общие качества, не относящиеся к конкретной области деятельно-

сти, особенности профессиональной мотивации.

Результат контент-анализа полученных ответов представлен в таблице 2.

Представленные данные свидетельствуют о большей дифференцированности представлений о профессионализме в группе с преобладанием культурно-экзистенциального способа самоопределения (в этой группе было отмечено больше качеств, которыми, по мнению испытуемых, должен обладать профессионал). Кроме того, испытуемые этой группы чаще связывают профессионализм не только с наличием знаний или навыков, но и с соответствием профессионально важным качествам.

Ближайшие цели профессионального развития

Последнее задание было сформулировано следующим образом:

Таблица 2

Особенности представлений испытуемых о профессионализме

	Испытуемые, указавшие этот тип ответа в группе 1	Испытуемые, указавшие этот тип ответа в группе 2	Средняя частота упоминаний в группе 1	Средняя частота упоминаний в группе 2	Уровень значимости различий в частоте упоминаний в двух группах
Знания или навыки	17 (57%)	7 (33%)	0.75	0.57	0.46
Профессионально важные качества	16 (53%)	20 (95%)	1.1	4.4	>0.001
Общие качества	16 (53%)	14 (66%)	1.14	0.90	0.42
Мотивационные характеристики	3 (11%)	7 (33%)	0.14	0.47	0.10
Общее количество указанных качеств			3.03	5.8	0.001

Примечание. Полужирным шрифтом выделены значимые статистические различия между группами ($p < 0.5$).

«Перечислите цели в профессиональной области, которые вы ставите себе на ближайшие несколько лет. Затем около каждой цели напишите те качества, которые, с вашей точки зрения, необходимы для достижения этой цели».

Некоторые испытуемые не указали ни одной цели, что может быть связано с несформированностью перспективы профессионального развития. В первой группе не указали ни одной цели 12 человек (40%), во второй группе — 4 человека (19%).

Среди указанных испытуемыми целей были выявлены два типа: внешние и внутренние. К группе внешних целей были отнесены цели, связанные с достижением того или иного социального статуса или роли. Ко второй группе были отнесены цели, связан-

ные с развитием профессиональной компетентности или мотивации.

Качества, отмеченные испытуемыми как необходимые для достижения той или иной цели, были разделены на два типа: имеющие отношение к конкретной области профессиональной деятельности и неспецифические для конкретного вида деятельности.

Результаты анализа ответов испытуемых представлены в таблице 3.

Полученные данные свидетельствуют о том, что испытуемые с ведущим культурно-экзистенциальным способом самоопределения обладают более дифференцированными представлениями как о своих целях, так и о качествах, необходимых для их достижения (в этой группе испытуемые в среднем указывали больше

Таблица 3

Представления испытуемых о ближайших целях и необходимых для их достижения качествах

Типы целей	Испытуемые группы 1, упомянувшие этот тип цели	Испытуемые группы 2, упомянувшие этот тип цели	Среднее количество упоминаний этого типа цели в группе 1	Среднее количество упоминаний этого типа цели в группе 2	Уровень значимости различия в упоминаемости
Внутренние цели	4 (22%)	13 (76.4%)	0.22	1.11	>0.001
Внешние цели	16 (88%)	16 (94.1%)	1.16	1.52	0.142
Общее количество целей			0.86	2.19	>0.001
Общие качества	16 (89%)	17 (100%)	2.05	3.92	0.004
Качества, относящиеся к проф. деятельности	1 (5.6%)	11 (64.7%)	0.05	1	0.003
Общее количество качеств			2.33	5.28	>0.001

Примечание. Полужирным шрифтом выделены значимые статистические различия между группами ($p < 0.5$).

целей и больше необходимых для их достижения качеств).

Кроме того, испытуемые этой группы значительно чаще указывали внутренние цели, связанные с развитием профессиональной компетентности или мотивации.

Обсуждение результатов

Выдвинутая нами гипотеза подтвердилась: было выявлено наличие взаимосвязи между дифференцированностью представлений о профессиональной деятельности и ведущим способом профессионального самоопределения.

На основании анализа эмпирических данных можно выделить следующие особенности представлений о профессиональной деятельности людей с преобладанием социально-ситуативного способа самоопределения: низкая дифференцированность представлений о профессионализме и о ближайших целях профессионального развития, низкая способность к выявлению внутренних препятствий для успешного профессионального развития.

Можно предположить, что выделенные нами особенности взаимосвязаны: низкая дифференцированность представлений о профессионализме затрудняет развитие представления о себе как о носителе профессионально важных качеств или особенностей в настоящем или будущем. Это приводит к затруднению в осознании внутренних противоречий профессионального разви-

тия и в постановке целей, связанных с саморазвитием себя как профессионала. В результате человек вынужден ориентироваться на нормативные, социально заданные цели, что приводит к сужению субъективного пространства возможного.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о существовании взаимосвязи между низкой дифференцированностью представлений о профессиональной деятельности, о себе как носителе профессиональных знаний, качеств и преобладанием социально-ситуативного способа профессионального самоопределения.

На основании эмпирических данных невозможно сделать однозначный вывод о том, что является первичным: выбор ведущего способа самоопределения или степень дифференцированности представлений о профессиональной деятельности.

Можно предположить, что между этими параметрами существуют отношения взаимозависимости. В этом случае результаты исследования могут быть применимы в карьерном консультировании: дифференциация представления о профессионализме и о себе как профессионале может способствовать развитию у клиента культурно-экзистенциальных компонентов профессионального самоопределения, расширению субъективной сферы возможного и выстраиванию дифференцированной стратегии профессионального развития.

Литература

Абульханова-Славская К.А. Стратегии жизни. М., 1991.

Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). М.; Воронеж, 1999.

Зарецкий В.К. Исходные методологические представления о движущих силах саморазвития личности в образовательных системах // Психолого-педагогические вопросы продвижения личности в многоуровневой системе обучения. М., 1993. С. 6–16.

Иванченко Г.В. Стратегии профессионального самоопределения и репрезентации профессионализма // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 2. С. 24–51.

Иванченко Г.В. Представления студентов выпускных курсов о возможном: региональные и гендерные различия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 1. С. 32–63.

Леонтьев Д.А. Самореализация и существенные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 156–176.

Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Личностный потенциал как объект психодиагностики // Психологическая диагностика. 2007. № 1. Тематический выпуск: Диагностика личностного потенциала / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина. С. 4–7.

Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.

***Геронимус Иван Александрович, аспирант факультета психологии
НИУ ВШЭ, психолог Центра экстренной психологической помощи МГППУ***
Контакты: ivangeronimus@yandex.ru

ПРАВОПИСАНИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСОЗНАНИЕ

Е.Л. ГРИГОРЕНКО, Р. БУЛВЭРЕ-ГУДЕН, Н.В. РАХЛИНА

Резюме

В статье рассматривается вариант коннекционистской модели чтения и ее применимость для русского языка. Модель была адаптирована путем введения морфологической составляющей и предварительно оценена на выборке, состоящей из 171 школьника 4-х, 6-х и 8-х классов. Показатели модели объяснили примерно 60% дисперсии, а ее морфологическая составляющая оказалась, как и предполагалось, информативной для предсказания навыков понимания русского языка и правописания.

Ключевые слова: коннекционистская модель, русский язык, морфологическое осознание.

Коннекционизм — это направление позитивистской мысли таких областей знания, как науки об искусственном интеллекте, когнитивная психология, нейронауки и философия разума. Коннекционизм существует во множестве форм, самая

распространенная из которых — искусственные нейронные сети, моделирующие биологические системы взаимосвязанных нейронов и нейронных сетей. В общих чертах коннекционизм моделирует психические и поведенческие феномены

Исследования, в контексте которых были собраны эмпирические материалы, приведенные в данной статье, финансово поддерживались NIH (DC007665 и HD052120) и CRDF. Авторы благодарны всем своим коллегам, оказавшим помощь в сборе эмпирического материала и предварительной подготовке этой работы. Особая благодарность всем участникам исследования за выделенное ими время и приложенные усилия.

как процессы, возникающие в результате продуктивного взаимодействия сетей обработки информации, состоящих из простых элементов, аналогичных нейронам, которые объединены между собой в определенной структуре связями различной силы (веса). Вес связей между элементами структуры постоянно меняется в процессе обучения. Главной целью коннекционистских исследований является нахождение правильной структуры и набора сил связей между элементами сети для выполнения той или иной задачи. В отечественной психологии и смежных науках присутствуют только ограниченные попытки применения коннекционистских моделей, в основном в свете изучения порождения речи в родном и иностранных языках (Ахутина, 1989; Лепская, 1997). В западной психологии коннекционизм — влиятельное течение, представленное сотнями работ. Существуют коннекционистские модели и чтения.

Ярким примером коннекционистских моделей чтения является модель, разработанная Марком Сайденбергом для английского языка (Seidenberg, 2005). Ключевой принцип этой модели — присутствие отдельно взятых групп или уровней «нейронов», т.е. единиц обработки информации, которые объединены по функциональным признакам — уровням произношения/звучания (фонология, Ф), графической репрезентации слов (орфография, О) и семантики (смысловое значение, З). Эти репрезентации распределены, т.е. сложные когнитивные процессы возникают без привлечения структурированных символических элементов, а посредством взаимодействия

ограниченного числа базовых единиц внутри уровня, приспособленных для того, чтобы представлять неограниченный набор структур (подобно тому как алфавит позволяет воспроизвести неограниченное количество слов). Фонологическая репрезентация может включать сегменты (фонемы) или их элементы (отдельные фонологические характеристики), например, характеристику «фрикативный» или «палатализованный» звук. Орфографическая репрезентация может содержать буквы или их визуальные характеристики. Порядок элементов всегда значим (т.е. *кот* и *ток* не должны отождествляться). Помимо уровней ввода и вывода информации (инпут — информация, входящая в систему, аутпут — переработанная информация, которая выдается на выходе из системы), система также обычно содержит некоторый промежуточный уровень скрытых единиц, которые, собственно, и обеспечивают обучаемость системы и позволяют осуществлять более сложное картирование, чем то, которое позволялось бы при прямом соответствии входящей и выходящей информации. Переработка включает активацию единиц, соответствующую характеристикам инпута (например, правописание слова) и позволяющую волне активации докатиться до аутпута (например, произношение слова) посредством активации связующих единиц. Каждая связь (connection, отсюда — connectionism, коннекционизм) характеризуется некоторым коэффициентом, моделирующим поток активации. Все эти элементы создают простую фид-форвард или впередбегущую волну активации, т.е.

волну, движение которой может осуществляться только в одном направлении — вперед (т.е. от инпута — через слой скрытых элементов — в аутпут). Более сложные системы возникают за счет добавления связей между единицами внутри одного слоя и между единицами уровней входа и выхода, обратной связи (от скрытых элементов к орфографии), дополнительных скрытых слоев, единиц, представляющих контекст, в котором данное конкретное слово появляется чаще всего, и других вычислительных элементов.

Модели дается задача, с которой сталкивается каждый начинающий читатель: посмотрев на написанное слово, определить его произношение и значение. С точки зрения коннекционистской сети эта задача состоит в нахождении правильного набора коэффициентов активации. Несколько обучающих принципов используются для того, чтобы подогнать коэффициенты, основываясь на примерах. Некоторые из этих принципов напрямую связаны с тем, как происходит обучение на нейронном уровне; другие принципы отражают то, что происходит на вычислительном уровне, абстрагируясь от нейрофизиологических деталей.

Принципиальное допущение модели заключается в том, что достижение системой соответствия между написанием слова и его звучанием является примером статистического научения (Altmann, 2002). Во многих исследованиях (Harm, Seidenberg, 1999, 2004; Plaut et al., 1996; Seidenberg, McClelland, 1989) и на материале нескольких языков (Pagliuca, Monaghan, 2010; Sera et al., 2002) было показано, что модель

может научиться правильно читать тысячи слов. Модель учится на наборах слов; множество разных слов с различными паттернами правописания предъявляется модели в качестве инпута. Основываясь на этих тренировочных словах, модель создает разветвленные сети коэффициентов. При произношении каждого слова изначально используются все коэффициенты, и по мере предъявления слов (т.е. в ходе тренировки системы) коэффициенты меняются, все больше и больше дифференцируясь, особенно для единиц, которые часто приводят к неправильному произношению. Таким образом, модель может работать как с типичными (т.е. читаемыми по правилам), так и с нетипичными (т.е. читаемыми согласно исключениям) словами.

Однако модель, задачей которой является простое нахождение соответствия между графической и звуковой репрезентацией слова, представляет собой ограниченный интерес. То, что стоит за процессом картирования (перевода графемы в фонему и обратно), значимо только в контексте понимания (т.е. определения смысла) прочитанного. Поэтому главной задачей коннекционистской модели чтения является задача установления (вычисления, в терминах модели) значения декодированного слова. Когда процесс чтения только формируется, модель и, соответственно, юный читатель используют в основном путь О-Ф-З. Однако с увеличением опыта как модель, так и формирующийся читатель все больше и больше начинают ориентироваться на путь О-З. При этом путь О-Ф-З не исчезает, он используется в том случае, когда на пути модели

(и читателя) встречается неузнаваемое слово; такое слово сначала надо озвучить и только потом понять. Так, оба пути всегда в готовности, но то, какой из них активируется, определяется характеристиками перерабатываемых слов (т.е. их статистическими характеристиками): частотой их встречаемости (например, *опала* — слово низкочастотное) и тем, насколько их правописание соответствует правилам (например, *солнце* — слово, не соответствующее правилам). Сама модель является репрезентацией этих статистических закономерностей, а ее алгоритм научения — это способ овладения знанием, основанным на этих статистических закономерностях.

Несмотря на свое большое значение в зарубежной психологии, коннекционистская модель чтения никогда в российской психологии не рассматривалась. Необходимо отметить, что, в силу своей лингвистической ориентации, просто заимствовать эту модель нельзя. Русский и английский языки лингвистически достаточно далеки друг от друга, поэтому модель должна быть модифицирована, адаптирована к русскому языку.

Один из возможных методов адаптации, которым эти модели должны подвергаться, переходя от языка к языку, — изменение матриц коэффициентов, соединяющих компоненты Ф, О и З модели. Так, в отличие от английского, картирование пути О-Ф, в большинстве своем, определяется правилами и характеризуется относительно небольшим количеством исключений; однако путь Ф-О содержит большое количество исключений из правил. Так, при «переводе» на русский язык (или

разработке русской версии) модель ФОЗ является асимметричной (Kornev et al., 2011). Другим путем является введение в модель новых элементов, например элементов, описывающих морфологические (М) репрезентации языка. Эти репрезентации развиваются за счет промежуточных единиц в модели; они опосредуют связи между Ф, О и З и определяют морфологическую структуру и степень морфологической регулярности/нерегулярности каждого слова, чтобы, опознав нерегулярное слово, разложить его на морфемы. (Этот навык называется морфологическим осознанием.) Таким образом, лексическая активация — это активация корня слова, а не всего слова (Stockall, Marantz, 2006). Русский язык имеет богатую морфологию, и большинство категорий слов не может употребляться без флексивных элементов. Кроме того, существует богатая система словообразования, основанная на приставочно-суффиксальной основе (например, глагольные приставки выражающие направление движения или аспектуальные характеристики действия). Следовательно, этот промежуточный уровень переработки информации при моделировании русского языка является очень важным. В русском, где правописание организовано преимущественно на основе принципов морфологической устойчивости (Grigorenko, 2003, 2005), оба пути, О-Ф и Ф-О, ориентируются на промежуточный уровень М, который способствует правильной идентификации и, соответственно, правильному означиванию слова.

В контексте типичного онтогенеза чтения хорошо развитые навыки

декодирования, соответствующие богатому словарному запасу, и система, в целом характеризующаясь сильными фонологическими, орфографическими и морфологическими навыками, приводят к точному и эффективному пониманию прочитанного. Однако при дизонтогенезе чтения каждый из перечисленных компонентов может «выпасть» из системы, нарушая ее функционирование.

В данной работе коннекционистская модель чтения впервые операционализована для русского языка. Трехкомпонентная модель (ФОЗ), разработанная для английского языка, модифицирована для русского путем введения дополнительной морфологической составляющей (ФМОЗ). Каждая составляющая измерялась специально разработанными оригинальными инструментами. Более детально фонологическая (Ф) составляющая измерялась заданием из 60 триад псевдослов, причем одно из этих слов звучало как реальное слово (его и нужно было назвать, например, в триаде «*понце, сонце, сонек*» *сонце* звучит как реальное слово). В результирующем показателе подсчитывалось количество правильных ответов. Орфографическая (О) составляющая оценивалась заданием, основанным на так называемой задаче орфографического выбора (Olson et al., 1994) — задаче, которая позволяет оценить быстрый доступ к правильной орфографической репрезентации слов даже в присутствии фонологических псевдокопий этих слов. Это задание содержало 45 словесных триад (например, *молоко, молако* и *малоко*). В результирующем

показателе подсчитывалось количество правильных ответов. Задание на морфологию (М) основывалось на работах Дж. Карлисе (Carlise, 2000) и состояло из двух частей: задания на словоизменение (т.е. 28 задач на инфлекционную морфологию) и задания на словодекомпозицию (т.е. 28 задач на деривационную морфологию). В результирующем показателе подсчитывалось количество правильных ответов в обоих типах задач. Кроме того, означивание и понимание (З) в языках, которые менее сложны в фоно-графических связях, чем английский (например, в русском), согласно примерам в литературе составляющая З может измеряться путем специальной оценки правописания (т.е. когда правописание проверяется в контексте). В данной работе задание на правописание включало 56 задач; в этих задачах, для того чтобы грамматически правильно написать слово, необходимо понять контекст предложения, в котором это слово дается. В результирующем показателе подсчитывалось количество ошибок, допущенных при выполнении этого задания.

В исследовании принял участие 171 школьник, 93 (54.4%) девочки и 78 (45.6%) мальчиков, учащиеся 4-х (n = 57, 33.3%), 6-х (n = 53, 31%) и 8-х (n = 61, 35.7%) классов общеобразовательных школ одного из региональных центров Российской Федерации. Исследование проводилось по согласованию с родителями школьников и администрацией школы.

Как указывалось выше, основной идеей данного исследования была адаптация коннекционистской модели

чтения, разработанной для английского языка, к русскому языку путем введения морфологической составляющей модели. Эта адаптация может быть верифицирована путем применения инференциальной статистики. Были оценены две регрессионные модели, предсказывающие показатели правописания в контексте (выраженные переменной З) и включающие одинаковые наборы переменных: 1) демографические показатели (т.е. класс, в котором учится ребенок, и его пол); 2) фонологическую составляющую модели (Ф); 3) орфографическую составляющую модели (О); 4) морфологическую составляющую (М). В одной регрессионной модели эти переменные вводились пошагово, начиная с

(1) и заканчивая (4), а в другой — наоборот (см. таблицу 1). Если допущение о значимости морфологической составляющей в модели для русского языка верно, то с этой составляющей будет связан независимый вклад в дисперсию по показателям правописания.

Как видно из таблицы 1, допущение о значимости морфологической составляющей в коннекционистской модели для русского языка оказалось правильным. Иными словами, независимо от того, вводится ли показатель выполнения морфологических задач последним (Модель 1) или первым (Модель 2), он отвечает за вклад в вариативность показателей правописания; в первом случае этот вклад составляет примерно 8%,

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа

Характеристики моделей	Модель 1				
	R^2	$F(p)$	ΔR^2	β'	$t(p)$
Блоки переменных					
Класс	0.322	39.9 (0.00)	0.322	0.09	1.75 (0.08)
Пол				-0.31	-5.33 (0.00)
Ф	0.359	31.1 (0.00)	0.037	-0.06	-1.06 (0.29)
О	0.519	44.8 (0.00)	0.160	-0.19	-2.80 (0.01)
М	0.597	48.9 (0.00)	0.078	-0.42	-5.66 (0.00)
	Модель 2				
Класс	0.597	48.9 (0.00)	0.079	0.09	1.75(0.08)
Пол				-0.31	-5.33(0.00)
Ф	0.518	59.9 (0.00)	0.008	-0.06	-1.06 (0.29)
О	0.511	87.7 (0.00)	0.011	-0.19	-2.80 (0.01)
М	0.500	168.8 (0.00)	0.500	-0.42	-5.66 (0.00)

Примечание. Коэффициенты приведены для полной модели. Пол кодировался следующим образом: 0 — девочки, 1 — мальчики.

а во втором — примерно 50%. В дополнение к этому общему и основному выводу было отмечено следующее.

Во-первых, в целом общее количество объясненной дисперсии составило 59.7%, что свидетельствует о том, что модель работает адекватно. Однако коэффициенты для каждой из переменных варьируются, показывая, что в полной модели коэффициенты переменных класса школьника и индикатора Φ являются статистически незначимыми. Исключение этих переменных из регрессионного уравнения снижает общий показатель количества объясненной дисперсии (при удалении переменной пола — до 59,0%, при удалении переменной Φ — до 59.4%, а при удалении обеих переменных — до 58.8%).

Во-вторых, тот факт, что предсказательная сила индикатора Φ в коннекционистской модели для русского языка является незначимой до такой степени, что может быть исключена из модели без значимой и существенной потери в объясненной дисперсии, является интересным и заслуживает дальнейшего изучения. Доминирующая роль индикатора Φ в версии модели для английского языка считается давно установленной (Wagner, Torgesen, 1987). В последнее время, однако, были высказаны сомнения по поводу того, что закономерности, полученные на при-

мере английского языка, могут быть использованы полностью или даже частично для других языков мира (Share, 2008). Данная работа подчеркивает важность вдумчивого подхода при переносе концептуальных моделей, выработанных для определенной языковой системы, в другую языковую систему.

В-третьих, аутпут, который рассматривался в этой работе, представляет собой не непосредственное понимание слова и либо его прочитывание вслух, либо опознание, а истолкование в контексте других слов и написание. Такой вариант аутпута или показателя индивидуальных различий по показателям овладения письменной речью часто используется в языках, где фонографическое картирование не является таким сложным, как в английском языке. К таким «прозрачным» языкам относится, например, немецкий, где применяются формы аутпута (Landerl, Wimmer, 2008), сопоставимые с теми, которые использовались в данном исследовании. Вполне возможно, что роль составляющей Φ будет другой, более традиционной для английских коннекционистских моделей формы аутпута (для этого надо формировать выборку участников, находящихся на более ранних ступенях овладения чтением). Вариативность по показателю декодирования слов в «прозрачных» языках резко уменьшается, когда навык чтения автоматизируется.

Литература

- Ахутина Т.В.* Порождение речи. Нейро-лингвистический анализ синтаксиса. М.: ЛКИ, 1989.
- Лепская Н.И.* Язык ребенка: (Онтогенез речевой коммуникации). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- Altmann G.T.M.* Statistical learning in infants // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2002. 99. 15250–15251.
- Carlise J.F.* Awareness of the structure and meaning of morphologically complex words: Impact on reading // Reading and Writing. 2000. 12. 169–190.
- Grigorenko E.L.* Matryoshka, matryozhka, or motryoshka: The difficulty of mastering reading and spelling in Russian // N. Goulandris (ed.). Dyslexia in different languages: A cross-linguistic comparison. London, UK: Whurr Publishers, 2003. P. 92–111.
- Grigorenko E.L.* If John were Ivan: Would he fail in reading? // R.M. Joshi, P.G. Aaron (eds.). Handbook of orthography and literacy. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. P. 303–320.
- Harm M.W., Seidenberg M.S.* Phonology, reading acquisition, and dyslexia: insights from connectionist models // Psychological Review. 1999. 106. 491–528.
- Harm M.W., Seidenberg M.S.* Computing the meanings of words in reading: cooperative division of labor between visual and phonological processes // Psychological Review. 2004. 111. 662–720.
- Kornev A.N., Rakhlin N., Grigorenko E.L.* Dyslexia from a cross-linguistic and cross-cultural perspective: The case of Russian and Russia // Learning Disabilities: A Contemporary Journal. 2011. 8. 41–69.
- Landerl K., Wimmer H.* Development of word reading fluency and spelling in a consistent orthography: An 8-year follow-up // Journal of Educational Psychology. 2008. 100. 150–161.
- Olson R.K., Forsberg H., Wise B.W., Rack J.* Genes, environment and the development of orthographic skills // V. Beringer (ed.). The varieties of orthographic knowledge. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer, 1994. P. 27–72.
- Pagliuca G., Monaghan P.* Discovering large grain sizes in a transparent orthography: Insights from a connectionist model of Italian word naming // European Journal of Cognitive Psychology. 2010. 22. 813–835.
- Plaut D.C., McClelland J.L., Seidenberg M.S., Patterson K.* Understanding normal and impaired word reading: Computational principles in quasi-regular domains // Psychological Review. 1996. 103. 56–115.
- Seidenberg M.S.* Connectionist models of word reading // Current Directions in Psychological Science. 2005. 14. 238–242.
- Seidenberg M.S., McClelland J.L.* A distributed, developmental model of visual word recognition and naming // Psychological Review. 1989. 96. 523–568.
- Sera M.D., Elieff C., Forbes J., Burch M.C., Rodriguez W., Dubois D.P.* When language affects cognition and when it does not: An analysis of grammatical gender and classification // Journal of Experimental Psychology: General. 2002. 131. 377–397.
- Share D.L.* On the anglocentricities of current reading research and practice: The perils of overreliance on an «outlier» orthography // Psychological Bulletin. 2008. 134. 584–615.

Stockall L., Marantz A. A single route, full decomposition model of morphological complexity: MEG evidence // *The Mental Lexicon*. 2006. 1. 85–123.

Wagner R.K., Torgesen J.K. The nature of phonological processing and its causal role in the acquisition of reading skills // *Psychological Bulletin*. 1987. 101. 192–212.

Григоренко Елена Леонидовна, доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук
Контакты: elenalgrigorenko@gmail.com

Булвэре-Гуден Регина (Boulware-Gooden Regina), Образовательный центр «Ньюхаус» (США), вице-президент по исследовательским программам, PhD
Контакты: rgooden@neuhaus.org

Рахлина Наталья Валерьевна, научный сотрудник Центра ребенка Йельского университета (США), PhD, Post-Doctoral Associate
Контакты: natalia.rakhlin@yale.edu

СВЯЗЬ ПСИХОМЕТРИЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА С НЕКОТОРЫМИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ РЕГИОНОВ

А.А. ГРИГОРЬЕВ, В.Ю. СУХАНОВСКИЙ

Резюме

В статье анализируется связь среднего психометрического интеллекта стран (национального IQ) с тремя демографическими показателями (рождаемостью, младенческой смертностью и продолжительностью жизни). Эта связь рассматривается на множестве 129 стран, являющихся представительной выборкой стран мира, и на множестве стран, населенных европейцами. В то время как на множестве 129 стран все три демографических показателя характеризуются высокими корреляциями с национальным IQ, на множестве стран, населенных европейцами, связь рождаемости с национальным IQ отсутствует.

Ключевые слова: *национальный IQ, рождаемость, младенческая смертность, продолжительность жизни.*

Издание уже ставшей классической работы Ричарда Линна и Тату Ванханена «IQ и глобальное неравенство» («IQ and Global Inequality», 2006) было импульсом к появлению большого числа публикаций, посвященных исследованию связи среднего интеллекта социума с разнообразными показателями его развития. Изучаются связи как среднего интеллекта стран (так называемого «национального IQ»), так и средне-

го интеллекта регионов внутри страны.

В нескольких публикациях (McDaniel, 2006; Pesta et al., 2010; Bartels et al., 2010; Beaver, Wright, 2011) представлены показатели связи интеллекта с преступностью на уровне регионов внутри страны. Во всех этих работах материалом являются данные по регионам США. В первой из этих работ (McDaniel, 2006) приводится корреляция оценки

среднего интеллекта штата США с количеством насильственных преступлений в штате за период 2002–2004 гг. (–0.58). Во второй работе (Pesta et al., 2010) дается корреляция тех же оценок интеллекта с совокупным показателем штата, вычисленным по данным о некоторых видах преступлений (–0.76). В третьей публикации (Bartels et al., 2010) представлены корреляции тех же оценок интеллекта, что и в двух предыдущих работах, с показателями штата для отдельных видов преступлений; соответствующие коэффициенты корреляции варьируют от –0.20 до –0.58. Данные четвертой публикации (Beaver, Wright, 2011) отличаются от данных первых трех тем, что, во-первых, единицами анализа в ней являются не штаты, а более мелкие административные образования, округá, и, во-вторых, тем, что использовались другие оценки интеллекта. В этой работе приводятся корреляции IQ с показателями для отдельных видов преступлений (от –0.29 до –0.58) и корреляция с совокупным показателем преступности (–0.53).

Как видим, данные всех четырех исследований свидетельствуют о

существовании отрицательной связи между интеллектом в регионе и региональными показателями преступности в США: для регионов с более низким средним интеллектом характерны более высокие показатели преступности. Вопрос о распространяемости этих результатов на другие страны, однако, требует специального обсуждения.

Изучалась также связь национального IQ с показателями рождаемости. Так, в одной работе (Lynn, Harvey, 2008; см. также: Lynn, 2011) посчитана корреляция оценок национального IQ с суммарным коэффициентом рождаемости¹ за 2000 г. (–0.73). В другой работе (см.: Lynn, 2011) сообщается о еще более высоком коэффициенте корреляции между оценками национального IQ и суммарным коэффициентом рождаемости за 2000–2005 гг. (–0.83). В еще одной работе (Shatz, 2008) посчитана корреляция национального IQ не только с суммарным коэффициентом рождаемости, но и с двумя другими индексами: общим коэффициентом рождаемости² и темпом прироста населения³. Коэффициенты корреляции оказались равными –0.71, –0.75 и –0.52 соответственно.

¹ Суммарный коэффициент рождаемости, или коэффициент суммарной рождаемости (total fertility rate), определяется как «среднее число детей, которые были бы рождены одной женщиной, если бы все женщины жили до конца детородного возраста и рожали детей соответственно имеющемуся коэффициенту рождаемости для каждого возраста» (определение из «Мировой книги фактов ЦРУ США» (<https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/index/html>), в дальнейшем – Книга фактов; русское название показателя дано по «Словарию демографических терминов» (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=118)).

² Общий коэффициент рождаемости (birth rate, или crude birth rate) представляет собой число рождений за год на 1000 человек населения. Русское название показателя дано по «Словарию демографических терминов».

³ Темп прироста населения (population growth rate) Книга фактов определяет как среднее годовое изменение численности населения в процентах, складывающееся из избытка (или

Связь IQ с рождаемостью оценивалась и на уровне регионов внутри страны — США (Reeve, Basalik, 2011). Соответствующий коэффициент корреляции (оценки IQ штатов брались из работы: McDaniel, 2006; учитывалось только рождение живых младенцев) был несколько ниже: -0.34 .

В особом положении находятся учебные достижения в плане их связей с IQ. Корреляции на уровне стран здесь настолько высоки (см.: Lynn, Mikk, 2007, 2009), что многие исследователи предпочитают использовать показатели учебных достижений регионов в качестве оценок регионального IQ. Так, в некоторых из уже цитированных работ (Bartels et al., 2010; McDaniel, 2006; Pesta et al., 2010; Reeve, Basalik, 2011) в качестве оценок IQ штатов США использовались результаты проводившегося по всей стране тестирования учебных достижений (IQ штата оценивался как среднее результатов по чтению и математике). Р. Линн (Lynn, 2010a) вычислял оценки интеллекта в итальянских провинциях на основе результатов международной программы исследования достижений в образовании PISA.

Результаты упомянутых и подобных им исследований характеризуются редкой для психологии согласованностью. Может даже возникнуть сомнение в целесообразности дальнейших работ в этой обла-

сти. Это было бы заблуждением. Актуальность исследований связей группового, точнее сказать, популяционного интеллекта с различными переменными уж во всяком случае не уменьшилась. В частности, представляется важным выполнение двух задач. Во-первых, в большинстве исследований связей интеллекта на международном уровне использовались оценки национальных IQ, приведенные Р. Линном и Т. Ванханеном в 2006 г. За последующие годы были получены новые данные, что привело к пересмотру списка оценок. В 2010 г. Р. Линн опубликовал статью (Lynn, 2010b), в которой дал оценки IQ ряда стран, для которых в 2006 г. данных не имелось, а также изменил некоторые оценки 2006 г. на основе результатов новых исследований. Так, оценка национального IQ в Польше снизилась с 99 до 95, в Румынии — с 94 до 91⁴. Всего были поставлены или изменены оценки для 41 страны. Это довольно значительное изменение списка оценок, и автор рекомендует использовать новые оценки в исследованиях связей национального IQ с другими национальными показателями. Отсюда с очевидностью вытекает задача пересчета корреляций, вычисленных с использованием старого списка оценок национальных IQ. Представляется целесообразным использовать при этом последние по времени демографические показатели.

недостатка) рождений по сравнению со смертностью и баланса мигрантов, въезжающих в страну и выезжающих из нее. Русское название показателя дано по: «Страны мира» (<http://iformatsiya.ru/tab1/531-temp-prirosta-naseleniya-2010.html>).

⁴ Национальные IQ выражены в шкале, в которой среднее IQ Великобритании взято за 100, а стандартное отклонение внутри страны — за 15.

Во-вторых, представляется недостаточно изученным вопрос об «области валидности» сообщаемых коэффициентов корреляции. Можно ли быть уверенным в том, что связь двух переменных одинаково тесна на всем диапазоне оценок? Не имеем ли мы иногда дела со случаем групп с разными средними? Когда мы работаем с национальными показателями, такие вопросы приобретают особую остроту и от ответа на них зависит возможность распространения полученных результатов. А для ответа на эти вопросы необходим более детальный, не ограничивающийся сообщением коэффициента корреляции анализ изучаемой связи. Конечно, нельзя сказать, что подобным анализом всегда пренебрегают. Напротив, книга Р. Линна и Т. Ванханена (2006) дает обратный пример. К сожалению, не все последующие работы этому примеру следовали. Да и анализ Р. Линна и Т. Ванханена представляется не во всех случаях исчерпывающим.

Исследование, описанное в данной статье, нацелено на прояснение (разумеется, неполное) двух обозначенных вопросов. Во-первых, мы рассчитали корреляции обновленных оценок национальных IQ с рождаемостью, младенческой смертностью и ожидаемой продолжительностью жизни. К сожалению, мы не смогли включить в исследование еще одну важную переменную — преступность, так как не располагаем соответствующими международными данными. Во-вторых, мы проследили, сохранятся ли эти корреляции, если включать в анализ только страны, населенные преимущественно европейцами, и попытались объ-

яснить соотношение показателей для некоторых стран.

Показатели

Оценки национальных IQ были взяты из книги Р. Линна и Т. Ванханена (Lynn, Vanhanen, 2006) и статьи Р. Линна (Lynn, 2010b). В анализ включались только страны и территории, где осуществлялось прямое измерение IQ с помощью психологических тестов. Данные о рождаемости, младенческой смертности и ожидаемой продолжительности жизни (оценки 2011 г.) были взяты из «Книги фактов». В качестве показателя рождаемости используется общий коэффициент рождаемости (число рождений за год на 1000 человек населения); показателем младенческой смертности является число смертей в течение первого года жизни за год на 1000 родившихся живыми детей; показателем ожидаемой продолжительности жизни является среднее число лет, которое проживут люди, рожденные в данном году, если смертность в каждом возрасте останется в будущем постоянной. При выборе конкретного показателя младенческой смертности мы руководствовались возможностью распространения в последующей работе полученных результатов на регионы Российской Федерации. Мы располагаем всеми четырьмя показателями для 129 государств и территорий, на этом материале и проводится анализ.

Результаты и обсуждение

В таблице 1 представлены оценки национального IQ вместе с данными

Таблица 1

**Оценки национального IQ, показатели рождаемости, младенческой смертности
и ожидаемой продолжительности жизни для 129 государств и территорий**

Страна или территория	Национальный IQ	Общий коэффициент рождаемости	Младенческая смертность	Ожидаемая продолжительность жизни
Гонконг	108	7.49	2.9	82.04
Сингапур	108	8.5	2.32	82.14
Южная Корея	106	8.55	4.16	79.05
Китай	105	12.29	16.06	74.68
Тайвань	105	8.9	5.18	78.32
Япония	105	7.31	2.78	82.25
Исландия	101	13.29	3.2	80.9
Швейцария	101	9.53	4.08	81.07
Австрия	100	8.67	4.32	79.78
Великобритания	100	12.29	4.62	80.05
Монголия	100	20.93	37.26	68.31
Нидерланды	100	10.23	4.59	79.68
Норвегия	100	10.84	3.52	80.2
Бельгия	99	10.06	4.33	79.51
Германия	99	8.3	3.54	80.07
Канада	99	10.28	4.92	81.38
Новая Зеландия	99	13.68	4.78	80.59
Финляндия	99	10.37	3.43	79.27
Хорватия	99	9.6	6.16	75.79
Швеция	99	10.18	2.74	81.07
Эстония	99	10.45	7.06	73.33
Австралия	98	12.33	4.61	81.81
Дания	98	10.29	4.24	78.63
Испания	98	10.66	3.39	81.17
США	98	13.83	6.06	78.37
Франция	98	12.29	3.29	81.19
Чешская Республика	98	8.7	3.73	77.19
Венгрия	97	9.6	5.31	74.79
Италия	97	9.18	3.38	81.77
Мальта	97	10.35	3.69	79.72
Россия	97	11.05	10.08	66.29
Словакия	96	10.48	6.59	75.83
Словения	96	8.85	4.17	77.3

Таблица 1 (продолжение)

Страна или территория	Национальный IQ	Общий коэффициент рождаемости	Младенческая смертность	Ожидаемая продолжительность жизни
Уругвай	96	13.52	9.69	76.21
Израиль	95	19.24	4.12	80.96
Польша	95	10.01	6.54	76.05
Португалия	95	9.94	4.66	78.54
Украина	95	9.62	8.54	68.58
Босния и Герцеговина	94	8.89	8.67	78.81
Вьетнам	94	17.07	20.9	72.18
Аргентина	93	17.54	10.81	76.95
Болгария	93	9.32	16.68	73.59
Армения	92	12.85	18.85	73.23
Греция	92	9.21	5	79.92
Ирландия	92	16.1	3.85	80.19
Малайзия	92	21.08	15.02	73.79
Литва	91	9.29	6.27	75.34
Румыния	91	9.55	11.02	73.98
Таиланд	91	12.95	16.39	73.6
Бермуды	90	11.42	2.47	80.71
Турция	90	17.93	23.94	72.5
Чили	90	14.33	7.34	77.7
Лаос	89	26.13	59.46	62.39
Маврикий	89	13.97	11.52	74.48
Острова Кука	89	15.37	15.81	74.7
Сербия	89	9.19	6.52	74.32
Суринам	89	16.42	17.61	74.22
Мексика	88	19.13	17.29	76.47
Эквадор	88	19.96	19.65	75.73
Боливия	87	24.71	42.16	67.57
Бразилия	87	17.79	21.17	72.53
Индонезия	87	18.1	27.95	71.33
Ирак	87	28.81	41.68	70.55
Кувейт	87	21.32	8.07	77.09
Коста-Рика	86	16.54	9.45	77.72
Тонга	86	25.27	13.65	75.16
Филиппины	86	25.34	19.34	71.66

Таблица 1 (продолжение)

Страна или территория	Национальный IQ	Общий коэффициент рождаемости	Младенческая смертность	Ожидаемая продолжительность жизни
Иордания	85	26.79	16.42	80.05
Куба	85	9.99	4.9	77.7
Новая Каледония	85	16.28	5.71	76.75
Оман	85	24.15	15.47	74.22
Перу	85	19.41	22.18	72.47
Фиджи	85	21.11	11	71.31
Венесуэла	84	20.1	20.62	73.93
Иран	84	18.55	42.26	70.06
Колумбия	84	17.49	16.39	74.55
Маршалловы Острова	84	29.11	23.74	71.76
Пакистан	84	24.81	63.26	65.99
Парагвай	84	17.48	23.02	76.19
Пуэрто-Рико	84	11.35	8.07	78.92
Тунис	84	17.4	25.92	75.01
Египет	83	24.63	25.2	72.66
Йемен	83	33.49	55.11	63.74
Катар	83	15.48	12.05	75.7
Ливия	83	24.04	20.09	77.65
Марокко	83	19.19	27.53	75.9
Папуа – Новая Гвинея	83	26.44	43.29	66.24
Доминиканская Республика	82	19.67	22.22	77.31
Индия	82	20.97	47.57	66.8
Ливан	82	15.02	15.85	75.01
Мадагаскар	82	37.51	51.45	63.63
Бангладеш	81	22.98	50.73	69.75
Бахрейн	81	14.64	10.43	78.15
Гондурас	81	25.14	20.44	70.61
Барбадос	80	12.35	11.86	74.34
Саудовская Аравия	80	19.34	16.16	74.11
Гватемала	79	26.96	26.02	70.88
Сирия	79	23.99	15.62	74.69
Шри-Ланка	79	17.42	9.7	75.73
Непал	78	22.17	44.54	66.16

Таблица 1 (продолжение)

Страна или территория	Национальный IQ	Общий коэффициент рождаемости	Младенческая смертность	Ожидаемая продолжительность жизни
Сенегал	77	36.73	56.42	59.78
Судан	77	36.12	68.07	55.41
Руанда	76	36.74	64.04	58.02
Уганда	73	47.49	62.47	53.24
Зимбабве	72	31.86	29.5	49.64
Кения	72	33.54	52.29	59.48
Намибия	72	21.48	45.59	52.19
Танзания	72	32.64	66.93	52.85
ЮАР	72	19.48	43.2	49.33
Ботсвана	71	22.31	11.14	58.05
Гана	71	27.55	48.55	61
Замбия	71	44.08	66.6	52.36
Сент-Винсент и Гренадины	71	14.62	14.27	74.15
Ямайка	71	19.2	14.6	73.45
Нигерия	69	35.51	91.54	47.56
Эфиопия	69	42.99	77.12	56.19
Мали	68	45.62	111.35	52.61
Гвинея	67	36.9	61.03	58.11
Доминика	67	15.62	12.78	75.98
Конго (Заир)	65	37.74	78.43	55.33
Гамбия	64	34.19	71.67	63.51
Камерун	64	33.04	60.91	54.39
Конго (Браззавиль)	64	40.55	76.05	54.91
Мозамбик	64	39.62	78.95	51.78
Сьерра-Леоне	64	38.46	78.38	56.13
Центрально-Африканская Республика	64	36.46	99.38	50.05
Сент-Люсия	62	14.63	12.72	76.84
Малави	60	40.85	81.04	51.7

о рождаемости, младенческой смертности и ожидаемой продолжительности жизни для 129 стран и территорий.

В таблице 2 приведены интеркорреляции переменных из таблицы 1.

Полученные нами корреляции очень близки к сообщавшимся в посвященной данному вопросу литературе. Мы уже приводили значения показателей связи национального IQ с рождаемостью, полученные другими исследователями. Здесь добавим, что коэффициент корреляции между национальным IQ и общим коэффициентом рождаемости (Shatz, 2008), равный -0.75 , был получен при использовании непересмотренных оценок IQ 111 стран, а показатели рождаемости были взяты автором из «Книги фактов» в 2005 и 2007 гг. В другой работе (Lynn, Harvey, 2008), в которой был получен коэффициент корреляции -0.73 , использовались данные по рождаемости за 2000 г. Эти значения корреляции, как и приводимое Р. Линном (Lynn, 2011) значение, полученное другим автором (-0.83), весьма близки к нашему. Что касается связи национального IQ с младенческой смертностью, то в

книге Р. Линна и Т. Ванханена (Lynn, Vanhanen, 2006) приводится коэффициент корреляции, равный -0.771 , для расчета которого использовались данные о младенческой смертности за 2002 г. Расхождение с нашими данными совсем незначительное. Наконец, и показатель связи национального IQ с ожидаемой продолжительностью жизни очень близок к приводимому в книге Р. Линна и Т. Ванханена (точнее, Р. Линн и Т. Ванханен приводят для 113 стран, для которых на тот момент имелись измерения IQ, объясняемую долю дисперсии, равную 60%, что примерно соответствует корреляции 0.775). Результаты нашего исследования, таким образом, нисколько не нарушают общей согласованной картины.

Столь высокие и устойчивые показатели связи между национальным IQ и демографическими индексами как будто бы дают основание предсказывать одну из этих переменных по другой, используя уравнения регрессии. Но не будем торопиться с выводами. Высокие коэффициенты корреляции могут появляться за счет того, что выборка составлена из групп с различными средними по

Таблица 2

Корреляционная матрица для переменных из таблицы 1 по всем странам и территориям

	Общий коэффициент рождаемости	Младенческая смертность	Ожидаемая продолжительность жизни
Национальный IQ	-0.784^{***}	-0.747^{***}	0.766^{***}
Общий коэффициент рождаемости		0.894^{***}	-0.837^{***}
Младенческая смертность			-0.892^{***}

*** – $p < 0.001$

обеим переменным, в то время как внутри этих групп связи нет. Помимо того, что игнорирование такой возможности может привести к общему неверному выводу, оно может иметь следствием использование негодного средства предсказания, когда уравнение регрессии, рассчитанное на всей выборке, применяется для предсказания различий внутри групп. Чтобы иметь возможность предсказать различия внутри какой-то группы, необходимо получить средства предсказания на максимально приближенном к ней материале.

В плане решения перспективной задачи распространения результатов на регионы РФ, страны, населенной преимущественно европейцами, нас будет интересовать, главным образом, в какой мере представленные в таблице 2 корреляции сохранятся внутри подмножества стран, также населенных в основном европейцами, насколько они справедливы для одних европейских популяций.

В таблице 3 представлены интеркорреляции четырех рассматриваемых показателей для стран, располо-

женных в Европе, включая Россию, а также для четырех стран, расположенных вне Европы, но населенных преимущественно европейцами (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), всего для 36 стран.

Как можно видеть, коэффициенты корреляции национального IQ с демографическими показателями, вычисленные на множестве населенных европейцами государств, много ниже, чем вычисленные на более широком множестве стран. Но их снижение неравномерно. Если корреляции IQ с младенческой смертностью и продолжительностью жизни являются значимыми и на множестве европейских стран, то корреляция IQ с рождаемостью на этом множестве незначима, более того, она изменила знак. И действительно, например, балканские государства, имеющие низкий по европейским масштабам национальный IQ, характеризуются и чуть более низкой по сравнению со многими европейскими странами с более высоким IQ рождаемостью (см. таблицу 1).

Таким образом, если в пределах европейского культурного ареала

Таблица 3

Корреляционная матрица для переменных из таблицы 1 по странам и территориям, населенным преимущественно европейцами

	Общий коэффициент рождаемости	Младенческая смертность	Ожидаемая продолжительность жизни
Национальный IQ	0.149	-0.499**	0.410*
Общий коэффициент рождаемости		-0.194	0.241
Младенческая смертность			-0.698***

* – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$; *** – $p < 0.001$

национальный IQ как предиктор рождаемости определенно не работает, то как предиктор младенческой смертности и ожидаемой продолжительности жизни он как будто бы сохраняет свою силу (что относится и к предсказанию в обратном направлении). Однако ряд аномалий в приведенных выше данных побуждает нас к осторожности. Так, обращаясь к таблице 1, мы видим, что не всегда высокий национальный IQ обеспечивает низкий уровень младенческой смертности. Две граничащие страны, Китай и Монголия, с оценками национального IQ 105 и 100 соответственно, имеют показатели младенческой смертности, характерные для стран с IQ много ниже. Приведем в качестве еще одного контр-примера отсутствующую в таблице 1 страну — Северную Корею, IQ в которой едва ли намного отличается от IQ в Южной Корее. Показатели рождаемости, младенческой смертности и продолжительности жизни для этой страны составляют 14.51, 27.11 и 68.89 соответственно (сравните с 8.55; 4.16 и 79.05 для Южной Кореи). Все три страны — Китай, Монголия и Северная Корея — либо являются социалистическими, либо имеют социалистическое прошлое и этим отличаются от других азиатских стран с очень высоким IQ и хорошими демографическими показателями. Но и это объяснение не может нас удовлетворить: социалистическое государство в другой части земного шара, Куба, имеет демографические показатели намного лучшие, чем можно ожидать исходя из ее IQ (см. таблицу 1). Скорее, здесь можно подозревать эффект взаимодействия политической докт-

рины с некоторыми культурными особенностями стран.

Немало аномалий можно найти и в пределах европейского культурного ареала. Так, например, Литва и Эстония, в прошлом республики бывшего СССР, разница национальных IQ которых составляет добрую половину стандартного отклонения в пользу Эстонии, имеют мало различающиеся показатели детской смертности (более того, в Эстонии он несколько выше).

В целом складывается следующая картина «поведения» трех рассматриваемых демографических показателей относительно национального IQ. Связь рождаемости с IQ в верхней части как распределения оценок IQ, так и распределения индекса рождаемости в лучшем случае слабая. Страны с низкой рождаемостью в основном либо принадлежат к европейскому культурному ареалу, либо находятся под его сильным культурным влиянием. Именно европейская культура претерпела за последние 150–200 лет изменения, трансформировавшие ее до полной неузнаваемости. К таким изменениям относятся изменения репродуктивного поведения и института семьи. Можно предположить, что социальные институты и модели поведения, приводящие к снижению рождаемости, перенимаются достаточно легко, для заимствования этих «новшеств» достаточно не очень высокого интеллекта. Этим объясняется то, что мы не находим больших различий показателей рождаемости в области распространения европеизации, несмотря на заметный разброс оценок интеллекта. А то, что на периферии европейского ареала

(например, на Баланах) рождаемость зачастую оказывается даже ниже, чем в центре, приводит к двум объяснениям данного факта. Первое: более высокий интеллект оказывает сдерживающее влияние на снижение рождаемости, служит противовесом культурным новообразованиям, приводящим к этому снижению. С этим объяснением, однако, не согласуются очень низкие показатели рождаемости в четырех весьма европеизированных и характеризующихся очень высоким IQ восточноазиатских регионах — Гонконге, Сингапуре, Южной Корее, Тайване. Второе объяснение заключается в том, что несколько менее катастрофическая картина в центре европейского ареа-

ла является примером известного явления большей устойчивости к вредоносному фактору⁵ его исконного носителя.

В отличие от показателей рождаемости, показатели младенческой смертности и продолжительности жизни демонстрируют связь с психометрическим интеллектом и тогда, когда мы исключаем из анализа страны с низким национальным IQ. Навыки поведения и общественные условия, приводящие к росту этих показателей, так просто нельзя импортировать. Но тут мы встречаемся с тем, что, помимо интеллекта, на данные показатели действуют другие, достаточно сильные факторы, природа которых не прояснена.

Литература

Bartels J.M., Ryan J.J., Urban L.S., Glass L.A. Correlations between estimates of state IQ and FBI crime statistics // *Personality and Individual Differences*. 2010. 48. 579–583.

Beaver R.M., Wright J.P. The association between country-level IQ and country-level crime rates // *Intelligence*. 2011. 39. 22–26.

Lynn R. In Italy, north-south differences in IQ predict differences in income, education, infant mortality, stature, and literacy // *Intelligence*. 2010a. 38. 93–100.

Lynn R. National IQs updated for 41 nations // *Mankind Quarterly*. 2010b. 50. 275–296.

Lynn R. DYSGENICS: Genetic Deterioration in Modern Populations. Second Revised Edition. Ulster Institute for Social Research, 2011.

Lynn R., Harvey J. The decline of the world's IQ // *Intelligence*. 2008. 36. 112–120.

Lynn R., Mikk J. National differences in intelligence and educational attainment // *Intelligence*. 2007. 35. 115–121.

Lynn R., Mikk J. National IQs predict educational attainment in math, reading and science across 56 nations // *Intelligence*. 2009. 37. 305–310.

Lynn R., Vanhanen T. IQ and global inequality. Augusta, GA: Washington Summit Publishers, 2006.

⁵ Парадоксально, но к низким значениям коэффициента рождаемости, свидетельствующим, по сути дела, о вымирании, адресуются иногда как к положительному показателю. Не смогли этого избежать и мы в данном тексте.

McDaniel M.A. Estimating state IQ: Measurement challenges and preliminary correlates // *Intelligence*. 2006. 34. 607–619.

Pesta B.J., McDaniel M.A., Bertsch S. Toward an index of well-being for the fifty U.S. states // *Intelligence*. 2010. 38. 160–168.

Reeve C.L., Basalik D. A state level investigation of the association among intellectual capital, religiosity and reproductive health // *Intelligence*. 2011. 39. 64–73.

Shatz S.M. IQ and fertility: A cross-national study // *Intelligence*. 2008. 36. 109–111.

Григорьев Андрей Александрович, заведующий лабораторией МГППУ, доктор филологических наук, доцент

Контакты: andrey4002775@yandex.ru

Сухановский Владимир Юрьевич, руководитель группы Научно-технического центра «Гектор», психолог

Контакты: msvoov@yandex.ru

ОЦЕНКА СВЯЗИ ВОСПРИЯТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНТОНАЦИИ РЕЧИ С КОМПОНЕНТАМИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е.С. ДМИТРИЕВА, В.Я. ГЕЛЬМАН, К.А. ЗАЙЦЕВА, А.М. ОРЛОВ

Резюме

Исследовалась связь эффективности и времени распознавания эмоциональной просодики речи испытуемыми с составляющими их эмоционального интеллекта, измеренными методом самоотчета (опросник ЭМИн). Было показано, что результаты опросника в определенной степени отражают когнитивную составляющую эмоционального интеллекта, связанную с восприятием эмоциональной интонации речи в различных условиях акустической среды. Наиболее сильная прямая связь наблюдалась между эффективностью распознавания эмоций и шкалой «понимание эмоций» и субшкалами «понимание своих эмоций» и «понимание чужих эмоций» опросника ЭМИн.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, распознавание эмоциональных интонаций речи, эффективность, время реакции, опросник ЭМИн.

В последние годы проводились многочисленные исследования эмоционального интеллекта (ЭИ), однако до сих пор остается невыясненным целый ряд аспектов, касающихся как церебральных механизмов, которые могут лежать в основе формирования эмоционального интеллекта, так и методов измерения его

компонентов (Mayer et al., 1999; Izard, 2001; Робертс и др., 2004).

Согласно современным представлениям основными составляющими ЭИ принято считать: когнитивные способности (скорость и точность переработки эмоциональной информации); представления об эмоциях (как о ценностях, как о важном

источнике информации о себе самом и о других людях и т.п.); особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность и т.п.) (Люсин, 2004). Для дальнейшего понимания ЭИ, очевидно, необходимы исследования, которые позволят связать компоненты ЭИ с психическими процессами, обуславливающими индивидуальные различия в понимании эмоций и управлении ими.

Проведенный анализ психометрических свойств методик, представляющих два подхода к измерению ЭИ («объективные» тесты, состоящие из заданий, похожих на задания традиционных интеллектуальных тестов, и опирающиеся на модели способностей, и опросники, опирающиеся на самоотчет), показывает, что они слабо коррелируют друг с другом (Робертс и др., 2004).

Учитывая широкое распространение тестов ЭИ, основанных на использовании опросников, представляется оправданным исследовать, насколько точно тесты, основанные на самоотчете, отражают психофизиологические механизмы ЭИ.

Валидизация методик на измерение ЭИ сталкивается с тем, что довольно трудно выбрать внешний критерий, свидетельствующий о высоком или низком развитии эмоционального интеллекта. Данные метода, который используется для этого и который заключается в сопоставлении баллов тестов ЭИ с успешностью выполнения испытуемыми различных заданий на понимание чужих и своих собственных эмоций, пока недостаточно широко представлены в литературе (Есин, 2006; Dmitrieva et al., 2011). В то же

время существуют хорошо разработанные методики, измеряющие психофизиологические, поведенческие характеристики распознавания эмоций в различных стимулах (чаще в выражениях лиц, реже в голосах, музыкальных отрывках), которые обычно не рассматривались как тесты для измерения ЭИ.

В соответствии с изложенным, представляется интересным оценить связь компонентов эмоционального интеллекта с психофизиологическими характеристиками восприятия эмоциональной интонации речи в различных условиях акустической среды. В исследовании предлагается использовать хорошо разработанные психофизические методики (Морозов, 1977; Juslin, Scherer, 2005), измеряющие способность распознавать эмоциональную просодию в речевых сигналах.

Методика

Для проведения исследования была разработана методика, обеспечивающая сопоставление когнитивных составляющих эмоционального интеллекта с данными эффективности и времени распознавания речевых сигналов разных эмоциональных интонаций (положительной, отрицательной, нейтральной).

Использовалась тестовая программа для оценки реакции испытуемого на стимулы с различными эмоциональными валентностями (Гельман и др., 1998; Дмитриева и др., 2000). Тест создан на основе специально набранного массива речевых сигналов, различающихся своей эмоциональной просодикой (Дмитриева и др., 2009). При создании массива

применялся метод имитации эмоциональных интонаций (актерского моделирования) в одном и том же речевом высказывании (Морозов, 1977; Сидорова и др., 1978; Scherer et al., 1991).

В качестве речевого материала были выбраны простые повествовательные предложения, содержащие часто встречающиеся слова. Две фразы эмоционально нейтрального содержания, состоящие из восьми слогов, произносились с тремя различными эмоциональными интонациями (радость, гнев, безэмоционально).

Для теста экспертами был осуществлен выбор двух фраз, четырех лучших дикторов (двух мужчин и двух женщины) и лучших реализаций каждого диктора по каждой эмоции. Фразы выравнились по мощности и смешивались с белым шумом, обеспечивая отношение сигнал/шум 12 дБ (Дмитриева и др., 2011).

В тесте использован метод бинаурального (через головные телефоны) предъявления звуковых стимулов. В режиме проведения исследования испытуемому в случайной последовательности предъявлялись подготовленные тестовые послышки (48 реализаций: 4 диктора \times 2 фразы \times 3 эмоциональные интонации \times 2 уровня шума) и регистрировалось его ответы — нажатия на одну из трех клавиш пульта экспериментальной установки. Одновременно с оценкой типа эмоции регистрировалось время реакции испытуемого.

Исследования по восприятию эмоций проводились на выборке, состоящей из 42 взрослых испытуемых. Были выделены четыре воз-

растные группы: 1-я — 20–34 лет (10 человек), 2-я — 35–49 лет (10 человек), 3-я — 50–64 лет (12 человек) и 4-я — 65–79 лет (10 человек). Количество мужчин и женщин в группах было примерно одинаковым.

Затем эти же испытуемые приняли участие в исследовании эмоционального интеллекта с использованием опросника ЭМИн (Люсин, 2009). Этот опросник был выбран как наиболее представительный из методик, применяемых в России, он базируется на наборе важнейших конструктов, лежащих в основе эмоционального интеллекта (Робертс и др., 2004).

Опросник ЭМИн состоит из 46 утверждений, по отношению к которым испытуемый должен выразить степень своего согласия, используя 4-балльную шкалу. Эти утверждения объединяются в пять субшкал, которые составляют четыре шкалы более общего порядка (внутриличностный и межличностный ЭИ, способность к пониманию и управлению эмоциями).

Анализ результатов исследования проводился с использованием статистического пакета SPSS. Методом дисперсионного анализа (RM ANOVA) определялось влияние различных экспериментальных факторов на успешность и время реакции распознавания эмоций, а также с помощью критерия Стьюдента проверялась достоверность попарных различий. Связь составляющих эмоционального интеллекта с данными характеристик восприятия эмоциональной просодики речевых сигналов осуществлялась с использованием корреляционного анализа.

Результаты и их обсуждение

Были проведены тестовые исследования, в которых были получены данные по эффективности (ЭР) и времени распознавания (ВР) эмоциональной интонации слушателями.

Результаты дисперсионного анализа показали, что значимым фактором как для ЭР, так и для ВР является тип эмоции. Пол испытуемых влияет только на ВР. Из сочетаний факторов на ЭР оказывают влияние «отношение сигнал/шум» \times «тип эмоции», «отношение сигнал/шум» \times «возраст слушателей» (Дмитриева, Гельман, 2011).

Восприятие эмоциональной интонации речи зависело от условий акустической среды. При отсутствии шумовой помехи ЭР эмоций с возрастом оставалась примерно на одном уровне, и затем в старшей возрастной группе (65–79 лет) происходило ее снижение (рисунок 1А). На фоне шума ЭР эмоциональной инто-

нации «радость» снижалась наиболее сильно для слушателей всех возрастов (20–79 лет); ЭР интонации «гнев» не изменялась для слушателей 65–79 лет (рисунок 1Б).

Время реакции в целом у женщин меньше, чем у мужчин. На рисунке 2 видно, что у мужчин имеется минимум ВР в возрастной группе 35–49 лет, у женщин до 65 лет ВР практически не изменяется, а в старшей возрастной группе (> 65 лет) наблюдается достоверное снижение ВР.

Для выявления связи характеристик эмоционального интеллекта с полученными параметрами восприятия речевых сигналов разных эмоциональных интонаций у тех же испытуемых была проведена оценка ЭИ с помощью опросника ЭИИ (таблица 1).

У мужчин средние значения оказались выше практически по всем шкалам (кроме шкал «Межличностный эмоциональный интеллект» и «Управление чужими эмоциями»). Эти результаты достаточно близко

Рисунок 1

Изменения эффективности распознавания различных эмоциональных интонаций:
(А) – в отсутствие шума, (Б) – на фоне шума

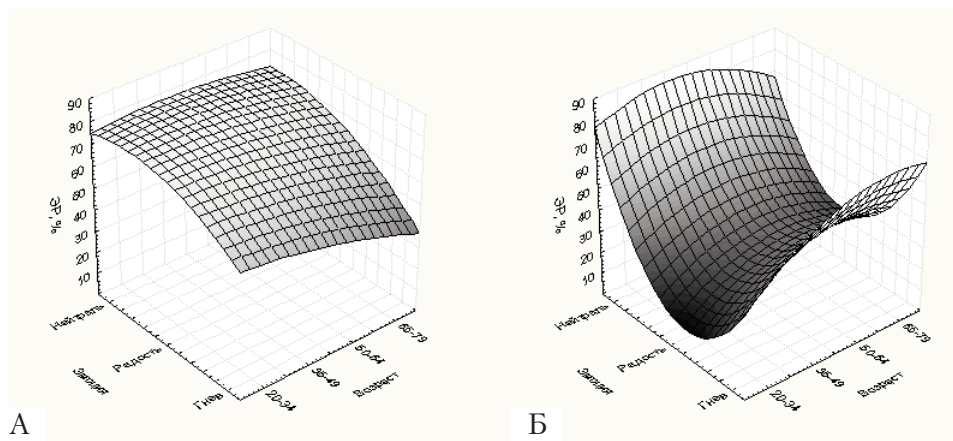

Рисунок 2

Возрастные изменения времени распознавания эмоциональных интонаций слушателями разных полов (сплошная линия — мужчины, пунктир — женщины).

По горизонтали — возраст испытуемых; по вертикали — время реакции распознавания

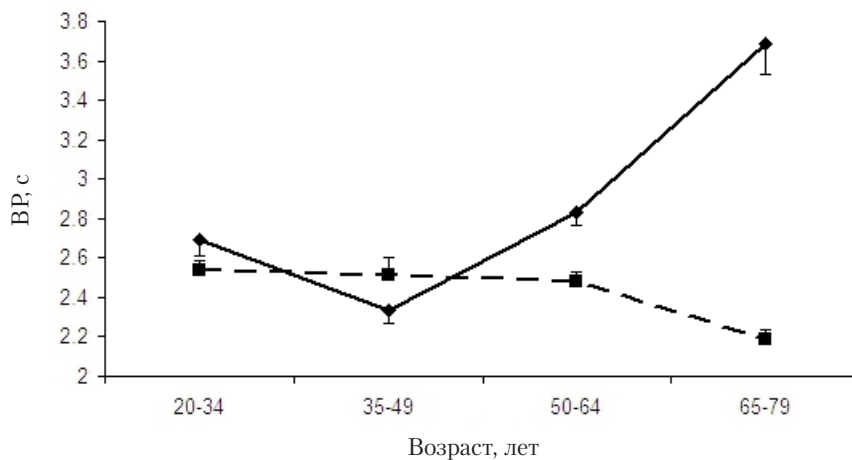

Таблица 1

Результаты обследования испытуемых по опроснику ЭМИн

Шкала, субшкала	Мужчины		Женщины	
	Среднее	Станд. ошибка	Среднее	Станд. ошибка
МЭИ (межличностный ЭИ)	37.71	2.63	39.18	1.73
ВЭИ (внутриличностный ЭИ)	46.29	2.87	39.27	3.48
ПЭ (понимание эмоций)	44.01	2.23	38.91	2.50
УЭ (управление эмоциями)	40.03	4.54	39.55	2.46
МП (понимание чужих эмоций)	22.29	1.58	21.82	1.10
МУ (управление чужими эмоциями)	15.43	1.81	17.36	0.70
ВП (понимание своих эмоций)*	21.71	1.06	17.09	1.55
ВУ (управление своими эмоциями)	13.29	2.20	12.09	1.10
ВЭ (контроль экспрессии)	11.29	0.99	10.09	1.21

* — значимая разница между мужчинами и женщинами

совпадают с данными, полученными Д.В. Люсиным (Люсин, 2009) на существенно большем экспериментальном материале. Однако в нашей работе разница между баллами составляющих эмоционального интеллекта для мужчин и женщин значима только по шкале «Понимание своих эмоций» (по-видимому, из-за меньшего размера выборки).

Были обнаружены умеренные связи результатов теста ЭМИн с возрастом, полученные методом линейного корреляционного анализа: ВУ ($r = -0.42$, УЭ ($r = -0.39$), ВЭИ ($r = -0.36$) и ВЭ ($r = -0.28$) (строка «возраст», таблица 2). Отметим, что связь везде обратная, т.е. с возрастом указанные показатели ЭИ ухудшаются.

Корреляционный анализ ЭР и ВР и составляющих эмоционального интеллекта, полученных по результатам теста ЭМИн (таблица 2), выявил определенные взаимосвязи.

Наиболее выраженные связи с результатами теста ЭМИн наблю-

даются у эффективности распознавания эмоциональных интонаций речи при отсутствии шума. Видно, что максимальная корреляция — между ЭР и ПЭ ($r = 0.52$), т.е. чем больше эффективность распознавания эмоций в психоакустическом тесте, тем выше понимание эмоций по опросному тесту ЭМИн. Несколько меньшая связь ($r = 0.48$) наблюдается между ЭР и ВП, а также между ЭР и МП ($r = 0.46$). На основании полученных результатов можно предположить, что ПЭ в большей мере отражает понимание чужих эмоциональных интонаций речи, чем МП.

Отметим, что полученные результаты существенно выше, чем корреляции между тестами («ветвь» иерархической модели «восприятие эмоций») и опросниками на ЭИ ($r = 0.20$) (MacCann et al., 2003).

Если рассматривать связь эффективности распознавания в шумах, то здесь наиболее выраженная корреляция обнаружена для другой группы связанных показателей (шкалы

Таблица 2

Матрица коэффициентов корреляций между шкалами и субшкалами опросника ЭМИн и эффективностью и временем распознавания

	МЭИ	ВЭИ	ПЭ	УЭ	МП	МУ	ВП	ВУ	ВЭ
ЭР, %	0.15	0.15	0.34	-0.01	0.34	-0.10	0.28	-0.15	0.27
ВР, с	0.14	0.15	0.47	-0.12	0.40	-0.19	0.43	-0.11	0.00
ЭР без шума, %	0.30	0.35	0.52	0.16	0.46	0.04	0.48	0.05	0.31
ВР без шума, с	0.07	0.11	0.39	-0.15	0.32	-0.23	0.37	-0.11	-0.04
ЭР с шумом, %	-0.06	-0.11	0.04	-0.19	0.12	-0.23	-0.02	-0.35	0.15
ВР с шумом, с	0.20	0.17	0.52	-0.10	0.46	-0.15	0.46	-0.11	0.03
Возраст	-0.14	-0.36	-0.12	-0.39	-0.01	-0.23	-0.18	-0.42	-0.28

«управление эмоциями»): ВУ ($r = -0.35$) и в меньшей степени МУ ($r = -0.23$). Причем связь обратная, т.е. чем лучше испытуемый распознает в шумах акустически выраженную эмоцию, тем хуже он управляет своими и чужими эмоциями, и наоборот. Хотя этот эффект проявляется относительно слабо.

Найдены корреляции также между ВР и показателями шкал и субшкал опросника ЭИИ. Наиболее выраженная связь при отсутствии шума имеется между ВР и ПЭ, ВП и МП ($r = 0.39$, $r = 0.37$ и $r = 0.32$ соответственно), что аналогично корреляциям, полученным для ЭР. Отметим наличие слабой обратной связи ВР с МУ ($r = -0.23$), т.е. чем лучше управление эмоциями, тем быстрее время реакции, и наоборот.

Наиболее сильные связи времени реакции при распознавании эмоций в условиях шума аналогичны связям ЭР в бесшумной среде: ПЭ ($r = 0.52$), ВП ($r = 0.46$) и МП ($r = 0.46$). Причем связь прямая, т.е. лучшее понимание эмоций обнаруживают слушатели, затрачивающие больше времени на распознавание эмоций в шумах. Демонстрировавшаяся при отсутствии шумов связь времени реакции с управлением эмоциями снизилась.

Просматривается некоторая зависимость: испытуемые, по тесту ЭИИ лучше управляющие эмоциями, меньше времени (усилий) затрачивают на распознавание эмоций при отсутствии шумового фона, в условиях шума у этих испытуемых ЭР понижается.

Сопоставление психофизиологических параметров восприятия эмоциональной интонации речи в раз-

личных условиях акустической среды с когнитивными составляющими эмоционального интеллекта, измеренными опросником ЭИИ, выявило наличие умеренной связи между ними. Это позволяет говорить о достаточной адекватности отражения тестами, основанными на самоотчете, характеристик эмоционального интеллекта, но малочисленность выборки не позволяет делать окончательные выводы и предполагает необходимость дальнейшего исследования.

Заключение

Проведенное исследование связи эффективности и времени распознавания эмоциональной просодики речи испытуемыми и составляющих их эмоционального интеллекта, оцениваемых методом самоотчета (опросник ЭИИ), показало, что результаты опросника в определенной мере отражают когнитивную составляющую эмоционального интеллекта, связанную с восприятием эмоциональной интонации речи в различных условиях акустической среды. Имеется средняя и умеренная связь между когнитивными способностями, заключающимися в скорости и точности переработки эмоциональной информации, измеренных с помощью психофизических тестовых методов, и результатами, полученными при оценке ЭИ на основе самоотчета.

Наиболее сильная прямая связь наблюдалась между эффективностью распознавания эмоций и шкалой «понимание эмоций» и субшкалами «понимание своих эмоций» и «понимание чужих эмоций» опросника

ЭМИн. Аналогичные результаты получены и для времени реакции, т.е. испытуемые, лучше понимающие эмоции по результатам опроса, в среднем лучше распознают эмоциональные интонации речи и затрачивают больше усилий (времени) при распознавании эмоциональных интонаций речи. Наиболее высокая корреляция была получена для шкалы «понимание эмоций», и хотя различия коэффициентов корреляции не достоверны, можно высказать предположение, что результаты шкалы «понимание эмоций» в большей мере отражают

фактическое понимание чужих эмоциональных интонаций речи, чем субшкалы «понимание чужих эмоций».

При распознавании эмоциональных интонаций речи в условиях шума просматривается слабая обратная связь эффективности распознавания с группой связанных показателей шкалы «управление эмоциями», а для времени реакции получена еще более сильная прямая связь с теми же результатами теста ЭМИн, что и без шума: шкалой «понимание эмоций» и субшкалой «понимание своих эмоций».

Литература

Гельман В.Я., Дмитриева Е.С., Немировская А.В. Психоакустическое тестирование с использованием компьютерных технологий // Физиология человека. 1998. Т. 24. № 2. С. 128–130.

Дмитриева Е.С., Гельман В.Я., Зайцева К.А. Восприятие эмоциональной компоненты речи заикающимися детьми на фоне шума. Сообщение I. Анализ эффективности опознавания различных эмоций // Физиология человека. 2000. Т. 26. № 3. С. 13–20.

Дмитриева Е.С., Гельман В.Я., Зайцева К.А., Орлов А.М. Влияние индивидуальных особенностей человека на акустические корреляты эмоциональной интонации речи // Журнал высшей нервной деятельности. 2009. Т. 59. № 5. С. 538–546.

Дмитриева Е.С., Гельман В.Я. Связь восприятия эмоциональной интонации речи в условиях помех с акустическими параметрами речевого сигнала у взрослых разного пола и возраста // Журнал высшей нервной деятельности. 2011. Т. 61. № 3. С. 306–316.

Есин И.Б. Специфика эмоционального слуха и эмоциональной экспрессивности речи у представителей различных профессий: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 2006

Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 29–36.

Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 264–278.

Морозов В.П. Биофизические основы вокальной речи. Л.: Наука, 1977.

Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 3–26.

Сидорова О.А., Симонов П.В., Цветкова Л.С. Методика изучения восприятия признаков эмоционального состояния человека // Журнал высшей нервной деятельности. 1978. Т. 28. № 2. С. 415–419.

Dmitrieva E., Gelman V., Zaitzeva K., Orlov A. Associations of psychophysiological characteristics of speech emotional prosody perception with EI measures in listeners of different ages // 11th European Conference on Psychological Assessment. Riga, 2011. P. 137.

Izard C.E. Emotional intelligence or adaptive emotions? // Emotion. 2001. 1. 249–257.

Juslin P.N., Scherer K.R. Vocal expression of affect // The new handbook of

methods in nonverbal behavior research. Oxford University Press, 2005. P. 65–135.

MacCann C., Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. Psychological assessment of emotional intelligence: A review of self-report and performance-based testing // International Journal of Organizational Assessment. 2003. 11. 247–274.

Mayer J.D., Caruso D., Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence // Intelligence. 1999. 27. 267–298.

Scherer K.R., Banse R., Wallbott H.G., Goldbeck T. Vocal cues in emotion encoding and decoding // Motivation and Emotion. 1991. 15. 123–148.

Дмитриева Елена Сергеевна, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН, кандидат биологических наук

Контакты: dmit49@mail.ru

Гельман Виктор Яковлевич, профессор Северо-Западного государственного медицинского университет им. И.И. Мечникова и Балтийской академии туризма и предпринимательства, доктор технических наук

Контакты: gelm@sg2104.spb.edu

Зайцева Кира Александровна, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН, кандидат биологических наук

Контакты: zaitseva@iephb.ru

Орлов Александр Михайлович, ведущий специалист Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН

Контакты: orlov@iephb.ru

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ОБ АТЕИСТАХ И ВЕРУЮЩИХ ЛЮДЯХ

Н.В. КОШЕЛЕВА, Е.Н. ОСИН

Резюме

В статье рассматривается проблема связи имплицитных представлений о верующих и атеистах с демографическими и мировоззренческими характеристиками носителей этих представлений. Описано исследование, посвященное изучению этой связи на выборке студентов (N = 216) с использованием методики «24 добродетели», опирающейся на концепцию личностных достоинств (К. Петерсон и М. Селигман). Обнаружены значимые различия между представлениями студентов о верующем и атеисте, а также связи содержания этих представлений с гендером и мировоззрением студентов. Склонность верить в сверхъестественное определяла степень содержательного соответствия представлений студентов о верующем и атеисте с их представлениями об идеале и о себе. Результаты ставят вопрос о взаимозависимости между развитием у субъекта определенных типов мировоззрения и его имплицитными представлениями о людях, которым эти типы присущи.

Ключевые слова: религиозная вера, атеизм, обыденные представления, имплицитные концепции личности, личностные достоинства, добродетели.

В последние годы как в теоретическом, так и в прикладном социально-гуманитарном знании одной из привлекательных для исследователей тем стала проблема выбора субъек-

ектами религиозного мировоззрения. Отношение к религии у постсоветской молодежи формируется в условиях отсутствия атеистической пропаганды, мировоззренческого

плюрализма и разнородных транслируемых ценностей. Очевидно, что изменения в политической, экономической, духовной сферах нашего общества отражаются на религиозных представлениях индивидов, на их идеологических убеждениях и мировоззренческих стереотипах, которые они вырабатывают и усваивают в ходе взросления.

С советских времен подразумевалось, что религиозность и атеизм не просто существуют в непересекающихся плоскостях, но являются логически несовместимыми характеристиками личности. Однако это убеждение, прочно укоренившееся в нашей культуре, в последнее время все чаще оспаривается. Атеизм связан с гуманистическим пафосом, религиозным вольнодумством, агностицизмом, религиозным индифферентизмом, религиозным скептицизмом, антиклерикализмом, богоборчеством (Кошелева, Казарян, 2011).

Можно предположить, что выбор субъектом религиозного или атеистического мировоззрения определяется не только особенностями общественной ситуации (соотношение верующих и атеистов, распределение их в различных поколенческих, субкультурных, профессиональных и т.п. стратах), но и имплицитными социальными концепциями, или обыденными представлениями: то, каким люди представляют себе «типичного верующего» и «типичного атеиста», с какими личностными качествами они связывают эти образы в своем сознании, может быть не последним фактором, определяющим их выбор собственной мировоззренческой позиции.

Понятие имплицитных концепций ввели в своих работах Дж. Бру-

нер и Р. Тагиури для объяснения феномена неосознаваемых взаимосвязей различных личностных черт в представлении людей (Bruner, Tagiuri, 1954). Это понятие разработал также Дж. Келли, связывавший имплицитные представления о личности других людей с собственными личностными особенностями их носителей (Kelly, 1955). Оригинальную методологию исследования имплицитных концепций предложил Р. Стернберг (Sternberg, 1985); социально-психологический подход к исследованию социальных представлений (форм обыденного знания) разрабатывается в работах С. Московичи (Московичи, 1995).

Имплицитные представления о личности верующих и атеистов в российской психологии еще не изучались, предпринятое нами исследование ставит целью заполнить этот пробел: во-первых, дать содержательное описание характеристик, которыми типичные российские студенты наделяют верующих и атеистов, а также проследить связь характеристик этих имплицитных представлений с демографическими и психологическими особенностями их носителей.

Исследование включало в себя две серии. На первом этапе студенты различных факультетов НИУ ВШЭ (Москва) составляли свободное описание «убежденного атеиста» и «глубоко верующего человека» (методика «Свободное описание»). Всего было опрошено 167 респондентов (59 юношей, 108 девушек, средний возраст — 18 лет). В результате контент-анализа их ответов было выделено свыше 60 свойств, присущих «атеисту» и «верующему человеку»,

из которых нами было выбрано по 30 наиболее часто упоминаемых характеристик. Результатом стало качественное описание целостных имплицитных концепций верующего и атеиста. Наиболее часто встречающимися в описаниях личности атеиста качествами были нигилизм, рационализм, рассудительность, прагматичность. Наиболее часто встречающимися в описаниях личности верующего качествами были доброта, моральность, неуверенность в себе, способность к пониманию других. Более подробно методология и результаты первой серии исследования представлены в других публикациях (Иванченко и др., 2009; Кошелева, Казарян, 2011). Полученное описание социальных представлений о «верующем» и «атеисте» привело к постановке вопроса о соотношении этих двух имплицитных концепций друг с другом и с личностными характеристиками носителей этих представлений.

Во второй серии исследования приняли участие 216 человек, студентов 1–2-х курсов различных факультетов НИУ ВШЭ (в том числе 93 юноши и 123 девушки, средний возраст — 18,8 года). Задачей настоящего исследования было количественное сопоставление имплицитных представлений студентов об атеисте и верующем человеке в рамках единой системы критериев и установление связей характеристик этих представлений с характеристиками самих студентов (пол, религиозные убеждения, представление о себе).

Методики

Мировоззрение. Как показывают имеющиеся данные, представления о

религиозности и атеизме у российской молодежи являются довольно размытыми (Mchedlov, 2001), поэтому субъективное отнесение респондентом себя к верующим или атеистам не выглядит валидным. Для идентификации мировоззренческой позиции респондентам предлагалось ответить на два вопроса: «Считаете ли вы, что на определенных этапах эволюции Вселенной не обошлось без божественного (сверхъестественного) вмешательства?» и «Согласны ли вы с точкой зрения, что после смерти бытие человека прекращается?» Ответы классифицировались на три категории: утвердительный, отрицательный и неуверенный. В соответствии с сочетаниями ответов респонденты были разделены нами на три группы с условными названиями:

– разделяющие веру в сверхъестественное (87 человек: 38 юношей, 49 девушек): ответ «да-нет»;

– не разделяющие веру в сверхъестественное (44 человека: 21 юноша, 23 девушки): ответ «нет-да»;

– «противоречивые» и «неуверенные» (73 человека: 28 юношей, 45 девушек): ответы «да-да», «нет-нет», либо ответ «не знаю» или «может быть» на один или оба вопроса.

Имплицитные концепции личности. Для изучения связи между представлениями респондентов о верующем и атеисте использовалась методика «24 добродетели», разработанная Е.Н. Осиним на основе опросника «Values-In-Action» К. Петерсона и М. Селигмана (см.: Буровихина и др., 2007). В варианте методики, использованном в настоящем исследовании, испытуемым предлагалось прочесть описания 24 добродетелей (позитивных личностных

черт, таких как доброта, любовь и др.), а затем оценить их важность («Насколько важным, по вашему мнению, данное качество является для человека?») и степень их развития («Как вы думаете, насколько вы обладаете каждым из этих качеств? Насколько оно развито у вас и проявляется в вашей жизни?») применительно к себе, атеисту («люди, совершенно не верящие в Бога») и верующему («глубоко религиозные люди»). Ответы на вопросы испытуемым предлагалось дать по 7-балльной шкале с инструкцией «Постарайтесь использовать всю шкалу». В дополнение к характеристике верующего и атеиста в терминах добродетелей студентам предлагалось указать пол и возраст типичного атеиста и типичного верующего.

Процедура

Исследование проводилось в часы обычных лекционных занятий студентов, анкета предъявлялась анонимно.

Результаты

Представления о гендере и возрасте типичного атеиста и типичного верующего и их связь с гендером и мировоззрением студентов

Были обнаружены статистически значимые различия ($p < 0.001$, критерий Уилкоксона) в представлениях студентов о верующем и атеисте: большинство респондентов (69.8%) приписывали типичному верующему женский пол, а типично-

му атеисту, напротив, мужской (70.1%). Типичный верующий, по мнению студентов, значительно старше типичного атеиста (средний возраст — 40.4 года для верующего и 28.8 для атеиста, стандартное отклонение — 20.0 и 16.3 соответственно; критерий Стьюдента для зависимых выборок $t(107) = 4.81, p < 0.001$).

Девушки значительно чаще приписывали типичному верующему женский пол, чем юноши (85.2% против 45.8%, $\chi^2(1) = 25.9, p < 0.001$). Юноши чаще приписывали типичному атеисту мужской пол, чем девушки (92.5% против 54.2%, $\chi^2(1) = 21.5, p < 0.001$). Значимых гендерных различий в представлении о возрасте атеиста и верующего обнаружено не было, как и различий, связанных с мировоззрением студентов (при этом статистически значимых связей между гендером респондентов и их мировоззрением также обнаружено не было).

Содержание и соотношение имплицитных концепций верующего и атеиста

Оценки верующего и атеиста в терминах 24 добродетелей (см. таблицу 1) показывают, что верующему и атеисту студенты приписывают различные наборы добродетелей (сравнение проводилось с помощью t -критерия Стьюдента для парных выборок). Значимо более характерными для верующего оказались способность прощать, благодарность, доброта, надежда, скромность, искренность, любовь, причастность общему делу, мудрость и чувство прекрасного, а также религиозность. Более характерными для атеиста

Таблица 1

Средние оценки верующего и атеиста по 24 добродетелям, проранжированным по важности (N = 166, жирным выделены оценки группы, значимо превышающие оценки другой группы)

Добродетель	Ранг	Верующий		Атеист		Значимость различий	
		М	SD	М	SD	d Коэна	t(208)
1. Благодарность	11	5.94	1.26	4.19	1.36	-1.34	11.93***
2. Благоразумие	8	5.01	1.49	5.04	1.34	0.02	1.03
3. Гибкость мышления	2	3.92	1.42	5.12	1.40	0.85	7.62***
4. Доброта	6	5.99	1.20	4.50	1.23	-1.23	11.41***
5. Жизненная энергия	1	4.90	1.41	5.35	1.34	0.33	2.33*
6. Интерес к учению	10	4.82	1.38	5.23	1.25	0.31	2.60**
7. Искренность	13	5.54	1.31	4.28	1.29	-0.97	8.85***
8. Креативность	17	3.86	1.49	4.99	1.46	0.77	5.73***
9. Лидерство	21	3.51	1.52	5.15	1.60	1.05	9.56***
10. Любовь	3	5.90	1.20	4.81	1.36	-0.85	7.83***
11. Любопытство	19	4.06	1.59	5.23	1.23	0.83	7.12***
12. Мудрость	7	5.18	1.21	4.63	1.46	-0.41	3.45***
13. Надежда	16	5.91	1.33	4.15	1.43	-1.28	11.17***
14. Непредвзятость	20	4.24	1.76	4.43	1.56	0.11	1.52
15. Причастность общему делу	22	5.38	1.51	4.15	1.39	-0.85	7.72***
16. Религиозность	24	6.64	1.04	1.91	1.70	-3.36	27.56***
17. Самоконтроль	9	5.01	1.48	4.77	1.34	-0.17	1.87
18. Скромность	23	5.42	1.38	3.86	1.37	-1.14	10.25***
19. Социальный интеллект	18	4.70	1.38	4.51	1.36	-0.14	1.43
20. Способность прощать	14	5.84	1.29	4.10	1.35	-1.32	12.32***
21. Упорство	5	4.48	1.54	5.33	1.35	0.59	5.16***
22. Храбрость	15	4.28	1.47	4.99	1.43	0.49	4.20***
23. Чувство прекрасного	12	5.11	1.56	4.63	1.47	-0.32	3.35***
24. Чувство юмора	4	3.86	1.66	5.29	1.61	0.88	7.41***

качествами оказались лидерство, чувство юмора, гибкость мышления, любопытство, креативность, упорство, храбрость, жизненная энергия и интерес к учению.

*Соотношение характеристик
имплицитных концепций
с гендером и мировоззрением
студентов*

Для анализа гендерных различий в оценках верующего и атеиста рассчитывалась разность между оценками верующего и атеиста, и далее этот показатель сравнивался у юношей и девушек. Сравнение показало, что девушки более четко дифференцируют верующего и атеиста по таким добродетелям, как лидерство ($t(198) = 3.23$; $p < 0.01$; $d = 0.46$), благодарность ($t(198) = 2.14$; $p < 0.05$; $d = 0.31$), храбрость ($t(198) = 2.04$; $p < 0.05$; $d = 0.30$), а юноши — по мудрости ($t(198) = 2.00$; $p < 0.05$; $d = 0.29$).

Сравнение разностей между оценками верующего и атеиста показало, что студенты, разделяющие веру в сверхъестественное, более склонны приписывать добродетели верующему, чем атеисту, по сравнению со студентами, не разделяющими веру в сверхъестественное. Наиболее выраженным этот эффект оказался для таких добродетелей, как благоразумие ($t(121) = 4.98$; $p < 0.001$; $d = 0.95$), чувство прекрасного ($t(121) = 3.90$; $p < 0.001$; $d = 0.74$), гибкость мышления ($t(121) = 3.70$; $p < 0.001$; $d = 0.71$), мудрость ($t(121) = 3.14$; $p < 0.01$; $d = 0.60$), любовь ($t(121) = 3.12$; $p < 0.01$; $d = 0.59$), любопытство ($t(121) = 2.83$; $p < 0.01$; $d = 0.54$), надежда ($t(121) = 2.70$; $p < 0.01$; $d = 0.52$). Умеренно выра-

женный эффект был получен для следующих добродетелей: чувство юмора ($t(121) = 2.32$; $p < 0.05$; $d = 0.44$), самоконтроль ($t(121) = 2.21$; $p < 0.05$; $d = 0.42$), искренность ($t(121) = 2.11$; $p < 0.05$; $d = 0.40$), способность прощать ($t(121) = 1.99$; $p < 0.05$; $d = 0.38$).

*Соотношение представлений
о верующем и атеисте
с представлением о себе*

Для анализа попарного соответствия профилей идеала (важность добродетелей), представления о себе, верующем и атеисте для каждого респондента между соответствующими рядами данных рассчитывались коэффициенты корреляции Пирсона, которые затем подвергались преобразованию Фишера в Z-оценки для обеспечения аддитивности (Наследов, 2004). Полученный показатель отражал степень содержательного соответствия между профилями оценок для каждого испытуемого.

В среднем по выборке были получены умеренные положительные показатели соответствия между идеалом и представлением о себе ($Z = 0.33$), идеалом и представлением об атеисте ($Z = 0.36$), а также представлением о себе и представлением об атеисте ($Z = 0.19$). Показатель соответствия между верующим и атеистом был отрицательным ($Z = -0.29$), а остальные два показателя — близкими к нулю (идеал-верующий: $Z = -0.04$, я-верующий: $Z = -0.01$).

Значимых гендерных различий по этому показателю обнаружено не было, однако при помощи однофакторного дисперсионного анализа

были обнаружены значимые различия между группами студентов, разделяющих веру в сверхъестественное, не разделяющих ее и промежуточной группой по степени соответствия между идеалом и представлением о себе ($F(2;179) = 3.40$; $p < 0.05$), идеалом и представлением об атеисте ($F(2;179) = 5.86$; $p < 0.01$), идеалом и представлением о верующем ($F(2;179) = 8.46$; $p < 0.001$), представлением о себе и представлением об атеисте ($F(2;179) = 5.99$; $p < 0.01$) (см. рисунок 1).

Студенты, не разделяющие веру в сверхъестественное, демонстрируют относительно высокое соответствие между характеристиками идеала, собственными характеристиками и характеристиками атеиста. При этом представление о верующем у них расходится с представлением об идеале. Студенты же, разделяющие веру в сверхъестественное, демонстрируют более низкое соответствие между всеми перечисленными рядами характеристик.

Двухфакторный дисперсионный анализ выявил значимый эффект взаимодействия между гендером и степенью соответствия «Идеал – Атеист» и «Я сам – Атеист»: картина убывания степени соответствия с возрастом религиозности более характерна для юношей, чем для девушек.

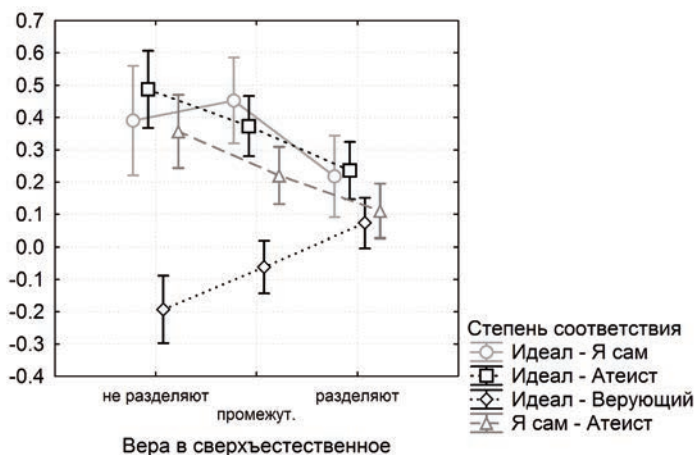
Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что образы верующего и атеиста связаны для студентов с принципиально различными наборами личностных достоинств: верующему студенты приписывают межличностные и духовные добродетели, тогда как атеисту – когнитивные и связанные с деятельностью.

Типичный верующий представляется студентам женщиной средних лет, а типичный атеист – относительно молодым мужчиной. При этом обнаруживается интересная

Рисунок 1

Степень соответствия между оценками различных объектов по добродетелям у студентов с различной степенью веры в сверхъестественное

гендерная асимметрия: у девушек более четкое представление о верующем как о женщине, а у юношей об атеисте — как о мужчине. Можно предположить, что для юношей именно фигура атеиста чаще выступает объектом для самоидентификации, тогда как для девушек это, напротив, фигура верующего. В сочетании с отсутствием значимых различий между юношами и девушками по мировоззренческим показателям это позволяет предположить относительную независимость содержания имплицитных концепций личности верующего и атеиста и привлекательности этих образов в глазах студентов от субъективного отношения к соответствующим мировоззренческим позициям.

Судя по результатам, в целом студенты более склонны идентифицировать себя с атеистом, чем с верующим, и выше ценить добродетели, приписываемые атеисту, чем верующему. Предсказуемо, что идентификация с атеистом более свойственна студентам, не разделяющим веру в сверхъестественное: судя по полученным данным, их представление о самих себе, об идеале и об атеисте довольно хорошо соотносится между собой. Вероятно, эти студенты обладают более четко оформленными идеалами и взглядами, вплоть до склонности к «черно-белому» мировоззрению, по сравнению со студентами, допускающими сверхъестественное. Последние, вероятно, обладают менее четкими и более размытыми идеалами. По сравнению со студентами, не верящими в сверхъестественное, они оценивают верующего как образ более близкий

к идеалу, а себя — как более далеких от идеала. Наблюдаемая картина может быть связана также с тем, что использованные нами для идентификации мировоззрения вопросы позволяют четко дифференцировать группу атеистов, но не позволяют столь же четко выделить группу верующих в рамках студенческой выборки.

Полученные данные свидетельствуют о наличии устойчивой связи между склонностью верить в сверхъестественное и содержанием имплицитных концепций верующего и атеиста. Причинный характер этой связи предстоит прояснить: являются ли собственные убеждения основанием для формирования стереотипов людей с аналогичными и противоположными убеждениями или же, напротив, имплицитные концепции личности верующего и атеиста, формирующиеся под влиянием опыта взаимодействия с людьми из непосредственного окружения, становятся основанием для формирования мировоззренческой позиции. Связующим звеном между имплицитными концепциями и собственной мировоззренческой позицией может выступать механизм когнитивного диссонанса, в результате которого человек более склонен приписывать людям, чья мировоззренческая позиция близка к его собственной, позитивные личностные черты.

Перспективным выглядит изучение направления обнаруженной взаимосвязи с использованием данных лонгитюдных исследований, а также оценка вклада других личностных переменных в ее выраженность и характер.

Литература

Буровихина И., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Силы характера как ресурсы личности подростка: опыт применения опросника «Профиль личных достоинств» // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 107–127.

Иванченко Г.В., Кошелева Н.В., Осин Е.Н. Имплицитные концепции личности атеиста и верующего в постатеистическом обществе // Психология человека в современном мире. Т. 6: Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.А. Ребеко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 145–152.

Кошелева Н.В., Казарян М.Ю. Портрет атеиста глазами современных сту-

дентов // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 42–49.

Московичи С. Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.

Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. СПб.: Речь, 2004.

Bruner J.S., Tagiuri R. The perception of people // Lindzey G. (ed.). Handbook of social psychology. Reading, MA: 1954. Vol. 2. P. 9–41.

Kelly G.A. The psychology of personal constructs. N.Y.: Norton, 1955.

Mchedlov M.P. On the religiousness of Russia's young people // Russian Social Science Review. 2001. 42. 5. 27–35.

Sternberg R.J. Implicit theories of intelligence, creativity, and wisdom // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. 49. 3. 607–627.

Кошелева Наталья Валерьевна — соискатель факультета психологии НИУ ВШЭ, помощник проректора, стажер-исследователь Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Контакты: nkocheleva@hse.ru

Осин Евгений Николаевич — доцент факультета психологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук

Контакты: keep-psy@mail.ru

Обзоры и рецензии

ЧУВСТВО ЮМОРА КАК МАРКЕР ОДАРЕННОСТИ

Е.М. ИВАНОВА

Резюме

В статье представлен обзор отечественных и зарубежных исследований чувства юмора у одаренных людей. По данным ряда исследований, различные параметры чувства юмора коррелируют с креативностью и интеллектом. Делается вывод о том, что чувство юмора может служить маркером одаренности.

Ключевые слова: *чувство юмора, юмор, остроумие, смех, одаренность.*

Научный интерес к психологии юмора постепенно возрастает в мире, но все же эта тема остается в стороне от мейнстрима. Немногочисленными оказываются исследования чувства юмора у одаренных людей. В то же время имеется множество данных о том, что юмор и одаренность тесно связаны. Юмор повышает селективность внимания, облегчая запоминание, фасилитирует социальное взаимодействие (Holt, Willard-Holt, 1995). Восприятие юмора и остроумие — это своеобразная тренировка

навыков нахождения смысла в бессмысленности, изменения точки зрения, т.е. творческого мышления (McGhee, 1999). Юмор повышает гибкость мышления (Бороденко, 1995; Мартин, 2009), стимулирует к активному поиску несоответствий, риску инноваций (Morreall, 1991). Таким образом, дети и подростки, обладающие относительно высоким чувством юмора, получают некоторые преимущества в процессе обучения по сравнению со своими более серьезными сверстниками.

Наиболее признанными показателями одаренности считаются высокие креативность и интеллект (см, например: Богоявленская и др., 2003). Как показывают исследования, чувство юмора коррелирует и с тем и с другим. Чувство юмора как личностная черта связано с одаренностью и непосредственно. Таким образом, исследование чувства юмора как маркера одаренности актуально.

Исследование чувства юмора одаренных имеет и практическую значимость. Известно, что все тесты одаренности чувствительны к мотивационным факторам (Бабаева, Войскунский, 2003), использование же юмора при тестировании, как правило, является интересным для испытуемого и может существенно влиять на результаты, формируя дополнительную мотивацию (Бороденко, 1995; Иванова, 2002; Isen et al., 1987; Ziv, 1976).

Чувство юмора в исследованиях одаренности

Большинство исследователей одаренных людей отмечали, что они отличаются хорошим чувством юмора (Baska, 1989; De Vono, 1970; Lauscock, 1979; Torrance, 1962). А. Маслоу (1997) включал чувство юмора в список черт самоактуализирующейся личности.

Ф. Таттл, Л. Беккер и Дж. Сауза приводят списки характеристик одаренных студентов, и многие из них включают чувство юмора в качестве ведущей черты (Tuttle et al., 1988).

Имеются и эмпирические данные в пользу того, что одаренные дети обладают хорошим чувством юмора.

Так, одаренные дети ценят юмор значительно выше (Getzels, Jackson, 1962), чаще вовлекаются в спонтанное веселье и намного лучше понимают комические несоответствия, чем их менее одаренные сверстники (Shade, 1991). По данным А. Зива, чувство юмора одаренных подростков зачастую ничем не отличается от чувства юмора взрослого (см.: Holt, Willard-Holt, 1995). Д. Берген приводит пример одаренной девочки Кэти, которая к 11 годам использовала все виды юмора, включая политический (Bergen, 2004).

При социометрической оценке чувства юмора одноклассниками одаренные подростки получали либо очень высокие, либо очень низкие оценки, в то время как оценки их сверстников показали статистически нормальное распределение (Ziv, Gadish, 1990). Многие одаренные подростки в интервью говорили, что сверстники не понимают их юмор, поэтому они перестали шутить с ними.

В середине 1980-х гг. в США было проведено исследование с участием руководителей 100 наиболее крупных компаний (см.: McGhee, 1999). 84% этих руководителей сообщили в интервью, что считают служащих с чувством юмора более эффективными в работе.

Чувство юмора и креативность

Считается, что одним из первых на связь креативности и чувства юмора указал А. Кестлер (Koestler, 1964). По его мнению, ситуация становится смешной при нахождении аналогий между несходными структурами, что он назвал «бисоциацией».

Процесс бисоциации присутствует в научных открытиях и творчестве так же, как и в юморе.

Несоответствие, неожиданность, новизна — неотъемлемые компоненты юмора — в то же время являются атрибутами креативности (Besemer, Treffinger, 1981; Mednick, 1962), поэтому юмор часто рассматривается как разновидность креативности (Murdock, Ganim, 1993; Renzulli et al., 1976; Иванова, 2002; Мартин, 2009). Наблюдение у ученика хорошего чувства юмора наряду с остроумием дает повод учителям воспринимать его как высококреативного, поскольку «ментальные процессы юмора и креативности неразделимы» (Bleedorn, 1982, p. 34).

Дж. Гилберт и М. Малкей (Гилберт, Малкей, 1987), анализируя юмор ученых, максимально сближают научное и творческое мышление с чувством юмора. По их мнению, приемы, с помощью которых ученые создают оригинальные научные теории и на которых основаны их шуточные высказывания, — одни и те же. А. Кон обращает внимание на то, что многие научные открытия были сначала восприняты как комическая нелепость, анекдот, абсурд (Kohn, 1988).

Творчество и остроумие основаны на одних и тех же приемах, используют одни и те же способы поиска результата, включают одни и те же этапы (Лук, 1977; Иванова, 2002). Остроумие, как и творчество, связано с нарушением логики на одном смысловом уровне и установлением логических связей на более высоком уровне абстракции, разрушением привычных контекстов и нахождением новых связей между явлениями.

А.Н. Лук ввел понятие комического и некомического остроумия; последнее, по существу, и есть творческое мышление.

А.Н. Лук выделил 12 приемов остроумия и считал, что, по крайней мере, некоторые из них представляют собой «обнаженные» приемы мышления (Лук, 1977). Эмпирически это показала М.В. Мусийчук (Мусийчук, 2003), подобрав ряд парадоксальных логических задач, каждая из которых основана на одном из приемов А.Н. Лука. Сходство восприятия юмора с процессами решения логических задач или неюмористических загадок подчеркивали и многие другие исследователи (McGhee, 1979; Klavir, Gorodetsky, 2001).

Т.В. Иванова (Иванова, 2002), развивая идеи А.Н. Лука, пишет, что некоторые типы остроумия можно считать разновидностью креативного продукта, смех, оценивающий их качество, — признаком креативности, а оригинальность как показатель креативности — истинным остроумием. Она делает вывод о том, что остроумие можно рассматривать в качестве признака креативности.

Многочисленные эмпирические данные в основном подтверждают связь между чувством юмора и креативностью (O'Quin, Derks, 1997). Так, высокие корреляции между ними установили А. Зив, Е. Смит и Х. Уайт, Й. Тредуэлл (Smith, White, 1965; Treadwell, 1970; Ziv, 1989). А. Козбелт и К. Нишиока показали, что восприятие юмора, подобно креативности, происходит через инсайт (Kozbelt, Nishioka, 2010). Подростки, которые, по наблюдениям

исследователей и учителей, часто шутили в классе, получали более высокие баллы по тесту креативности (Fabrizi, Pollio, 1987). Профессиональные юмористы отличаются высокой креативностью (Kaufman, Kozbelt, 2009).

В одном исследовании среди пожилых женщин с высоким IQ (по шкале Стенфорд-Бине) отобрали наиболее творческих по количеству социально значимых достижений. Эти женщины отличались от своих не менее интеллектуальных сверстниц преобладанием защитных механизмов сублимации, юмора и альтруизма (Vaillant, Vaillant, 1990).

Комплексность чувства юмора, с одной стороны, и одаренности, с другой, приводит к тому, что результаты исследований трудно сопоставлять, так как в разных исследованиях используются разные параметры явлений. Тем не менее даже в сходных по методологии работах полученные результаты сильно различаются. Данные о взаимосвязи между остроумием и креативностью многочисленны, однако коэффициент корреляции, полученный в разных работах, варьирует очень сильно.

В. Хаук и Дж. Томас установили корреляцию между остроумием (по ассоциативному тесту) и креативностью (по тесту Торренса) на уровне 0.89 (Hauck, Thomas, 1972). По данным же Дж. Клэбби (Clabby, 1980), эта корреляция составила всего 0.33. При этом остроумие оценивалось по результатам выполнения специальных заданий (например, придумать комический слоган президентской избирательной кампании), а креативность — по заданию

придумать необычные функции для пяти предметов.

В аналогичном отечественном исследовании креативность по тесту Торренса соотносилась с остроумием, измеряемым по тесту ТОСТ, где испытуемым предлагалось придумывать смешные подписи к рисункам (Иванова, 2002). Результаты показали наличие связи между остроумием подписей и креативностью на уровне 0.43. Между пониманием юмора и креативностью также установлена связь. В исследовании Л. Рауфф испытуемым предлагалось объяснить соль 20 комических рисунков. В результате была установлена корреляция 0.37 между степенью схватывания соли шутки и баллом по тесту отдаленных ассоциаций (Rouff, 1975).

По данным С. Хумке и С. Шэфер, креативность коррелирует с чувством юмора как многомерной личностной чертой на уровне 0.77 (Humke, Schaefer, 1996). С другой стороны, креативность не связана с оценками шуток, т.е. предпочтением того или иного вида юмора (Babad, 1974).

Имеются данные о том, что использование юмора может повышать креативность ситуативно. Создание юмористической атмосферы, игровой контекст, прослушивание юмористических аудиозаписей или просмотр комедии повышают результаты креативности по тестам (см.: McGhee, 1999; Isen et al., 1987; Ziv, 1976, 1989).

М.В. Бороденко (Бороденко, 1995) показала, что юмор снижает ригидность мышления. Ригидность измерялась по методике И.Г. Дубова «Всегда ли?», включающей 12 вопросов,

начинающихся со слов «Всегда ли...?» и провоцирующих однообразные ответы. В середину опросника вводился комический вопрос (некомический в контрольной серии). Ригидность после комического вопроса снижалась по сравнению с первоначальным уровнем, т.е. повышалась гибкость мышления.

Все эти данные свидетельствуют о том, что юмор (остроумие) повышает креативность, и стали обоснованием для разработки специальных программ по развитию чувства юмора в целях повышения креативности (Ziv, 1989).

Однако существует и другой взгляд. К. О'Куин и П. Деркс полагают, что чувство юмора и креативность следует считать отдельными, только частично совпадающими областями (O'Quin, Derks, 1997). Эмпирически доказано, что люди с высоким чувством юмора являются также более креативными, однако причинно-следственные связи здесь остаются дискуссионными. Хорошее чувство юмора может повышать креативность, но творческое мышление, в свою очередь, способствует развитию чувства юмора. Скорее всего, в основе того и другого лежат одни и те же механизмы (Лук, 1977; Иванова, 2002). Тем не менее, хотя остроумие и коррелирует с креативностью, с интеллектом связь намного выше (Feingold, Mazella, 1993).

М. Кандалл указывает на то, что юмор сильно зависит от социального контекста и в группе возникает значительно легче, в то время как креативности групповой контекст, скорее, мешает (Cundall, 2007).

М. Эптер считает, что направленность на достижение определенной

цели (что обычно характерно для творческого мышления) препятствует возникновению чувства смешного, которое легче появляется в нецеленаправленном, несерьезном, игровом состоянии (Apter, 1982).

Чувство юмора и интеллект

Немало исследований было направлено на установление взаимосвязи между чувством юмора и интеллектом, при этом результаты оказываются противоречивыми. Так, понимание шуток связано со способностью к абстрактному мышлению и восприятию встроенных фигур (см.: Holt, Willard-Holt, 1995), высоко коррелирует с интеллектом по тесту Векслера (Levine, Redlich, 1960). Понимание и оценка юмора карикатур коррелируют с когнитивным уровнем развития (Zigler et al., 1966; Ziv, 1989). Были также получены связи между когнитивным развитием и частотой смеха, способностью к восприятию абсурда, способностью распознавать несоответствия и другими аспектами юмора (см. обзор: Holt, Willard-Holt, 1995).

Напротив, другие исследования не показали связи между пониманием юмора и интеллектом (там же). Каннингэм установил негативную связь, Бродзински, а также Прентайс и Фэтман получили противоречивые результаты (см.: там же).

По мнению большинства современных исследователей, противоречивые результаты возникают по причине смешения восприятия юмора и его продукции (Иванова, 2002; Мартин, 2009; Holt, Willard-Holt, 1995). Определенный уровень интеллекта является необходимым

условием понимания юмора. Способность же понимать юмор является условием оценки юмора (Levine, 1980). При этом хорошая память на шутки не связана с интеллектом (Feingold, Mazzella, 1993).

Наиболее логичная и непротиворечивая линия исследований чувства юмора одаренных основана на том, что с развитием когнитивных способностей меняется то, что кажется смешным. Поскольку одаренные дети обгоняют своих сверстников в интеллектуальном развитии, они могут быть также более остроумны (Shade, 1991).

В лонгитюдном исследовании одаренных детей Д. Берген показала опережающее развитие их чувства юмора по сравнению с данными, полученными на обычных детях (Bergen, 2004). В ее недавнем исследовании (Bergen, 2009) было показано, что если в обычной выборке только 49% детей 7–9 лет могли правильно воспроизвести шутку и объяснить ее смысл, то среди одаренных детей того же возраста их было 92%.

Заключение

Проведенный обзор показал, что по результатам целого ряда исследований одаренные люди отличаются хорошим чувством юмора. Опережающее когнитивное развитие у одаренных детей способствует опережению в развитии чувства юмора, что создает дополнительное преимущество в обучении. Наиболее четкие взаимосвязи прослеживаются между остроумием и креативностью, а также между способностью понимать юмор и интеллектом. Вероятно, некоторые компоненты чувства

юмора связаны и с другими признаками одаренности (например, чувством превосходства, нонконформизмом, уверенностью в себе, высокой самооценкой и т.п.), но эти аспекты пока не изучены.

Возникает вопрос: все ли одаренные люди остроумны? И если не все, то имеет ли это прогностическое значение для реализации их потенциала? При ответе на этот вопрос необходимо учитывать результаты не только объективных наблюдений, но и субъективных отчетов, поскольку, например, одаренные подростки перестают шутить в классе, если не встречаются отклика.

Необходимо отметить, что остроумным человек воспринимается как в случаях, когда он самостоятельно продуцирует юмор, так и когда он всего лишь обладает хорошей памятью и воспроизводит готовые шутки. Вряд ли оба эти вида остроумия одинаково связаны с интеллектом и креативностью.

Одаренные люди могут отличаться своим отношением к юмору и смеху. Особенно высоко одаренные люди выделяются в коллективе, в то время как именно отклонение от нормы является стандартным поводом для смеха. Легко предположить, что часть одаренных людей отличает повышенная устойчивость к юмору других и здоровая самоирония, а других, напротив, — чрезмерная чувствительность к насмешкам окружающих (и развитие по типу гиперкомпенсации).

Возможно, одаренные люди предпочитают определенные виды юмора? Например, больше ценят так называемые интеллектуальные шутки и менее склонны к юмору «ниже пояса»?

Дружелюбен ли юмор одаренных или чаще носит характер насмешки? Склонны ли они к самоиронии?

Если опережение когнитивной составляющей чувства юмора у ода-

ренных детей не оставляет сомнений, то в отношении других его аспектов возникает множество вопросов. Ведь известно, что развитие одаренных нередко диспропорционально.

Литература

- Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е.* Одаренный ребенок за компьютером. М.: Сканрус, 2003.
- Богоявленская Д.Б., Шадриков В.Д., Бабаева Ю.Д., Брушлинский А.В. и др.* Рабочая концепция одаренности. М., 2003.
- Бороденко М.В.* Два лица Януса-смеха. Ростов-на-Дону, 1995.
- Гилберт Дж.Н., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры. М., 1987.
- Иванова Т.В.* Остроумие и креативность // Вопросы психологии. 2002. № 1–2. С. 76–87.
- Лук А.Н.* Юмор, остроумие, творчество. М.: Искусство, 1977.
- Мартин Р.* Психология юмора. СПб: Питер, 2009.
- Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.
- Мусийчук М.В.* О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 99–105.
- Apter M.J.* The experience of motivation: The theory of psychological reversals. San Diego, CA: Academic Press, 1982.
- Babad E.Y.* A multi-method approach to the assessment of humor: A critical look at humor tests // Journal of Personality. 1974. 42. 4. 618–631
- Baska L.K.* Characteristics and needs of the gifted // J.F. Feldhusen, J. Van Tassel-Baska, K. Seeley (eds.). Excellence in educating the gifted. Denver: Love Publishing Company, 1989. P. 15–28.
- Bergen D.* Humor development of gifted and typically developing children: A synthesis of present knowledge // Revue Quebecoise de Psychologie. 2004. 25. 1. 1–21.
- Bergen D.* Gifted children's humor preferences, sense of humor, and comprehension of riddles // Humor: International Journal of Humor Research. 2009. 22. 4. 419–436.
- Besemer S.P., Treffinger D.J.* Analysis of creative products: Review and synthesis // Journal of Creative Behaviour. 1981. 15. 158–178.
- Bleedorn R.* Humor as an indicator of giftedness // Roeper Review. 1982. 4. 33–34.
- Clabby J.F.* The wit: A personality analysis // Journal of Personality Assessment. 1980. 44. 307–310.
- Cundall M.K.* Humor and the limits of incongruity // Creativity Research Journal. 2007. 19. 2–3. 203–211.
- De Bono E.* Lateral thinking: creativity step by step. Harper & Row, 1970.
- Fabrizi M.S., Pollio H.R.* A naturalistic study of humorous activity in a third, seventh, and eleventh grade classroom // Merrill-Palmer Quarterly. 1987. 33. 1. 107–128.
- Feingold A., Mazzella R.* Preliminary validation of a multidimensional model of wittiness // Journal of Personality. 1993. 61. 439–456.
- Getzels J.W., Jackson P.W.* Creativity and intelligence: Explorations with gifted children. N.Y.: Wuey, 1962.

- Hauck W.E., Thomas J.W.* The relationship of humor to intelligence, creativity, and intentional and incidental learning // *Journal of Experimental Education*. 1972. 40. 4. 52–55.
- Holt D., Willard-Holt C.* An exploration of the relationship between humor and giftedness in students // *Humor: International Journal of Humor Research*. 1995. 8. 3. 257–271.
- Humke C., Schaefer C.* Sense of humor and creativity // *Perceptual and Motor Skills*. 1996. 82. 544–546.
- Isen A.M., Daubman K.A., Nowicki G.P.* Positive affect facilitates creative problem solving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. 52. 1122–1131.
- Kaufman S.B., Kozbelt A.* The tears of a clown: Understanding comedy writers / S.B. Kaufman, J.C. Kaufman (eds.). *The psychology of creative writing*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.
- Klavir R., Gorodetsky M.* The Processing of analogous problems in the verbal and visual-humorous (cartoons) modalities by gifted/average children // *Gifted Child Quarterly*. 2001. 45. 3. 205–215.
- Koestler A.* *The act of creation*. N.Y.: Macmillan, 1964.
- Kohn A.* Humor as a vehicle for unconventional ideas // J. Durant, J. Miller (eds.). *Laughing matters*. N.Y.: Longman, 1988. P. 121–134.
- Kozbelt A., Nishioka K.* Humor comprehension, humor production, and insight: An exploratory study // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2010. 3. 375–401.
- Laycock F.* *Gifted children*. Glenview, IL: Scott, Foresman and Co, 1979.
- Levine J.* The clinical use of humour in work with children // P. McGhee, A. Chapman (eds.). *Children's humour*. Chichester: Wiley, 1980. 255–280.
- Levine J., Redlich F.C.* Intellectual and emotional factors in the appreciation of humor // *Journal of General Psychology*. 1960. 62. 25–35.
- McGhee P.E.* *Humor: Its origin and development*. San Francisco: W.H. Freeman, 1979.
- McGhee P.E.* *Health, healing and the amuse system: Humor as Survival Training*. Kendall-Hunt, 1999.
- Mednick S.A.* The associative basis of the creative process // *Psychological Review*. 1962. 69. 220–232.
- Morreall J.* Humor and work // *Humor: International Journal of Humor Research*. 1991. 4. 3/4. 359–373.
- Murdock M.C., Ganim R.M.* Creativity and humor: Integration and incongruity // *Journal of Creative Behaviour*. 1993. 27. 1. 57–70.
- O'Quin K., Derks P.* Humor and creativity: A review of the empirical literature // M.A. Runco (ed.). *The creativity handbook*. Cresskill, NJ: Hampton, 1997. Vol. 1. 227–256.
- Renzulli J.S., Smith L.H., White A.J., Callahan C.M., Hartman R.L.* Scales for rating behavioral characteristics of superior students. Mansfield Center, CT: Creative Learning Press, 1976.
- Rouff L.L.* Creativity and the sense of humor // *Psychological Reports*. 1975. 37. 1022.
- Shade R.* Verbal humor in gifted students and students in the general population: A comparison of spontaneous mirth and comprehension // *Journal for the Education of the Gifted*. 1991. 14. 2. 134–150.
- Smith E.E., White H.L.* Wit, creativity, and sarcasm // *Journal of Applied Psychology*. 1965. 49. 2. 131–134.
- Torrance E. P.* *Guiding creative talent*. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice Hall, 1962.

Treadwell Y. Humor and creativity // Psychological Reports. 1970. 26. 55–58.

Tuttle F.B., Becker L.A., Sousa J.A. (eds.). Characteristics and identification of gifted and talented students. Washington, DC: National Education Association, 1988.

Vaillant G.E., Vaillant C.O. Determinants and consequences of creativity in a cohort of gifted women // Psychology of Women Quarterly. 1990. 14. 607–616.

Zigler E., Levine J., Gould L. Cognitive processes in the development of children's

appreciation of humor // Child Development. 1966. 7. 507–518.

Ziv A. Facilitating effects of humor on creativity // Journal of Educational Psychology. 1976. 68. 3. 318–322.

Ziv A. Using humor to develop creative thinking // P. E. McGhee (ed.). Humor and children's development: A guide to practical applications. N.Y.: Haworth, 1989.

Ziv A., Gadish O. Humor and giftedness // Journal for the Education of the Gifted. 1990. 13. 4. 332–345.

Иванова Елена Михайловна, старший научный сотрудник МГППУ, младший научный сотрудник НЦПЗ РАМН, кандидат психологических наук

Контакты: ivalenka@list.ru

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТ ФИЛОСОФСКИХ ИСТОКОВ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ

Ю.Г. ОВЧИННИКОВА, П.Б. СЕЛЮГИНА

Резюме

В статье представлен обзор высказываний об идентичности в философии. Проанализированы традиции понимания идентичности как внутреннего тождества и как соответствия условиям культуры. Рассмотрено развитие этих взглядов в рамках психологического знания. Выделены дихотомические характеристики «внутренняя сущность — согласованность с социальными ценностями», «единство постоянства и изменчивости», «проблема целостности и адаптации», которые отражают сущность идентичности. Рассмотрены особенности развития идентичности в первой и второй половине жизни.

Ключевые слова: личностная идентичность, целостность, тождество, процессуальность, психосоциальный аспект.

Проблема идентичности занимает важное место в современных исследованиях и психотерапевтических дискуссиях. Однако большинство академических трудов посвящено проблемам социальной, этнической идентичности и становлению личностной в юношеском возрасте. Развитие идентичности в зрелости по-прежнему остается мало изученным. В данной работе представлен обзор развития взглядов на проблему идентичности в философии и психологии. Именно философские концепции задают модусы рассмотрения сущности данного феномена,

закладывают противоположные полюса. Полученные в ходе теоретического экскурса выводы проясняют основные вехи в динамике идентичности в зрелом возрасте.

Согласно философскому подходу, идентичность (или сходство) состоит в том, что делает объект определенным и распознаваемым с точки зрения обладания рядом качеств или особенностей, которые отличают этот объект от объектов различного типа (Абушенко, 2003).

Ф. Brentano представлял идентичность как «соответствие, мыслимое в совершенстве» (цит. по: там

же). С точки зрения логики, идентичность неразрывно связана с понятием тождества и предполагает не только операции абстракции отождествления, но и абстракции неразличимости. Следовательно, понятие тождества можно интерпретировать как неотличимость объектов друг от друга по ряду (или совокупности) свойств.

Связь понятий идентичности и тождества прослеживается еще со времен античной философии. В аристотелевской традиции понятие тождества наделяется большим фундаментальным значением, нежели понятие различия. В Новое время Р. Декарт проинтерпретировал это соображение как субстанциальность *cogito* (там же). Позже эта идея нашла свое развитие в трансцендентализме, в особенности в «философии тождества» Ф. Шеллинга (Кузнецов, 1989). Ф. Шеллинг трактует идентичность как тождественность, а точнее, самоидентичность, структур «чистого» мышления, идеального Я. Идентичность в этом случае представляется как данность, она очевидна для познающего субъекта. Таким образом, для этого направления философии идентичность осталась «непроблемной» сферой. Актуализация этого вопроса как раз и потребовала пересмотра «доминанты тождества», характерной для классической философии. Х. Ортега-и-Гассет комментирует этот момент, подчеркивая, что немецкая трансцендентально-критическая философия представляла активность духа как фиксированную «неподвижность» (Ортега-и-Гассет, 1991). Идеи в классической философии трактуются как телесные реальности, а сами эти реальности — как идентичности.

В неклассической философии проблематика идентичности представлена в трудах М. Хайдеггера (Абушенко, 2003). Идентичность в его философии трактуется как всеобщность бытия. Всякое сущее, в представлении М. Хайдеггера, тождественно самому себе. Одновременно всякое сущее тождественно всякому другому сущему. Этот подход исключает не только различие как иное бытие, но и изменение. Схожие идеи в понимании идентичности можно найти у Э. Гуссерля. В его представлении, через трансцендентальную редукцию можно перейти к самоидентичному («чистому») сознанию как таковому (Melchert, 2006).

В психологической традиции эти положения были сформулированы в представлении идентичности как внутренней сущности, ядра личности, тесно связанного с ценностно-смысловой системой (Франкл, 1990; Юнг, 1994). Стремление к обретению идентичности отражает стремление к целостности, интеграции противоположностей.

Существует также другая трактовка идентичности в классической философии, принадлежащая Иоанну Дунсу Скоту (Апполонов, 2011). В его теории каждый объект представляет собой общую природу и ограничивающую ее «этовость» (*haecceitas*), определяющую индивидуальность объекта, его качественное своеобразие. Впоследствии концепция была дополнена понятием «чтойности» М. Шелера и понималась как раскрытие самости в ее соотносительности с Другим.

Ю. Хабермас связывает эту линию трактовки идентичности с

именем Г. Лейбница, который, по его мнению, впервые показал, что «каждая самопрезентирующаяся субъективность сосредоточена на самой себе и представляет мир как целое своим собственным уникальным способом» (Хабермас, 1992, с. 44). В дальнейшем становление представлений о проблеме связано с анализом соотносительности Я и не-Я у И. Фихте и идеями ответственности и внутреннего выбора С. Кьеркегора. Отметим, что именно этим идеям обязано сосредоточение внимания подлинности бытия в контексте проблематики идентичности. К тем же результатам, хотя и иным путем, приводит традиция Дж. Локка, связавшая понятие «идентичности» с понятием ответственности человека за совершаемые поступки на основе памяти о них (Абушенко, 2003).

Следующим шагом в разработке концепции идентичности следует считать тезис Д. Юма о конституировании идентичности не из самости человека, а «извне», т.е. из общества. В такой трактовке идентичность поддерживается за счет имени, репутации, славы через имя, репутацию, славу и т.д., поскольку в представлениях Д. Юма Я — это всего лишь «пучок восприятий» и не более того. Фактически в это время впервые были выдвинуты тезисы о формировании идентичности в пространстве культуры и общества. Человек в этой традиции находит себя через внешнее, вне себя самого, в своей деятельности и в этом отношении «создает себя» (Melchert, 2006).

Данная философская линия отразилась в психосоциальном понимании личностной идентичности, со-

гласно которому идентичность — это не столько внутренняя целостность, сколько результат согласования, баланса между потенциальной целостностью, личностными смыслами и ценностями общества, представленными в том числе и в признании значимыми Других.

Наиболее ярко данную позицию обозначил Э. Эриксон, определив идентичность как «осознание того, что синтезирование Эго обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью и что стиль идентичности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое представляется значимым другим в непосредственном окружении» (Эриксон, 1996, с. 59). Автор раскрывает психосоциальную сущность, выделяя четыре аспекта: сознательное чувство индивидуальной идентичности, бессознательную борьбу за непрерывность личностного характера, критерий эго синтеза, поддержание внутренней солидарности с идеалами и идентичностью группы.

В аналитической традиции сходное содержание отражено в понимании Персоны (Стайн, 2007). Э. Эриксон интересовался идеями К.Г. Юнга и развил его представления об отношениях Эго — Персона.

В отечественной литературе данная точка зрения поддержана, например, Е.Т. Соколовой, которая определяет самоидентичность как «устойчиво переживаемую тождественность Я во времени и пространстве; она предполагает аутентичность самовосприятия, высокий уровень интеграции частных динамических и противоречивых образов Я в единую связанную систему, благодаря чему

оформляется и сохраняется устойчивым, обобщенным и целостным индивидуально-личностное самоопределение, поддерживаемое и разделяемое общностью значимых других» (Соколова и др., 2001, с. 4).

Возникает вопрос: является ли данная двойственность следствием непримиримых позиций, этапом в развитии научной мысли или она отражает сам процесс развития идентичности в течение жизни человека?

Предположение о непримиримости позиций кажется маловероятным, так как уже диалогическая философия достаточно адекватно воплотила этот круг идей. М.М. Бахтин, в частности, сформулировал идею венаходимости человека, согласно которой подлинное Я всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с Другим. Таким образом, две линии, противостоявшие в классической философии дискурсу тождества в понимании идентичности, совпали в XX в. в постклассической перспективе (Melchert, 2006). Понятие целостности вошло в пространство Диалога.

Психологические исследования поддерживают данную точку зрения. Так, социальная взаимозависимость рассматривается как условие здоровой идентичности (Олпорт, 2002), утверждается необходимость социального признания и объединения с окружающим миром и людьми (Фромм, 1990), отмечается роль значимого Другого в формировании идентичности (Мелибруда, 1986; Скрипкина, 2000). Данные представления позволяют нам говорить, что противоположности *«внутренняя сущность — согласованность с соци-*

альными ценностями» обрели жизнь в едином пространстве.

В постструктуралистско-герменевтической традиции дискуссии об идентичности стали средством переоценки и даже преодоления наследия классической и частично неклассической философии (Melchert, 2006). Так, идентификация здесь трактуется как практики означивания и самообозначения индивидуальности, где эта индивидуальность конституирует человека как Я в его отличности от «тела» и «личности» через ограничение выбора из многообразия (множественности) возможного. Таким образом, идентичность становится не фиксируемой реальностью, а некой длящейся «проблемой». Целостность человека оказывается не данной ему при жизни самому себе. Авторство собственной личности спорно, так как «законченность» целостности человека, с одной стороны, ограничивается рождением и смертью (и здесь идет речь о представленности «телом»), а с другой, эта целостность может быть реализована только в пространстве диалога.

Данная мысль стала основой психологических представлений об идентичности, согласно которым она динамична, претерпевает изменения, которые носят как эволюционный, так и революционный, кризисный характер. Подчеркивается процессуальность идентичности (Бьюдженталь, 1998; Эрикссон, 1996). Еще У. Джеймс выделил в качестве базовых характеристик идентичности континуальность, созидательное начало и непрерывность при постоянной изменчивости (Джеймс, 1991).

Таким образом, в самой сущности идентичности заложена вторая пара противоположностей, это *единство постоянства и изменчивости*. С одной стороны, личностная идентичность обеспечивает непрерывность восприятия себя, с другой стороны, необходимо признать наличие динамики, постоянной корректировки, включение новых элементов, выключение старых с последующим новым синтезом.

У. Джеймс, анализируя новое состояние души, обретенное после разрешения религиозного кризиса, обнаружил, что при общей прочности и постоянстве отдельные чувства внутри состояния могут быть изменчивы (там же). К.Н. Поливанова отмечает: «Человек, сформировавший идентичность, оказывается самождественным, он остается самим собой независимо от ситуации действия, но он одновременно и адекватен ситуации, не теряя при этом своего лица» (Поливанова, 2000, с. 80). На этом основании выявляется третья пара – *проблема целостности и адаптации*, это было подготовлено философской традицией, но сформулировано в рамках психологического знания, в первую очередь, в эго-психологии и аналитической психологии.

Развитие представлений об идентичности в эго-психологии основывается на трудах Х. Хартманна. Он предложил различать Эго – психическую подструктуру, функциями которой являются саморегуляции и адаптации к окружению, и Я (self) – совокупность психических представлений личности о себе. Таким образом, мы говорим об Эго в рамках приспособления индивида к реаль-

ности, а Я в контексте непосредственного переживания личностью собственной целостности (Хартманн, 2002).

Однако классиком в разработке проблемы эго-идентичности является Эрик Эриксон, который определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности (Эриксон, 1996). Таким образом, ключевыми моментами идентичности являются константность самовосприятия, единство временной перспективы, а также совпадение саморепрезентаций с восприятием личности другими людьми.

Э. Эриксон описывает эго-идентичность как трехуровневую структуру, где временная протяженность является атрибутом индивидуального уровня, личностный уровень сопровождается ощущением собственной уникальности, а на социальном уровне личность принимает социальные, групповые идеалы и стандарты (Эриксон, 2000). Операционализацию понятия идентичности осуществил Дж. Марсиа, предложив статусную модель идентичности. Таким образом, в определении и обозначении трех уровней (Эриксон) и четырех статусов (Марсиа) предполагается, что идентичность отражает внутреннюю целостность (уникальность) и является способом адаптации к обществу (принятие социальных идеалов) (Марсиа, 1993).

Дж. Мид усилил акцент на адаптивной роли идентичности, введя аспект «Me» и разделение на осознаваемую и неосознаваемую идентичность. Последняя основывается на принятых неосознанно нормах, заключающихся в требованиях социальной группы, к которой принадлежит

данная личность. Вопрос соотношения внешних и внутренних детерминанционных сил решается Дж. Мидом путем введения двух аспектов идентичности: «I», определяющего человека как индивидуальность, как реагирующего на социальную ситуацию сообразно своим особенностям, и «Me», определяющего человека как подчиняющегося социальным требованиям и моделям реагирования (Мид, 1998).

В дальнейшем идея о различных типах идентичности была развита И. Гоффманом, который выделил три вида идентичности: социальную, личную и Я-идентичность (Goffman, 1963). Р. Фогельсон предложил различать четыре вида идентичности: реальную (самоотчет индивида), позитивную (идеальную), негативную и предъявляемую идентичность (трансляция образа другим). Различные виды идентичности состоят в определенных отношениях друг с другом (см.: Антонова, 1996). У обоих авторов четко прослеживается идея об идентичности как о посреднике между уникальностью человека и группой или обществом в целом.

Ряд идей интеракционистов о природе идентичности был перенят представителями когнитивной психологии. Так, идея о двух аспектах идентичности — ориентация на социум и на уникальность личности — воплотилась в теории социальной идентичности Х. Теджфела и Дж. Тернера. По мнению исследователей, идентичность — это когнитивная система, функция которой состоит в регуляции поведения сообразно внешним условиям. Эта система, в свою очередь, включает подсистемы личностной и социальной иден-

тичности. Под личностной идентичностью понимается самоопределение на основе физических, интеллектуальных, нравственных характеристик, тогда как социальная идентичность определяется конкретными идентификациями на основе социальных категорий (см.: там же). В данных работах учет внешних условий представлен в максимально ясной форме.

Экзистенциально-гуманистическая традиция возвращает нас к взгляду на идентичность как на внутреннюю сущность и ощущение своего Я, своей целостности. Дж. Бьюдженталь различает подлинную, процессуальную, изменчивую и внешнюю, приобретенную извне, ригидную идентичность. Идентичность для него — это процесс постоянного ощущения своего Я, а также принятие себя как данности (Бьюдженталь, 1998).

Интересное развитие данные идеи получили в современной аналитической психологии (Стайн, 2007; Kast, 1991). Аналитики развивают представление К.Г. Юнга, согласно которому личностная идентичность развивается от адаптации в первой половине жизни к целостности во второй половине жизни. Адаптация к окружающим условиям и общественным нормам, направленность на социальные достижения, изменчивость ролей и идентификаций укрепляют силу Я. В дальнейшем этот процесс позволяет перейти к осознанию и принятию тех аспектов Я, которые ранее вызвали тревогу и вытеснялись, а также реализовать личностные смыслы, идущие вразрез с общепринятыми ценностями.

Однако исследования в рамках юнгианской психологии в основном

посвящены проблемам развития идентичности в среднем возрасте и во второй половине жизни. Более развернутое представление о динамике идентичности до 35–40 лет дают психоаналитически ориентированные авторы, кляйнианцы и эгопсихологи. Так, М. Малер указывает на тот факт, что у истоков формирования личностной идентичности мы обнаруживаем процесс выхода из целостности (представленной в форме слияния с матерью). Младенец в своем развитии движется от симбиотической фазы к фазе сепарации-индивидуации. Это длительный процесс, происходящий поэтапно и включающий формирование стабильных внутренних репрезентаций, дифференциацию Я, а после сравнение и различение этих репрезентаций (Малер, Мак-Девитт, 2005).

В рамках эго-психологии (Дж. Марсиа, Х. Хартманн, Э. Эриксона) рассматривается собственно формирование идентичности в юношеском возрасте, поскольку оно основано на определении ролей и вписывании себя в окружающий мир. Молодые люди должны заявить свое Я, определить центр сознания и завершить сепарацию, найти свою социальную нишу (Марсиа, 1993). Многие цели имеют социально значимый характер. Доминирует вера в постоянный прогресс. Этот оптимистичный миф часто превращается в персональный план достижения успеха. Таким образом, идентичность в юношеском возрасте больше отвечает задачам адаптации (Хартманн, 2002; Эриксон, 1996). Целостность представлена открытием идеи собственной самоидентичности. Интеграция и структурирование ролей означают,

что больший вес имеет согласованность личностных и социальных норм и ценностей.

Мало исследованным остается период первой зрелости. Современные юнгианцы говорят об отделении от прежней героической идентификации юности, разотождествлении с психосоциальным аспектом и подготовке к трансформации личности в середине жизни (Стайн, 2007; Kast, 1991).

Иной акцент делают эго-психологи, подчеркивая значимость продуктивности, заботы об обществе и следующем поколении. По мнению Э. Эриксона, состояние поглощенности собой и личными потребностями представляет негативный полюс (Эриксон, 1996). Следует особо отметить, что период первой зрелости как таковой не выделяется, Э. Эриксон говорит о зрелости в целом, подразумевая огромный этап жизни от 26 до 64 лет. Безусловно, перед психологией стоит задача дифференцировать отдельные этапы зрелого возраста и выявить их закономерности.

Таким образом, мы видим две противоположные тенденции: начало разотождествления с психосоциальным аспектом (юнгианская психология) и его развитие. Попробуем примирить эти позиции. Внутреннюю задачу первой зрелости можно сформулировать как необходимость осознать свои ограничения и возможности, разотождествить свое Я и атрибуты. Адаптация удерживается в фокусе внимания, однако она осознанно и на бессознательном уровне соотносится с целостностью, человек совершает выборы, видя оба полюса.

Большое внимание исследователей привлекает развитие идентичности в

середине жизни (40 лет), так как в это время психика по-прежнему очень подвижна и активна. Данный период сравнивают с подростковым возрастом: человек переживает подвешенность собственной идентичности, неопределенность, что позволяет пересекать внутренние границы и запретные рубежи (Стайн, 2007). В то же время возникает вопрос об ограничениях, которые задают возраст и предыдущие жизненные выборы. Человек обнаруживает себя между мечтами и реальностью и оказывается перед задачей «рокового десятилетия» — отделить прежнюю идентичность, ориентированную на социальные нормы (Kast, 1991).

Представители различных психологических школ сходятся во мнении, что решение данной задачи связано не с ростом или установлением чего-либо, а с вопросом о смысле (Франкл, 1990). Смысл открывается в развитии тех сторон себя, которые раньше были скрыты, находились в подчиненном положении или носили только потенциальный характер (Юнг, 1994). Таким образом, вторая половина жизни знаменуется поворотом от адаптации к целостности.

Проведенный обзор концепций идентичности в философии и развития философских идей в рамках психологического знания позволил выделить дихотомические характеристики, раскрывающие сущность личностной идентичности. На наш взгляд, данные пары «внутренняя сущность — согласованность с социальными ценностями», «единство постоянства и изменчивости», «проблема целостности и адаптации» не только отражают сложный, а порой конфликтный характер идентичности, но и задают направление ее развития.

Данный взгляд на проблему идентичности формирует иное представление о развитии личности. Согласно культурно-исторической традиции, развитие личности осуществляется через кризисы, т.е. через разрушение прежней структуры и появление новообразований. Однако понимание идентичности как структуры, содержащей в себе противоположности, которые не исключают друг друга, а находятся в отношениях взаимодополнения, позволяет говорить о развитии личности как о процессе трансформации.

Литература

Абушенко В.Л. Идентичность [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Мн.: Книжный Дом, 2003. Режим доступа: <http://opredelenie1.ru/noveyshiy-filosofskiy-slovar/i/identity/>

Автонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракциониз-

ма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.

Аполонов А.В. Иоанн Дунс Скот и его философская теология [Электронный ресурс] // Блаженный Иоанн Дунс Скотт. Трактат о первоначале. М.: Красанд, 2011. Режим доступа: http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/intro/

Бьюдженталь Дж. Наука быть живым. М.: Класс, 1998.

Джеймс У. Психология / Под ред. Л.А. Петровской. М., 1991.

Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. шк., 1989. С. 160–185.

Малер М., Мак-Девитт Дж.Б. Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 2. Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/par.php?id=20050209>

Мелибруда Е. Я — Ты — Мы. М.: Прогресс, 1986.

Мид Дж. Сознание, самость и общество // Социология: Классические и современные парадигмы: Хрестоматия / Сост. С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканян. М., 1998.

Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Искусство, 1991.

Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000.

Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Академия, 2000.

Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф. К обоснованию клинико-пси-

хологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3–17.

Стайн М. Трансформация. Проявление самости. М.: Когито-Центр, 2007.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Искусство любви. М.: Педагогика, 1990.

Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 44.

Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации. Институт общегуманитарных исследований, 2002.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: Airland, 1994.

Goffman E. Stigma: Notes of management of spoiled identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963.

Kast V. Sisyphus. A Jungian approach to midlife crisis. Daimon Verlag, 1991.

Marcia J. Ego identity: a handbook for psychological research. N.Y.: Springer-Verlag Inc., 1993.

Melchert N. The great conversation: A historical introduction to philosophy. Oxford University Press, 2006.

Овчинникова Юлия Германовна, доцент факультета психологии НИУ ВШЭ, юнгианский аналитик, кандидат психологических наук

Контакты: jovchinnikova@hse.ru

Селюгина Полина Борисовна, аспирант факультета психологии НИУ ВШЭ

Контакты: froide@mail.ru

Научная жизнь

НА V СЪЕЗДЕ РПО

В.В. КОЛПАЧНИКОВ

Во время работы съезда, проходившего 14–18 февраля 2012 г., я присутствовал на заседаниях нескольких секций. В секции «Теоретико-экспериментальные исследования и практика в психологии: пути сближения» развернулась дискуссия между представителями классической науки и психологической практики. А.В. Юревич (ИП РАН) в своем введении солидаризировался с утверждением британского методолога М. Мэлки о том, что в наше время, несмотря на усилия сблизиться, академическая наука, прикладная наука и технологии психологической практики по-прежнему существуют независимо друг от друга. В этом состоит проблема, требующая разрешения. Представители академической науки (Ю.М. Забродин, Т.В. Корнилова, Д.В. Ушаков и др.) говорили о важности четкой академической, обоснованной эмпирическими исследованиями и теориями организации практики как условия реальной эффективности практической психологии и возможности реального измерения этой эффективности. В.М. Розин раз-

вил идею о том, что существует два типа наук: 1) естественнонаучные, строящиеся на построении моделей, и 2) науки, строящиеся на основе не моделей, а схем, которые позволяют проектировать новые виды деятельности и феноменов. Психология, по его мнению, принадлежит ко второму типу и может выступать основой для психологической практики. Представители психологической практики (А.И. Сосланд и др.) утверждали, что сложность психологической практики невозможно исследовать и контролировать методами классической науки, и ратовали за уместность качественной методологии исследований. А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ) в своем выступлении подчеркнул, что пока чрезвычайно редка, но все чаще встречается ситуация, когда один и тот же человек является представителем и академической науки, и прикладной технологии. Именно такая ситуация — предпосылка преодоления разрыва, который констатировал А.В. Юревич. В своем выступлении я отметил важность теории в собственной практической деятельности как

инструмента осмысления и регуляции работы. Академические исследования сознания и осознания, знаково-символической регуляции деятельности, современные методологические подходы конструктивизма и психотехничности и мн. др. хорошо описывают и объясняют процессы психологической практики. Я глубоко убежден, что наука и практика могут продуктивно взаимодействовать на благо человека. Дискуссия на секции продемонстрировала достаточно напряженные отношения сторонников классической науки и практиков. И тем не менее с обеих сторон проявляются усилия для диалога и сотрудничества.

На секции «Психологическая практика» обсуждались организационные, методические и теоретико-методологические проблемы. А.И. Ляшенко осветила организационные, методические и содержательные вопросы работы Московской службы психологической помощи населению. Е.Н. Иванова (СПбГУ) — вопросы медиации и обучения ей как развивающегося подхода в психологической практике. В своем сообщении я говорил о том, что развитые психологические практики являются и культурными тенденциями, обладающими потенциалом изменения человеческой культуры.

В ходе работы симпозиума «Знания второго порядка и коммуникативные методы научного познания в психологии и психотерапии» философ В.А. Буров (РАН) проследил развитие науки от классической к неклассической (признание влияния инструментов познания на его процесс и результат) и к постнеклассической (учет жизненного

мира субъекта и «объекта» познания, роль языка и дискурсов, диалога «языков» и др.). Постнеклассические методы познания требуют организовать коммуникацию, диалог разных языков и онтологий для познания жизненного мира человека. На основе диалога возникают «знания второго порядка», более глубокие, достоверные и практичные, чем знания предыдущих ступеней развития науки.

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ) в своем сообщении «Существует ли индивидуальная субъектность?» творчески проблематизировал идею субъекта в культуре, продемонстрировал несовпадение субъекта и индивида и показал, что целостность личности и ее субъектность реализуются только как постоянный процесс выбора, предпринятия неопределенности-многообразия, трансцендирования границ достигнутого.

Л.П. Хохлова в докладе «Коммуникативные методы научного познания в психологии и психотерапии» развила идею опосредования методов познания в психологии и психотерапии различными моделями человека, продолжила тему необходимости диалога различных теорий и языков науки. Она представила собственные оригинальные разработки процессов разрешения проблем в процессе трансмодальной психотерапии на основе диалогического сопряжения сложных субъектов — участников терапии.

На секции «Консультативная психология» были представлены сообщения представителей различных консультативных подходов и направлений. Центральным событием работы секции стало сообщение

В.А. Петровского о необходимости утверждения консультативной психологии в качестве новой научной дисциплины. Он осветил предмет и концептуальную схему консультативной психологии. Последующая за докладом дискуссия о тайне психотерапии вылилась в диалог различных направлений консультирования и психотерапии. Хочется отметить содержательность и продуктивность этой дискуссии, увлекшей всех присутствовавших. В конце работы секции ее участника-

ми было единогласно принято обращение к ВАК с просьбой об утверждении новой научной специальности — консультативная психология.

Меня обрадовало обсуждение на съезде этического кодекса психологов, необходимость принятия которого давно назрела. Съезд продемонстрировал, что сообщество российских психологов растет как количественно, так и качественно — содержательно и профессионально. Это отрадно и внушает оптимизм.

***Колтачников Вениамин Валентинович, доцент факультета психологии
НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук***

Контакты: vkolpachnikov@hse.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theoretical and Empirical Research

A.N. Veraksa, A.E. Gorovaya. Mental Imagery Application Differences in Youth Athletes Pursuing Different Kinds of Sports

The paper analyses the differences in the way young athletes who pursue different kinds of sports use different types of mental images. The hypothesis of association between the image types athletes use and the specific requirements of the sport they pursue was confirmed. Age differences in application of different types of images were found. The association between the athletes' image application characteristics and their imagination development levels was established. The authors propose a complex programme of imagery application development for athletes and provide evidence of its effectiveness in highboard diver and football player samples.

Keywords: sports psychology, mental image, imagination, image application programme for athletic training.

Special Theme of the Issue. *Personology*

V.A. Petrovsky, E.B. Starovoi-tenko. The Science of Personality: Four Projects of General Personology

The paper provides the basis and outline of the perspective development of general personology that emphasises the multidimensional relation of psychology to personality as its research object, its creator, its target, its goal, and its ideal. This approach to psychological theory and practice is positioned as a new science of personality that is interested in persons and created for persons. Four research projects are outlined aiming to

create a personological synthesis between academic, counselling, and cultural psychologies of personality. The paper emphasises the need to create a synthesis of existing theories, models of counselling, and cultural experience, in order to unveil the potential of personality for self-construction, self-understanding, and authentic dialogue with others.

Keywords: personality, general personology, science of personality, projects, academic psychology, counseling psychology, cultural personality psychology, hermeneutics, life, self-construction.

M.V. Lomova. Mental Spaces in Analytic Dialogue: Interaction on the Client's Side

The paper starts with the discussion of one-way and two-way dyadic interaction between analyst and client. The issue of positional inequality and responsibility is raised, and the process-based distinction between positional and instrumental inequality is proposed. Weak and strong points of hierarchy in therapy are discussed, as well as the possibilities and necessary conditions for equal responsibility of therapists and client at the instrumental level of their relationship. A theoretical systematization of the therapeutic relationship is proposed, separating the structural and dynamic aspects, and relating those to different developmental stages. This scheme allows to propose new ways for research in analytical psychology and specific forms multifaceted approaches can take in practice.

Keywords: one-way and two-way interaction, interaction spaces, client territory, setting, positional inequality, positional responsibility, instrumental inequality, instrumental responsibility,

a priori responsibility, dynamic and structural aspects.

I.A. Pogodin. Experiencing-Focused Therapy

Phenomenological method is analyzed in relation to therapeutic practice. The way of restoration and supporting the client's process of experiencing by means of phenomenological following is presented in detail. Particular attention is paid to application of the Gestalt principle of pregnancy in therapy. Awareness is presented as a process that is inherent to the field of therapy and forms the basis for constructing therapeutic interventions.

Keywords: self, phenomenology, pregnancy, awareness, experiencing, dialogic-phenomenological approach, chronic low-intensity situation.

K.S. Lisetsky, S.V. Berezin, N.A. Evchenko. Role of Inner Dialogue «Self – Another-Self» in Personality Development

The role of inner dialogue in personality development is discussed. Particular attention is given to the perceptual aspect of inner dialogue, which is the reflection of the subject in the system «Self – Another Self». Based on an empirical study of the developmental function of inner dialogue, a recursive model is proposed of personality development, wherein the subject addresses the images of his/her «Another-Self».

Keywords: inner dialogue, Another-Self, personality development, reflect-ed subjectivity, recursion.

Interdisciplinary Research

D.R. Valeyeva, M.M. Yudkevich. The 2d:4d Ratio and Economic Experiments

The paper presents a review of studies in behavioural economics looking into the relationship between economic agents' behaviour in standard experimental settings (dictatorship games, ultimatum games, prisoner dilemma, etc.) and the ratio of their second (index) and fourth (ring) finger lengths that indicates the level of prenatal testosterone. The review shows that in a number of experiments the 2d:4d ratio exhibit significant associations with participants' behaviour and the outcomes of experimental games.

Keywords: 2D:4D ratio, prenatal testosterone, economic experiment.

Work in Progress

I.A. Geronimus. Association of the Image of Profession and the Way of Professional Self-Determination

The results are presented of an empirical study looking into the association between the ideas that senior university students have of different aspects of their future professional activity and their approach to professional self-determination (vocational choice). Internal personality barriers are analyzed that prevent the students from being aware of all the range of possibilities they have.

Keywords: professional self-determination, notions of possibilities, personality potential, time perspective.

E.L. Grigorenko, R. Boulvret-Houdin, N.V. Rakhlina. Spelling and Morphological Awareness

In this article, a connectionism model of reading, developed for English, was modified and applied to Russian. The modification introduced a morphological component into the model. The modified model was veri-

fied in a sample of 171 pupils from 4, 6, and 8 classes. The analyses indicated that the proposed model explained 60% of the variance in the outcome and that the morphology component was highly instrumental and informative.

Keywords: Connectionism model, Russian language, morphological awareness.

A.A. Grigoriev, V.Yu. Sukhanovsky. Association of Psychometric Intelligence to Regional Demographic Variables

The paper looks into the association of average psychometric intelligence (national IQ) with three demographic indicators: birth rate, infant mortality, and life expectancy. This association is analysed in a sample of 129 countries that are representative of the whole world community, and in a sample of European countries. In the 129-country sample all the three demographic indicators are highly associated with national IQ, whereas in a sample of European countries the association of birth rate with national IQ is not significant.

Keywords: national IQ, birth rate, infant mortality, life expectancy.

E.S. Dmitrieva, V.Ya. Gelman, K.A. Zaitseva, A.M. Orlov. Measuring the Association Between Emotional Prosody Perception and Emotional Intelligence Components

The study looked into the association of efficacy and time spent solving emotional prosody perception task with self-reported components of emotional intelligence (EmIn questionnaire). The self-report data reflecting the cognitive components of emotional intelligence were associated with the characteristics

of emotional prosody perception within different acoustic settings. The efficacy of emotional prosody perception demonstrated particularly strong positive associations with the «understanding emotions» scale and «understanding one's own emotions» and «understanding others' emotions» subscales of the EmIn questionnaire.

Keywords: emotional intelligence, emotional prosody perception, speech, efficacy, reaction time, EmIn questionnaire.

N.V. Kosheleva, E.N. Osin. Implicit Conceptions of Atheist and Believer in Students

The paper looks into the association of the characteristics of implicit conceptions of atheist and believer with demographic and religious worldview variables. A study was done in a university student sample (N=216) using the "24 strengths" questionnaire based on the classification of personality strengths and virtues by C. Peterson and M. Seligman. Significant differences were found between the strengths students ascribed to a typical believer and a typical atheist. The characteristics of the implicit conceptions of believer and atheist were associated with the students' gender and with the extent to which they tended to endorse statements consistent with religious worldview. The tendency to endorse religious worldview moderated the association of students' implicit conceptions of believer and atheist with their self-rating and ideal in terms of the 24 strengths. The results suggest interdependence between endorsing certain types of worldview and the content of implicit conceptions of personalities who personify these.

Keywords: religious faith, atheism, everyday notions, implicit personality conceptions, character strengths, virtues.

Reviews

E.M. Ivanova. Sense of Humour as a Giftedness Indicator

The paper presents a review of Russian and foreign studies of sense of humour in talented people. A number of studies confirm the association of certain parameters of the sense of humour to creativity and intelligence. A conclusion is made that sense of humour can be used as an indicator of giftedness.

Keywords: sense of humour, humour, wittiness, laughter, giftedness.

Yu.G. Ovchinnikova, P.B. Selyugina. Personal Identity: From Phi-

losophical Background to Its Psychological Essence.

The paper summarises different views of identity in philosophy. The different traditions of understanding identity are analysed that view it as one's intrinsic sameness, or as one's correspondence to the cultural conditions. The development of these views within psychology is shown. The essence of the identity phenomenon can be captured by a number of proposed dichotomies: inner essence vs correspondence to social values, the union of consistency and change, the problem of integrity vs adaptation. Specific features of identity development associated with early and late stages in life are discussed.

Keywords: personal identity, integrity, sameness, process approach, psychosocial aspects.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Журнал зарегистрирован 14.03.2005 г. в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационный номер ПИ № ФС 77–19534

Адрес редакции
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46Б
E-mail: psychology.hse@gmail.com

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Почтовый адрес: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 450 экз. Печ. л. 10.5